

НАШИ ДНИ НА КРАЮ СВЕТА

ТЁМНЫЙ ПОСТАПОКАЛИПТИЧЕСКИЙ РОМАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ISACAT MEOW

18+

isacat meow

Наши дни на краю света

<https://litres.ru/74377602>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марен похищают и запирают глубоко под землёй, в секретном секторе комплекса «Нексус». Вместе с мужчиной по имени Кейл — существом, которого годами изучали, изолировали и боялись даже те, кто его создал.

Но пока Марен пытается понять, кто такой Кейл и почему её оставили рядом с ним, снаружи начинает рушиться мир. Неизвестная инфекция охватывает города, мёртвые возвращаются к жизни, а некоторые выжившие меняются так, что уже невозможно понять, где заканчивается человек и начинается нечто иное.

Теперь Марен и Кейлу придётся выживать в мире, где прежние правила больше не действуют. Между страхом, опасностью, телесными мутациями и борьбой за жизнь постепенно рождается связь, которой не должно было существовать.

Мрачный постапокалиптический роман о выживании, одержимости, доверии, семье и любви, способной появиться даже после конца света.

Содержание

Глава 1 — Мужчина	6
Глава 2 — Первый пациент	17
Глава 3 — Всё ещё жива	33
Глава 4 — Дверь	52
Глава 5 — Ты	63
Глава 6 — Кусочек шоколада	78
Глава 7 — Тридцать один день	92
Глава 8 — Снаружи	108
Глава 9 — Живые	119
Глава 10 — С наступлением ночи	133
Глава 11 — Чудовище	144
Глава 12 — Мама больше нет	161
Глава 13 — Он пришёл за ней	177
Глава 14 — Возвращение	193
Глава 15 — Дом	211
Глава 16 — Отключение	237
Глава 17 — Мужчина, о котором ходят слухи	257
Глава 18 — Тот, кто внутри	279
Глава 19 — Другая	297
Глава 20 — Задержка	313
Глава 21 — Украденный дом	330
Глава 22 — Убирайтесь	351
Глава 23 — Оно учится	367

isacat meow

Наши дни на краю света

Предупреждение о содержании

В романе присутствуют сцены сексуального насилия и принуждения, откровенного сексуального содержания, лишения свободы, жестокого насилия, кровавые сцены, боди-хоррор, беременность, репродуктивные эксперименты и смерть. Рекомендуется учитывать это перед чтением.

Глава 1 — Мужчина

— Что бы ни случилось, не задерживай на нём взгляд.

Предупреждение едва успело отложиться в сознании, когда Марен рухнула на пол. Сначала ударилась коленями, затем ладонями. Шершавый бетон содрал кожу, и боль прострелила руки до самых плеч. Позади с глухим скрежетом ожили механизмы. Марен резко обернулась как раз в тот момент, когда металлическая дверь начала закрываться.

— Подождите!

Проём сужался, превращаясь в тонкое лезвие белого света. По ту сторону стояли люди, которые притащили её сюда. Ни один из них не шелохнулся.

— Какого чёрта вы делаете?! Выпустите меня!

Ни ответа. Никто даже не посмотрел на неё. Светлая щель исчезла. Где-то внутри стены с тяжёлым окончательным лязгом сработали замки, и этот звук ещё долго прокатывался эхом по подземному помещению после того, как дверь замерла. Марен так и осталась на коленях, пытаясь отдышаться.

Это была не камера. Для камеры здесь было слишком просторно. По дальним стенам тускло горели редкие лампы, каждая выхватывала из темноты лишь крошечный участок вокруг себя. Потолок терялся во мраке. В разные стороны уходили коридоры; по масштабу место напоминало забро-

шенную станцию метро или погребённый под землёй промышленный комплекс. И тут в поле её зрения вошли босые ступни. Марен не успела себя остановить — взгляд пополз вверх: бледные ноги, поджарое тело, мужчина, стоящий так близко, что до него можно было дотронуться. Он смотрел на неё сверху вниз. Казалось, вместе с его появлением стихло всё помещение.

Она вдохнула, собираясь заговорить. Свет один раз мигнул и погас.

— Ты...

Темнота проглотила слово. Через секунду она проглотила и Марен.

* * *

Сознание возвращалось обрывками. Треск рвущейся ткани. Ладонь на груди. Другая рука, стягивающая с неё одежду. Вес обнажённого мужчины, прижавшего её к полу ещё до того, как она поняла, где находится. Он раздвинул ей ноги силой.

— Нет...

Он коснулся её так, будто этот звук ничего не значил. Тело отреагировало помимо воли, инстинктивно, и он принял эту произвольную реакцию за разрешение. Затем силой вошёл в неё. Боль мгновенно вернула миру резкость.

— Прекрати. — Она толкнула его, а паника рвала голос на части. — Прекрати... пожалуйста!

Когда она заговорила, в его лице что-то изменилось. Не

раскаивание. Узнавание. Он знал эти слова. И от этого становилось почти страшнее. Он понимал, что «прекрати» — это слово, связанное с требованием остановить действие, но не понимал, что за ним стоит граница, которую он обязан уважать. Он понимал, о чём она просит. Не понимал лишь одного: почему её желание должно быть важнее его собственного.

Марен сопротивлялась, пока мышцы окончательно не отказали. Он удерживал её и продолжал, не обращая внимания ни на слёзы, ни на мольбы, ни на кровь. Рефлексы собственного тела предавали её, отвечая на физическую стимуляцию даже тогда, когда сознание захлёстывал ужас. От этого противоречия ей казалось, будто она заперта внутри собственной кожи. Когда он наконец закончил в ней, у Марен уже не осталось сил ни на что. Сознание снова начало ускользать. Его ладонь легла ей на горло — не сжимая, просто оставаясь там. Большой палец медленно, с пугающей внимательностью скользнул по пульсу, словно он проверял, жива ли она.

Или помечал то, что собирался оставить себе.

* * *

Проснувшись, Марен не сразу открыла глаза. Всё тело болело. Казалось, голову набили битым стеклом: стоило попытаться о чём-то подумать, как очередной осколок прошедшей ночи впивался в память — бетон, закрывшаяся дверь, лицо мужчины, тяжесть его тела поверх неё. Марен оцепенела. Поперёк талии лежала рука. Кто-то прижимался к ней

со спины так близко, что она чувствовала медленный ритм его дыхания. Во сне он обнял её так, словно им и полагалось лежать в одной постели. Словно ничего не произошло. Марен открыла глаза.

Свет под потолком по-прежнему был тусклым. Ни окон, ни намёка на утро — только всё то же огромное помещение и воздух с едва уловимым запахом металла и антисептика. Она опустила взгляд на ладонь, лежавшую у неё на животе. Его ладонь. Очень осторожно Марен повернула голову. Мужчина лежал позади с закрытыми глазами. Вблизи он выглядел пугающе обычным. Чёрные волосы беспорядочно падали на лоб. Бледная кожа, чёткие, резкие черты лица. Даже красивый. Стоило ему закрыть глаза, как ощущение неправильности отступало, и он мог бы оказаться кем угодно.

Это пугало Марен сильнее любого чудовища. Как и нежеланное влечение, которое она всё равно чувствовала. Страх не сделал её слепой. Она замечала жёсткую линию его лица, неподвижность, почти невозможную тяжесть его присутствия. Её тело тоже замечало. Влечение — не согласие. Физическая реакция — не согласие. Она знала это и всё равно ненавидела сам факт, что страх и влечение способны существовать в одном теле одновременно. В нём не было ничего простого. И ничего безопасного. Задержав дыхание, Марен приподняла его запястье. Его глаза распахнулись.

В них не было ни следа сонной дымки. Он мгновенно нашёл её взглядом — настороженно, цепко, будто вовсе не

спал, а лишь ждал, когда она пошевелится. По коже Марен пробежал ледяной озноб.

— Отпусти меня. — Горло саднило, слова прозвучали хрипло.

Он просто смотрел.

— Убери руку.

Ничего. Марен надавила сильнее, игнорируя вспыхнувшую в теле боль. Его взгляд опустился к её рукам. Затем он отпустил. Она отпрянула так резко, что ноги едва не подломились. Мужчина сел. Марен вскинула ладонь между ними.

— Не подходи ко мне.

Он остановился. Не медленно. Не после раздумья. Ещё мгновение назад он двигался — и вдруг совершенно замер. Марен уставилась на него. Он смотрел в ответ с такой открытой, прямой сосредоточенностью, что по её коже поползли мурашки. Только тогда она поняла, что ничем не прикрыта, и торопливо обмоталась одеялом.

— Кто ты?

Тишина.

— Что это за место?

Он не ответил.

— Ты меня понимаешь?

В его глазах мелькнуло едва заметное изменение. Значит, да. Понимал.

— Тогда почему не отвечаешь?

Снова ничего. Страх сдавливал грудь, но сквозь него уже

начинала пробиваться злость. Её похитили на парковке, бросили под землю и оставили наедине с мужчиной, который... Нет. Пока она не могла об этом думать.

— Скажи хоть что-нибудь.

Он продолжал смотреть.

— Я с тобой разговариваю.

Прошло несколько секунд.

— Громко, — произнёс он.

Марен моргнула. Голос оказался низким, чистым и совершенно человеческим. Она ожидала чего-то хриплого, искажённого — звука, который соответствовал бы месту, куда его закопали. Вместо этого он говорил как обычный мужчина, которому мешал лишний шум.

— Так ты умеешь говорить.

Кейл никак не отреагировал. Марен сглотнула.

— Как тебя зовут?

Впервые его молчание показалось не упрямым, а неуверенным. Будто он пытался вытащить из памяти что-то, о чём его очень давно никто не просил вспоминать.

— Кейл.

— Кейл, — повторила она. — А фамилия у тебя есть?

Ничего.

— Нет фамилии?

Выражение его лица не изменилось, но Марен почему-то показалось, что он не отказывается отвечать. Фамилии просто не было. Ладно. История его семьи могла подождать.

— Я отсюда выберусь.

Она заставила себя встать. От боли колени подогнулись, и Марен успела схватиться за стену, прежде чем упасть. Рядом валялись остатки её одежды, разорванной так, что надеть её было невозможно. На полу обнаружился белый лабораторный халат, явно чужой и слишком большой. Марен завернулась в него. Кейл поднялся. Она резко повернулась к нему.

— Не иди за мной.

Он снова остановился. Марен ещё несколько секунд следила за ним, убеждаясь, что он останется на месте, а затем направилась к изоляционной двери. Через несколько шагов инстинкт заставил её оглянуться. Кейл стоял там, где она его оставила. Но смотрел ей вслед.

Почему-то от этого стало ещё хуже. В панике прошлой ночи Марен почти не разглядела помещение. Теперь она начала осознавать его настоящий масштаб. За открытым пространством виднелось несколько комнат, простые столы и стулья, раковины, целые ряды незнакомого оборудования. По стенам тянулись открытые трубы и исчезали где-то высоко над головой. На потолке чернели камеры. Марен остановилась под ближайшей. Воспоминание ударило так резко, что желудок скрутило. Они смотрели. Что бы ни случилось со звуком или освещением, камера была направлена прямо на кровать. Тот, кто поместил её сюда, видел всё.

— Эй! — её голос разнёсся по залу. — Я знаю, что вы меня слышите. Откройте дверь!

Ответило только эхо.

— Что вам от меня нужно? Вы меня похитили. Бросили сюда к нему. А теперь у вас даже смелости не хватает сказать зачем?

Тишина. Сердце колотилось так сильно, что пульс отдавал в висках, пока правда медленно становилась очевидной. Прошлой ночью ничего не вышло из-под контроля. Кейл не застал их врасплох. Лица по ту сторону двери сказали ей всё ещё до того, как она закрылась. Они знали, кто — или что — находился здесь, внизу. Знали, что он может с ней сделать. И всё равно заперли дверь. Сквозь тошноту поднялась ненависть — внезапная, чистая и острая. В тот момент людей, которые наблюдали за ней, Марен ненавидела сильнее, чем Кейла. Он причинил ей вред, не понимая, почему это неправильно.

Они понимали. И они всё спланировали. За спиной тихо прозвучали шаги. Марен обернулась. Кейл стоял в нескольких метрах от неё. Она попятилась к двери.

— Я сказала не ходить за мной.

Он остановился. На одно нелепое мгновение Марен услышала себя со стороны и чуть не рассмеялась. Она пыталась устанавливать правила для мужчины, о котором ничего не знала, в официально не существующем комплексе после того, как её отдали ему словно приманку.

— Почему тебя держат здесь взаперти?

Ответа не было.

— Как давно ты здесь? Они тебя боятся?

Взгляд Кейла оставался прикован к её лицу. Слишком долго. В памяти снова всплыло предупреждение: не задерживай на нём взгляд. Марен отвернулась.

— Хватит на меня пялиться.

Он не шевельнулся.

— Ты меня слышал?

Он отвёл взгляд в сторону. Марен замерла. Какие-то указания до него доходили. Другие будто проходили насквозь, словно она ничего не говорила. Она не могла понять, в чём разница — в понимании, интересе или собственном выборе Кейла. Не встречаясь с ним взглядом, Марен внимательно его осмотрела. Босые ноги. Ни цепей. Ни наручников. Ни заметных имплантов или устройств наблюдения. Вокруг него простиралось огромное пространство, и при этом ничто здесь, похоже, не было предназначено для физического удержания. Один мужчина. Целый подземный сектор.

— Почему ты не уходишь?

Кейл посмотрел на герметичную дверь.

— Не открывается.

Марен нахмурилась.

— Ты пробовал?

Больше он ничего не сказал. Формулировка не давала ей покоя. Не «я не могу её открыть». Просто «не открывается» — как установленный факт, который проверяли столько раз, что проверять ещё раз уже не имело смысла. Марен оставила

этот вопрос. Сначала ей нужно было вспомнить, как вообще она оказалась здесь. Двадцать четыре часа назад она была обычной женщиной. Уставшей офисной сотрудницей за рабочим столом, раздражённой последним письмом поздним вечером среды. Потом был лифт. Парковка. Сообщение от матери.

Возвращайся домой скорее. Теперь эти слова словно принадлежали другой жизни. Марен всего лишь уходила с работы. До дома она так и не добралась.

* * *

Накануне вечером, в 21:47, Марен наконец выключила компьютер. Половина офиса уже погрузилась в темноту. Горел только свет над её рядом, заливая пустые столы холодной белизной. Кофе простоял нетронутым так долго, что на поверхности успела образоваться тонкая плёнка. Марен отправила последнее письмо и потёрла ноющее основание черепа. Экран телефона загорелся. Снова мама. Возвращайся домой скорее.

Марен напечатала «Хорошо», перекинула сумку через плечо и вышла. Лифт отвёз её на парковочный уровень. Когда двери разошлись, тишина снаружи показалась неестественной — не то чтобы пугающей, просто слишком полной. Большинство мест пустовало. Флуоресцентные лампы горели через большие промежутки, разрезая парковку на островки белого света и тени. На ходу Марен рылась в сумке в поисках ключей. Машина сегодня стояла дальше обычного. На

полпути за спиной послышались шаги.

Марен остановилась. Шаги тоже стихли. Она обернулась. Никого. Пустой бетон, припаркованные машины, резкий холодный свет. Марен подождала, прислушиваясь, затем убедилась, что просто вымоталась, и пошла дальше. Ладонь резко зажала ей рот. Ключи звякнули об пол. Марен ударила локтем назад и слышала приглушённый стон. Она попыталась закричать, но кто-то подскочил сбоку и схватил её за запястье.

— Держи её.

Она отчаянно отбивалась ногами. Каблук с визгом скользнул по бетону. Марен понятия не имела, кто эти люди, но времени на вопросы не было. Что-то прижалось к носу и рту, пахнув резкой химией. Она задерживала дыхание, пока борьба не выжала из лёгких последний воздух. Парковка накренилась. Каждая лампа растянулась в размытую белую полосу. Телефон лежал там, где выпал, экран всё ещё светился. В самом верху оставалось сообщение матери. Возвращайся домой скорее. А потом пришла темнота.

Глава 2 — Первый пациент

Когда «Нексус» впервые выдал Имону Раску допуск на уровень В9, сопровождавший его сотрудник назвал одно правило.

— Оставайтесь там, где я вас вижу. И не приближайтесь к комнате в конце коридора.

Имон сидел на корточках возле ящика с инструментами, проверяя гаечный ключ. В ответ он только буркнул, показывая, что услышал. За три года работы по контракту с «Нексусом» правил накопилось больше, чем он мог запомнить. Не трогать эту дверь. Не пользоваться тем лифтом. Не спрашивать, что находится за жёлтой линией. Все в здании вели себя так, словно секретные сведения могли просочиться прямо из стен, стоит подрядчику посмотреть на них чуть внимательнее. Молодой исследователь, стоявший над ним, не улыбнулся.

— Есть ещё кое-что. — Он нажал кнопку вызова лифта и понизил голос. — Если увидите мужчину внутри, не смотрите ему долго в глаза.

Вот теперь Имон заинтересовался.

— Мужчину?

Исследователь уставился на двери лифта, уже явно жалея, что произнёс это слово.

— Вы пришли чинить вентиляцию. Почините и уходите.

— А я-то думал, у вас там чудовище.

Ни смеха. Даже вежливой улыбки. Имону следовало отнестись к этому молчанию серьезнее. Вместо этого он решил, что парень слишком долго работает среди людей, которые подписывают свой обед перед тем, как поставить контейнер в холодильник. Для Имона настоящей угрозой на В9 была вентиляционная установка. Главная шахта была настолько старой, что начинала жалобно гудеть при любом изменении скорости, а если её снова заклинит, циркуляция воздуха на всём уровне прекратится. Отдел закупок мог заменить систему целиком ещё несколько лет назад. Видимо, дешевле было раз за разом отправлять Имона под землю с гаечным ключом и дурным настроением.

В обычных условиях смотровое стекло в дальнем конце В9 оставалось непрозрачным. Подрядчики не могли видеть Нулевой сектор, а находящиеся внутри — их. Но нынешняя неисправность затронула резервное питание, поэтому во время перекалибровки электрохромное стекло пришлось сделать прозрачным. Отрицательное давление тоже должно было снизиться менее чем на две минуты. По протоколу коридор полагалось полностью освободить и запечатать.

На этот раз протокол проиграл. Уже несколько недель отделы на внешних уровнях сообщали о странной субфебрильной температуре у сотрудников и тканевых изменениях, которые никто не мог классифицировать. Половину доступного персонала перебросили на другие задачи. Ответственный

руководитель отказался закрывать В9, распорядился лишь, чтобы Имон всё время находился под сопровождением, и разрешил ремонт. Молодой исследователь рассчитывал, что предупреждения хватит, чтобы удержать подрядчика возле оборудования.

Почти хватило. Лифт спустился на В9. Три отдельные двери системы безопасности открылись тремя разными пропусками. За каждой следующей становилось всё тише. В последнем коридоре Имон уже слышал только низкую вибрацию воздуха, проходящего по каналам над головой. Неисправность он нашёл быстро: изношенная муфта нарушала баланс давления. Заменить её, провести калибровку и ехать домой.

Через двадцать минут после начала работы винт выскользнул у него из пальцев. Он ударился о пол и покатился прочь; крошечный металлический звук разнёсся по пустому коридору нелепо далеко. Имон выругался, потянулся за ним, промахнулся и поднялся. Винт остановился у смотровой стены. Имон наклонился, чтобы подобрать его. Когда выпрямился, по другую сторону стекла кто-то стоял. Имон замер.

Мужчина не был прикован. Никаких ремней, защитного костюма, никаких подключённых к телу устройств. Он просто стоял босиком в нескольких метрах от стекла: чёрные волосы падали на лоб, кожа казалась бледной, словно он годами не видел солнечного света. И всё. На секунду Имон решил, что, возможно, неправильно понял, о какой комнате его

предупреждали. Этот совершенно обычный на вид мужчина и был причиной, по которой исследователь побледнел ещё в лифте?

— Эй, — сказал Имон.

Мужчина не ответил. Только посмотрел на него. Имон шагнул в сторону. Мужчина проводил его взглядом.

— Ты меня там слышишь?

Ничего. Неловкость подкрадывалась постепенно. Дело было не в том, что мужчина выглядел опасным. Наоборот — пугало отсутствие всего того, что должно было делать его человеком. Незнакомец проявил бы любопытство, настороженность, раздражение — хоть какую-то реакцию на чужой взгляд. Этот мужчина просто наблюдал. Через несколько секунд Имону начало казаться, будто стекла между ними вообще нет.

— Имон.

Голос за спиной прозвучал напряжённо. Он обернулся. Его сопровождающий стоял в нескольких метрах, совершенно белый.

— Идите сюда.

— Что?

— Сейчас же.

Имон нахмурился и пошёл обратно. Исследователь схватил его за руку ещё до того, как тот подошёл.

— Я сказал вам не смотреть на него.

— Да я посмотрел секунд тридцать.

— Сколько именно?

— Откуда мне знать? — Имон коротко рассмеялся, но выражение лица собеседника мгновенно отбило веселье. — Минуту. Меньше. Что происходит?

— Вы уходите.

— Ремонт не закончен.

— Кто-нибудь другой закончит.

Имон внимательно посмотрел на него.

— Кто он?

Исследователь не ответил. Он практически погнал Имона обратно к лифту. До самого вечера Имон считал всё случившееся полнейшим абсурдом. И даже ночью — какое-то время — продолжал так думать.

* * *

Домой он вернулся почти в десять. Несса сидела на ковре в гостиной, скрестив ноги, и складывала бельё под бормотание семейного реалити-шоу по телевизору.

— Ты ел? — спросила она.

— Ага.

Имон бросил ключи в блюдо у двери, скинул обувь и выпил стакан воды, стоя у кухонной стойки. Несса подняла голову.

— Ты бледный.

— Подвальное освещение.

— То самое загадочное подземелье?

Он прислонился к холодильнику.

— Сегодня наконец увидел, что они там прячут.

— Дай угадаю. Пришельцев.

— Мужчину.

Руки Нессы замерли над полотенцем.

— Мужчину?

— Совершенно обычного. — Имон потёр висок. — По крайней мере, выглядел обычно.

— Они выстроили всю эту систему безопасности ради одного мужика в подвале?

— Похоже на то.

Несса несколько секунд смотрела на него.

— Голова болит?

— Едва заметно.

— Ты опять пропустил обед.

— Я ел.

— Когда?

Имон открыл рот и обнаружил, что понятия не имеет. Несса вздохнула.

— В душ. Потом спать. Завтра снова сможешь делать вид, что ты неубиваемый.

— Я никогда не делаю вид.

— Именно это ты говоришь каждый раз, когда заболеваешь.

Проходя мимо, Имон наклонился и поцеловал её в лоб. Это был последний по-настоящему обычный момент в их жизни. Около трёх ночи Несса проснулась от движения.

Имон сидел на краю кровати спиной к ней. В комнате было темно. Он не шевелился.

— Имон?

Она коснулась его и тут же отдернула руку. Кожа была раскалённой. Несса включила лампу.

— Ты весь горишь.

Он медленно повернулся. Белки глаз были испещрены лопнувшими красными сосудами.

— Который час?

— Почти половина четвёртого. Почему ты меня не разбудил?

— Я в порядке.

— Ты горячий как батарея.

Несса потянулась к телефону, собираясь проверить, какое жаропонижающее у них есть. Имон схватил её за запястье. Сильно.

— Ай. Отпусти.

Он смотрел на её руку так, словно не слышал. Несколько секунд пальцы лишь сжимались крепче. Потом он отпустил.

— Прости.

Голос снова звучал как обычно. Несса потёрла кожу, на которой уже проступали следы от пальцев.

— На работу ты не пойдёшь.

Имон снова лёг.

— Посмотрим.

К утру температура упала до ста градусов по Фаренгейту

— примерно 37,8 по Цельсию. Несса всё равно хотела, чтобы он остался дома. А Имона всё ещё ждала неисправная установка на В9. Они поспорили; он ушёл на работу. В 7:40 Имон сел в метро. Вагон был полон бумажных стаканов с кофе, наушников, зимних пальто и полусонных пассажиров. Возле дверей теснились трое школьников в форме. Имон стоял, держась одной рукой за поручень. В висках пульсировала боль, горло пересохло. Он дважды кашлянул.

Женщина рядом чуть отодвинулась. Через пятнадцать минут он остановился позавтракать. Ещё через двадцать вошёл в двери своего офиса. Секретарь пожелала ему доброго утра. В лифте с ним ехали ещё шесть человек. Начальник пожаловался на незаконченный ремонт вентиляции. Имон выпил кофе с двумя коллегами. В десять жар вернулся. На другом конце города женщина, ехавшая с ним в метро, растирала ноющее плечо и винила неудобный матрас. У продавца круглосуточного магазина заложило нос. Мужчина в синей рубашке, который ехал с Имоном в офисном лифте, поднял температуру на термостате, потому что никак не мог перестать дрожать.

Десятки других не чувствовали ничего. Они работали. Ездили по городу. Касались дверных ручек и кнопок лифта, делились едой, целовали детей, дышали в переполненных помещениях. Никто не знал, что именно переносит воздух. В 12:27 Имон изменился. Ремонтная бригада обедала. Кто-то подвинул к нему коробку с едой навынос.

— Будешь?

Имон сидел, опустив голову, и постукивал одним пальцем по столу.

— Эй. Что с тобой сегодня?

Он поднял взгляд.

— Слишком громко.

— Что именно?

— Всё.

В офисе слышался лишь тихий шум кондиционера и несколько негромких разговоров. Коллега рассмеялся.

— Жар мозги поджарил?

Имон резко вскочил. Стул с грохотом отлетел назад. Все вздрогнули. Ближайший мужчина начал подниматься. Имон толкнул его на край стола, и стакан с напитком полетел на пол.

— Какого чёрта?!

Другой сотрудник попытался схватить Имона за плечо. Имон развернулся и вонзил зубы ему в предплечье. Крик мгновенно заставил всех замолчать. Майлз попытался вырвать руку. Имон не отпускал, зубы глубоко вошли в плоть, пока трое мужчин наконец не оттащили его. Кровь стекала между пальцами Майлза и капала на пол.

— Вызывайте скорую!

— Прижмите его!

— Имон... Господи!

Двое мужчин удерживали его на полу. Имон тяжело ды-

шал, уткнувшись лицом в ковровое покрытие; вокруг рта была кровь Майлза. А затем бешенство будто разом вытекло из него. Он моргнул и посмотрел на людей, которые его держали.

— Что вы делаете?

Никто не ответил.

— Ты укусил Майлза, — наконец произнёс кто-то.

Имон повернул голову к мужчине, зажимавшему изуродованную руку. Его лицо обмякло.

— Это я сделал?

— Ты не помнишь?

Он не помнил. Скорая приехала через двенадцать минут. Парамедики обработали руку Майлза и измерили температуру Имона: 104,2 градуса по Фаренгейту — около 40,1 по Цельсию. Обоих доставили в Центральную больницу Грейхейвена. В офисе тем временем перебирали версии: наркотики, психоз, энцефалит, бешенство — всё, чему люди знали название. Никто из них не знал, что в то же отделение неотложной помощи уже привезли семерых пациентов с похожими симптомами.

* * *

К 13:43 в Центральной больнице Грейхейвена почти не осталось свободных мест. Набор симптомов был достаточно широким, чтобы запутать врачей, и достаточно пугающим, чтобы вселить настоящий ужас: жар, головная боль, рвота, бред. Несколько пациентов нападали на каждого, кто подхо-

дил слишком близко. На первый взгляд между ними не было ничего общего. Учитель средней школы. Таксист. Мать четырёхлетнего ребёнка. Банковский служащий, спокойно отработавший первую половину дня. Пожилой мужчина с северной окраины, который два дня не выходил из дома.

Врачи начали с наиболее вероятного объяснения: новый штамм гриппа. Потом кто-то спросил, почему люди, живущие вместе с больными, не заражаются. Полезной закономерности не обнаружилось. Муж горел от жара, а жена чувствовала себя прекрасно. Два человека весь день просидели в одном кабинете; к вечеру один впал в бред, у второго даже голова не заболела. Диагноза не было, поэтому больница действовала правильно для случая неизвестной инфекции. Изоляция. Анализы крови. Звонки в органы здравоохранения.

Но правильно — не значит достаточно быстро. К тому времени заражённые уже успели пройти через половину города. Майлз умер в 16:06. Рану промыли и зашили. Жар выглядел серьёзным, но не казался немедленно смертельным. Затем температура поднялась выше 105,8 градуса по Фаренгейту — примерно 41 градус по Цельсию. Начались судороги. Сердечный ритм сорвался. Он перестал дышать. Реанимация продолжалась двадцать минут. Когда врач констатировал смерть, медсестра отключила мониторы и вышла, чтобы оформить всё необходимое. Через семь минут она вернулась. Майлз открыл глаза.

— Сэр?

Он сел. Медсестра замерла.

— Не двигайтесь.

Она потянулась к кнопке вызова. Майлз повернул к ней голову, и в его глазах уже не осталось ничего, что когда-то распознавало страх, растерянность или другого человека. Медсестра отступила. Он встал с кровати. На её крик прибежала вторая медсестра, затем охрана, затем все, кто находился достаточно близко и ещё верил, что способен помочь. Один укус превратился в три. Три — в ещё большее число.

За несколько минут одна палата заразила весь коридор отделения неотложной помощи. Кто-то снял происходящее на телефон. Через пятнадцать минут видео появилось в интернете. В комментариях его называли розыгрышем, рекламным трюком, сценой из фильма. Кто-то написал: «Ну вот, зомби-апокалипсис наконец-то начался». Через двадцать минут появилось второе видео — с парковки больницы. Мужчина, весь в крови, бросился в убегающую толпу. Потом вышел третий ролик. Четвёртый. Пятый.

Разные районы. Один и тот же город. В шесть вечера полиция Грейхейвена попросила жителей не приближаться к центральной больнице. В половине седьмого ещё две больницы сообщили о нападениях. В 19:15 школу на восточной стороне закрыли изнутри после того, как у нескольких учеников резко поднялась температура. Около восьми вечера в метро произошло первое массовое нападение. К тому мо-

менту определить первого заболевшего уже было невозможно. Имон перестал быть единственным предполагаемым источником. Возможно, он никогда им и не был.

Инфекция находилась в воздухе. Казалось бы, это должно было сделать картину простой. Вместо этого факт разрушил все первые модели распространения. Заболевал не каждый, кто вдыхал заражённый воздух. Одни падали через несколько часов. Другие сгорали от жара, умирали — и поднимались снова. Третьи не чувствовали вообще ничего. Словно весь город пропустили через невидимое сито. Если инфекция передавалась по воздуху, почему в одной комнате заболел один человек, а другой оставался совершенно здоров? Если она не была воздушной, почему вспышки одновременно возникали в удалённых друг от друга районах?

Ответа не было. И отсутствие ответа стоило им тех самых часов, которые ещё могли что-то изменить. В 22:11 полиция установила первый дорожный блокпост. Через пятнадцать минут трассы начали захлёбываться от машин. Люди бежали. Автомобили забили дороги. Вокзалы заполнили пассажиры, готовые драться за последние билеты. В аэропорту усилили контроль, но рейсы не отменили. В 22:58 самолёт вылетел из Грейхейвена в другой город.

У одного пассажира с ужина болела голова. Он не знал, что у него уже поднялась температура. У троих людей, сидевших в нескольких рядах от него, не было природных антител, которые могли бы их спасти. Женщина без каких-ли-

бо симптомов уже пересекла границу штата. Утром она собиралась на свадьбу сестры. Отец семейства ехал на запад вместе с женой и двумя детьми; младший мальчик спал на заднем сиденье, и его лоб становился всё горячее с каждой милей.

Границы города больше ничего не значили. Инфекция не умела читать указатели. Она не ждала, пока закончится совещание. Тем временем в Центральной больнице Грейхейвена в изоляторе лежал ещё один молодой мужчина, укушенный во время хаоса. Врачи ожидали той же последовательности: жар, потеря сознания, смерть, возвращение. Температура поднялась до 107,6 градуса по Фаренгейту — примерно 42 градуса по Цельсию. Пульс приближался к смертельной частоте. Вены вокруг раны потемнели так, словно под кожей разливался глубокий синяк.

А затем, вскоре после часа ночи, жар начал спадать. В два часа мужчина открыл глаза. Медсестра рядом записывала показатели. Она не заметила, как металлическое ограждение кровати начало сгибаться под его ладонью, пока сталь не издала тихий, мучительный скрип. Пациент опустил взгляд. Убрал руку. Металл остался смятым. Ни он, ни медсестра не произнесли ни слова. Он стал одним из первых выживших, существование которых удалось официально задокументировать. Позже люди придумают названия для того, во что он превратился. Но той ночью больнице было не до исследований.

Нижние этажи уже были потеряны. В 3:41 Грейхейвен объявил чрезвычайное положение. Радиостанции приказывали людям оставаться дома. Заприте двери. Закройте окна. Не приближайтесь к тем, кто ведёт себя агрессивно. До рассвета о той же болезни сообщили три соседних города. К утру история попала в зарубежные новости. Первый заголовок называл случившееся «неустановленной инфекцией». Через несколько часов это уже была «неизвестная болезнь, вызывающая агрессивное поведение». К концу дня кто-то впервые произнёс слова «глобальный кризис здравоохранения».

Люди так никогда и не договорятся, в какой именно момент закончился мир. Такого момента не существовало. Конец начался с мужчины, который решил, что головная боль — пустяк. Затем один заражённый превратился в десять. Десять — в сотню. Сотня вошла в офисы и классы, на вокзалы и в аэропорты, на кухни и в спальни. Очень скоро цифры потеряли смысл.

* * *

На следующее утро в комплексе «Нексус» впервые сработала общая тревога. В коридорах вспыхнул красный свет. По внутренней связи сотрудникам приказали вернуться в закреплённые за ними сектора. Обычный доступ к лифтам отключили, служба безопасности начала запечатывать выходы. Глубоко под охваченными паникой этажами самая нижняя часть В9 оставалась тихой. Марен стояла перед дверью, ко-

торая не открывалась, когда до Нулевого сектора докатился первый далёкий сигнал тревоги. Она подняла голову.

— Что это?

Кейл стоял в нескольких шагах позади. Он не смотрел ни на дверь, ни на красные лампы. Он смотрел на неё.

— Ты ведь слышишь, да?

Кейл ничего не ответил. Сигнал тревоги продолжал звучать. А за стенами инфекция, способная поглотить весь мир, уже вырвалась за пределы Грейхейвена.

Глава 3 — Всё ещё жива

Грейхейвен проснулся непривычно тихим. Не потому, что город успокоился, — люди просто боялись выходить на улицу. Всю ночь новостные каналы повторяли одни и те же экстренные инструкции: оставайтесь дома, запирайте все входы и не приближайтесь к тем, у кого высокая температура, спутанность сознания или внезапные приступы агрессии. Шоссе по-прежнему стояли. Водители бросали машины прямо посреди полос, превращая километры дорог в баррикады. В прямых эфирах показывали людей, которые тащили чемоданы между автомобилями и пытались пешком добраться туда, где казалось безопаснее.

В больницах было ещё хуже. Центральная больница Грейхейвена потеряла контроль вскоре после полуночи. Сначала запечатали двери отделения неотложной помощи. Затем — стационарный корпус. Полиция окружила парковку, оттесняя и тех, кому удалось выбраться, и тех, кто всё ещё пытался попасть внутрь. Поначалу полицейские через громкоговорители объясняли причины ограничений. Позже объяснения стали роскошью. Больницы по всему городу сообщали об одной и той же картине — если происходящее вообще можно было назвать закономерностью. Агрессивные пациенты пугали. Данные о распространении инфекции пугали ещё сильнее.

В одной семье муж мог слечь с чудовищным жаром, пока жена оставалась совершенно здоровой. Два пассажира, полчаса ехавшие в одном вагоне метро, реагировали на инфекцию совершенно по-разному: один к ночи бредил, другой на следующий день не испытывал ни единого симптома. Первые лабораторные отчёты настолько противоречили друг другу, что исследователи даже рассматривали версию о двух разных заболеваниях. Дополнительные анализы эту версию исключили. У всех людей, устойчивых к заражению через воздух, обнаруживалась схожая иммунная реакция.

Пока никто не решался называть её антителами. Образцов было слишком мало, а времени, чтобы проверить реальную степень защиты, — ещё меньше. Но один факт становился очевидным. Инфекция действовала на людей по-разному. Воздух проводил первый отбор. Укус — второй. Большинство укушенных сгорали от жара, умирали и поднимались снова. Ничтожное меньшинство выживало. У этих людей температура спадала, а тело после болезни уже не подчинялось прежним пределам.

В Центральной больнице Грейхейвена успели изолировать молодого мужчину, который одной рукой смял стальное ограждение кровати. Назначенные ему врачи не завершили даже первый цикл обследований. Этаж снова вышел из-под контроля раньше. О зомби больше никто не шутил. Слово перестало быть смешным, когда мёртвые начали двигаться.

* * *

В 7:42 наземный вход в биологический комплекс «Нексус» был запечатан. Стандартные пропуска перестали действовать. На всех подземных уровнях ввели внутренний карантин. С полуночи «Нексус» принимал звонки от государственных ведомств, военного командования и исследовательских учреждений со всего региона. К утру даже каналы связи начали распадаться. Приказы противоречили друг другу. Передать все исследования патогенов. Перейти в режим максимальной изоляции. Сохранить критически важный персонал.

И всё чаще звучал один вопрос: есть ли у «Нексуса» что-либо, способное вызвать симптомы, распространяющиеся по Грейхейвену? Никто не хотел отвечать первым. В диспетчерской В9 стояла почти полная тишина. Доктор Вейра Квилл стояла перед главным экраном, где провела большую часть ночи. На нём не было ни трансляций из больниц, ни изображения забитых дорог, ни улиц, разваливающихся над их головами.

Только Нулевой сектор. Марен находилась у двери, которая ни разу не открывалась изнутри. В нескольких метрах от неё стоял Кейл и наблюдал. Вейра пересмотрела ночную запись трижды. В первый раз решила, что отказало оборудование наблюдения. Во второй — искала в результатах предварительного обследования Марен иммунную аномалию. К третьему просмотру удобных объяснений не осталось.

— Температура?

Исследователь рядом проверил монитор.

— 98,2 градуса по Фаренгейту. 36,8 градуса по Цельсию.

— Пульс?

— Девяносто шесть. Ночью поднимался до ста тридцати семи, но она находилась в состоянии сильнейшего стресса.

— Рефлексы?

— В норме.

— Сатурация?

— Девяносто восемь процентов.

Исследователь посмотрел на экран.

— Симптомов нет.

Вейра знала. Именно поэтому до сих пор не уходила. Кейл смотрел на Марен всю ночь. Точнее, его внимание не покидало её с той секунды, когда дверь открылась и она упала внутрь. Ничего похожего в архивах не было. Самый долгий предыдущий контакт продолжался сорок семь минут. Через три дня у техника, который в нём участвовал, развилось острое неврологическое поражение. На четырнадцатый день он умер.

Один охранник встретился с Кейлом взглядом через армированное стекло менее чем на десять минут. После этого начался жар. Затем — изменения тканей, которые не удавалось остановить никаким лечением. С другими людьми не происходило вообще ничего. Именно отсутствие закономерности делало страх неуправляемым. У них не было ни воспроизводимого результата, ни понятного механизма, ни да-

же доказательства, что Кейл действительно вызывал приписываемые ему случаи. Но когда совпадение повторяется достаточно часто, верить в случайность становится трудно.

На экране Марен что-то сказала, но сотрудники не услышали слов. За ночь аудиосистема Нулевого сектора вышла из строя и восстановилась лишь частично. Кейл остановился. Марен пошла дальше. Он остался на месте. Вейра чуть наклонилась к экрану.

— Верните на десять секунд назад.

Исследователь прокрутил запись. Марен обернулась. Что-то сказала. Кейл остановился. Она ушла без него.

— Он её послушался, — произнёс кто-то.

— Одна реакция ничего не доказывает, — ответила Вейра.

В комнате снова стало тихо. Она продолжала смотреть. Кейл понимал человеческую речь. «Нексус» установил это много лет назад. Он умел читать простые лабораторные обозначения и выполнять сложные инструкции — когда сам этого хотел. Проблема заключалась в том, чтобы дать ему причину захотеть. Награды для него ничего не значили. Наказаний он не боялся. Голод мог мотивировать его сегодня и совершенно не действовать завтра. Боль тоже не давала полезного результата. Исследовательской группе понадобились годы, чтобы понять: сама идея дрессировки на послушание с самого начала была ошибочной.

Кейл не был животным, ожидающим, когда его приручат.

Он просто не видел причин сотрудничать. Его научили словарю: слово, предмет, действие. Но не невидимой системе, на которой держится человеческое поведение. Он знал, что «нет» и «прекрати» означают просьбу остановиться. Он не понимал, почему тело другого человека принадлежит только этому человеку и почему отказ создаёт границу, через которую его собственное желание не имеет права переступить.

Это различие ничуть не уменьшало того, что он сделал с Марен. Оно лишь объясняло, чего именно ему не хватало. Ей придётся научить его не просто команде. Придётся заставить понять, что её воля существует отдельно от его воли — и имеет такой же вес. Теперь женщина, которую он знал меньше суток, сказала ему не идти следом. И он остановился.

— Доктор.

Сотрудник торопливо вошёл в комнату и протянул планшет.

— Центральная больница Грейхейвена прислала первый отчёт по образцам.

Вейра не взяла устройство.

— Кратко.

— Один из самых ранних заболевших — подрядчик, который три дня назад входил в «Нексус».

Казалось, в комнате исчез даже самый тихий фоновый шум.

— Имя?

— Имон Раск.

— Допуск?

Сотрудник замялся.

— Периметр В9.

Вейра протянула руку.

— Данные контакта.

— Физического контакта не было. Контакта с кровью — тоже. На записи видно, что он смотрел на NX-01 через смотровое стекло. Точная продолжительность ещё уточняется.

В деле Имона значились обычные сведения: подрядчик по вентиляции, временный доступ, нормальные результаты медицинского допуска. Ниже была добавлена служебная пометка. «Субъект длительно удерживал визуальное внимание на сотруднике технической службы».

— Первый симптом? — спросила Вейра.

— Примерно через шесть часов после того, как он ушёл.

— Нулевой сектор использует общую вентиляцию с периметром В9?

— Теоретически нет. У сектора автономная система фильтрации.

Вейра подняла взгляд.

— Я не спрашивала теорию.

— Инженеры проверяют.

Результаты проверки пришли до полудня. Во время ремонта Имона отрицательное давление на В9 пропало на восемьдесят три секунды. Во входном фильтре обнаружили

следовые количества аномального биологического фрагмента. Одного этого хватило бы, чтобы Имон выглядел первым звеном цепи. Но старые образцы изменили всё. В архивных анализах крови из больниц и нескольких неопубликованных историях болезни обнаружился тот же фрагмент. Часть образцов была взята ещё до визита Имона в «Нексус».

Он не был первым пациентом в мире. Взгляд в глаза Кейла не запустил вспышку. Патоген уже какое-то время циркулировал среди населения в низкой концентрации, вызывая слишком разрозненные отклонения, чтобы их распознали как единое явление. Кейл, судя по всему, был чем-то другим: стабильным источником, возможно — образцом или матрицей. Нахождение рядом с ним могло ускорять уже начавшееся изменение, но не объясняло заражения там, где инфекции до этого не было. Дальше исход определяли иммунитет и способность организма адаптироваться: смерть, Сила или более глубокая форма мутации.

Случаи, которые раньше связывали со зрительным контактом, всё больше походили на ложную корреляцию. Исследователи могли видеть глаза Кейла. Они не могли видеть то, что жертвы уже успели вдохнуть. Вейра вернула планшет.

— Перепроверьте старые образцы.

— Если Имон заразился здесь...

— Мы не знаем, что он заразился здесь.

— Он заболел после посещения В9.

— Последовательность событий не доказывает причин-

но-следственную связь. Как и то, что Кейл на него посмотрел. — Взгляд Вейры стал жёстче. — Вы хотите сообщить военным, что NX-01 заразил всю планету через армированное стекло?

Желающих не нашлось. Вейра снова повернулась к Нулевому сектору. Марен была жива. Один этот факт прорезал насквозь все теории, построенные вокруг взгляда Кейла. Если зрительный контакт действительно вызывал болезнь хоть сколько-нибудь последовательно, симптомы у неё уже должны были появиться. Их не было.

— Продолжайте наблюдение.

— Может, вывести её на анализ крови?

— Дверь не открывать.

— Она должна была быть всего лишь гражданским испытуемым.

— Больше не должна.

Исследователь проследил за её взглядом к экрану.

— Никто не входит на B9, — продолжила Вейра. — Никто не пытается вывести её оттуда в одиночку. Её данные хранить в отдельной резервной копии.

— А если она потребует, чтобы её выпустили?

Вейра посмотрела на него.

— Уже потребовала.

В диспетчерской слышали каждое слово. Марен знала о камерах. Кричала, звала на помощь, требовала объяснений. Никто ей не ответил. Вейра отключила её звук.

* * *

Марен обо всём этом не знала. Она знала только, что дверь запечатана снаружи. С её стороны не было ни панели управления, ни аварийного рычага, ни скрытого механизма в раме или стенах. Для всего, что она могла увидеть, требовался доступ, которого у неё не было. Кейл сказал правду. Дверь не открывалась. Стоять перед ней и злиться всё сильнее было бесполезно. Наконец Марен отвернулась.

— Мне нужна одежда.

Она и сама не понимала, зачем сказала это Кейлу. Возможно, потому что в Нулевом секторе стояла слишком тяжёлая тишина, а разговаривать с единственным другим человеком казалось менее жутким, чем делать вид, будто его не существует. Когда Марен пошла прочь, Кейл последовал за ней. Она оглянулась.

— Я же сказала не ходить за мной повсюду.

Кейл остановился. Через десять секунд за спиной снова раздались шаги. Марен обернулась ещё раз.

— Тебе больше нечем заняться?

Он смотрел на неё.

— Нет?

Тишина. Марен выдохнула. Она не могла целый день спорить с мужчиной, для которого молчание было основным способом общения. Нулевой сектор уходил далеко за пределы помещения, где она проснулась. Проход вёл к нескольким комнатам поменьше. Первая оказалась складом с гер-

метично упакованной водой и продуктами, рассчитанными на многолетнее хранение. Дальше Марен нашла чистящие средства, лекарства, полотенца и нераспечатанное постельное бельё.

Это была не временная камера. Кто-то подготовил всё так, чтобы Кейл мог жить здесь бесконечно долго. Возможно, он уже жил. Марен проверила целостность пломбы и срок годности на бутылке воды, после чего пила, пока не пришлось остановиться, чтобы вдохнуть. Только тогда она поняла, насколько сильно мучилась от жажды. Кейл стоял неподалёку и наблюдал.

— Ты никогда не видел, как человек пьёт?

Ответа не последовало. Она протянула ему ещё одну бутылку.

— Хочешь?

Он посмотрел на неё, но руки не протянул.

— Ладно.

В следующем складском помещении лежала одежда: простые футболки, брюки, толстовки, куртки и обувь нескольких размеров. В груди Марен наконец немного отпустило. Лабораторный халат кое-как её прикрывал, но любое движение грозило распахнуть его. Она нашла серую футболку, чёрные спортивные штаны, носки и обувь, более-менее подходящую по размеру. С нижним бельём было хуже. На полках хватало мужского. Для неё — ничего.

— Ну конечно, — пробормотала Марен.

Никто, запасавший этот бункер для Кейла, не предполагал появления женщины. Она вернулась к кровати и перебрала то, что осталось от её одежды. По какой-то маленькой милости нижнее бельё уцелело под разорванной тканью. Подняв голову, Марен увидела Кейла рядом. Он смотрел.

— Отвернись.

Он не отвернулся.

— Я переодеваюсь.

Ничего. Марен схватила футболку и швырнула ему в лицо.

— Отвернись.

Футболка соскользнула с его плеча. Кейл наконец перевёл взгляд в сторону. Марен немного подождала, проверяя, не повернётся ли он обратно, а затем оделась так быстро, как позволяло болевшее тело. Всё было великовато, особенно штаны, но затянутый шнурок удерживал их на талии. В любом случае лучше халата. Поправляя край футболки, Марен вдруг заметила, что Кейл по-прежнему совершенно голый. Несколько секунд она просто смотрела. Она была настолько занята собой, что его нагота уже начала восприниматься как часть обстановки.

— Нет. Вот уж нет.

Кейл посмотрел на неё. Марен вернулась на склад, взяла чёрные брюки и футболку и бросила ему в грудь.

— Надень.

Он поймал одежду, но не двинулся.

— Одежда. — Марен указала сначала на себя, потом на него. — Надень её.

Отсутствие реакции начинало злить всё сильнее.

— Ты что, не умеешь?

В его глазах что-то мелькнуло. Кейл спокойно надел брюки, затем футболку — уверенными, совершенно привычными движениями. Марен уставилась на него.

— Значит, умеешь. Просто не считаешь нужным.

Никакого ответа.

— Ну да. Конечно.

В одежде он стал ещё более тревожным. В чёрном Кейл выглядел как мужчина, которого Марен могла бы встретить на улице и заметить по самым обычным причинам. Ничто во внешности не выдавало человека, проведшего жизнь под биологическим исследовательским комплексом.

— Ты ведь и правда не знаешь, почему они держат тебя здесь, да?

Лицо оставалось непроницаемым.

— Забудь.

Голод ударил так сильно, что разговор закончился сам собой. Марен вернулась к запасам еды и осмотрела их. Консервы, печенье, злаковые батончики, упакованный хлеб, даже продукты в холодильниках, которые можно было разогреть. Холодильник она решила не трогать. Кто знает, сколько раз здесь отключалось электричество. Вместо этого Марен открыла банку куриного супа и нашла в ящике одноразовые

приборы. После первой ложки все мысли разом исчезли.

Она умирала от голода. Страх настолько глубоко загнал обычные потребности тела, что до этого момента Марен их почти не чувствовала. Кейл сел напротив. И смотрел, как она ест. Через несколько ложек Марен положила прибор.

— Ты обязательно должен это делать?

Он отвёл взгляд. Через секунду снова посмотрел.

— Ты голодный? — Она указала на полки. — Ты это ешь? Вообще что ты ешь?

На каждый вопрос отвечала тишина. И тогда пришла другая мысль. Холоднее всех предыдущих. Что люди снаружи ожидали от него, когда бросили Марен сюда? Кем именно они решили сделать её для Кейла? Желудок сжался. Марен опустила глаза и продолжила есть. Не сейчас. Она пока не хотела знать ответ. Кейл так и не притронулся ни к еде, ни к воде. Он сидел на стуле напротив, время от времени поглядывал на дверь, но неизменно возвращал внимание к Марен.

К тому времени, когда она доела суп и вскрыла пачку крекеров, мысли снова стали яснее. В Нулевом секторе были вода, еда и одежда. От жажды или голода она не умрёт — по крайней мере, не скоро. Оставались две проблемы. Как выбраться. И что такое Кейл. Раздался сигнал тревоги. Марен застыла, не донеся ложку до рта. Этот сигнал звучал ближе. Вдоль потолка вспыхнули красные лампы, и помещение то погружалось во мрак, то заливалось кровавым светом.

— Что теперь?

Она встала. Кейл — нет.

— Снаружи что-то случилось, да?

Он посмотрел на неё.

— Тебе даже не интересно?

И тогда Марен поняла. С тех пор как началась тревога, он ни разу не посмотрел ни на дверь, ни на лампы. Всё его внимание оставалось на ней. Это не ощущалось как преданность. Это ощущалось так, будто её загнали в угол.

* * *

Первый случай заражения внутри комплекса на В6 произошёл в 9:13. Лаборант рухнул рядом с рабочим столом. Когда коллега присел, чтобы помочь, тот схватил его за руку и прокусил рукав. В6 изолировали меньше чем за минуту. Когда сообщение дошло до диспетчерской, Вейра наконец отвела взгляд от Нулевого сектора.

— Циркуляция воздуха?

— В6 и В7 частично используют общую аварийную линию. Сейчас она перекрыта.

— В9?

— Автономная.

Показатели среды в Нулевом секторе оставались нормальными. Кто-то спросил:

— Если верхние уровни падут, мы переместим NX-01?

Вейра не ответила. «Переместим» — слишком простое слово для того, чего никто никогда не пытался сделать. Кейл ни разу не покидал Нулевой сектор. Не потому, что «Нексус»

знал, как удержать его где-нибудь ещё. Просто Кейл никогда не проявлял серьёзного желания уйти. Это были совершенно разные вещи.

— Оставляем его там, где он есть, — сказала она.

— А если инфекция доберётся до этого уровня?

— Запечатать В9.

— Женщина внутри.

Вейра посмотрела на монитор. Марен уже переоделась и теперь сидела за столом. Кейл находился напротив. Без контекста они выглядели как двое выживших, переживающих катастрофу в подземном убежище. Картина казалась почти мирной.

— Пока что, — произнесла Вейра, — она в безопасности.

Исследователь рядом повернулся к ней.

— В безопасности?

Вейра проигнорировала вопрос и увеличила отмеченную запись, где Марен бросала Кейлу одежду.

— Ещё раз.

Запись пошла снова. Марен бросила одежду. Что-то сказала. Кейл оделся. Без задержки. Без насилия. Без отказа.

— Раньше ему приказывали одеться? — спросила Вейра.

— Несколько раз.

— Результат?

Исследователь поискал в данных.

— Обычно игнорировал. Один раз разорвал одежду.

— Ещё?

— Однажды просто ушёл.

На экране Кейл закончил одеваться и последовал за Марен.

— Посчитайте все прямые просьбы, которые она высказала после пробуждения, — сказала Вейра. — Дистанция. Взгляд. Одежда. Всё.

Прошло несколько минут.

— Не меньше семи.

— Сколько он выполнил?

Исследователь проверил ещё раз.

— Пять.

Выражение лица Вейры изменилось. Один раз мог быть совпадением. Пять — уже поведение.

— Она ему нравится? — спросил молодой сотрудник.

Вейра повернулась к нему, и он тут же поправился:

— Я хотел сказать... с ней он ведёт себя иначе.

«Нравится» — человеческое слово для человеческого чувства. Никаких доказательств, что Кейл вообще способен испытывать что-то подобное, у них не было. Десятилетия наблюдений не выявили ни привязанности, ни нежности, ни вины, ни милосердия, ни узнаваемого гнева. Он реагировал. Хотел. Выбирал. Ни для одного из этих действий чувства не были обязательны. До появления Марен разница почти не имела значения.

— Не навязывайте ему человеческие понятия, — сказала Вейра.

— Тогда как это назвать?

На экране Кейл игнорировал еду перед собой и смотрел, как Марен ест. Вейра долго наблюдала за ним.

— Обладание.

Исследователь замолчал.

— По крайней мере, пока, — добавила она.

* * *

Марен выбросила пустую банку и вымыла руки. Собственная привычка показалась ей нелепой. Её похитили и заперли в секретной лаборатории. Где-то за стенами были сирены. Насколько ей было известно, весь мир наверху мог уже гореть. А она всё равно убирала за собой после обеда. Марен повернулась и едва не врезалась в Кейла.

— Когда ты успел сюда подойти?

Он смотрел на неё сверху вниз.

— Неважно.

Марен обошла его. Кейл тут же пристроился следом. На этот раз она не потребовала остановиться. Это не означало, что она смирилась. Она просто устала. По крайней мере, пока Марен бодрствовала, он будто бы был готов уважать некоторые из обозначенных ею границ. Она не понимала, что изменилось со вчерашней ночи. Может быть, он учился. Мысль была настолько нелепой, что Марен невольно оглянулась. Чему учился? Быть человеком? Кейл уже смотрел на неё. Не задерживай на нём взгляд. Марен отвернулась.

— Что ты всё время на меня смотришь?

Ответа не было.

— Прекрати.

Шаги позади остановились. Когда Марен проверила, Кейл отвёл глаза. На три секунды. Потом снова посмотрел на неё. Дело было не в том, что он не понимал. И эта мысль тревожила сильнее, чем непонимание. Кейл знал, что ей это неприятно. Он просто словно не мог перестать. Марен ускорила шаг. В диспетчерской за пределами Нулевого сектора Вейра открыла все биологические показатели, собранные с момента попадания Марен на В9. В норме. Абсолютно все.

— Сколько ещё мы будем наблюдать? — спросил кто-то.

Вейра не ответила. Десятилетиями люди боялись привлечь внимание Кейла. Боялись, что его взгляд задержится на них. Боялись стать тем, кого он запомнит. Теперь он смотрел на одну женщину дольше, чем на любого человека за всю историю наблюдений. Марен была жива. Никакого жара. Никакой мутации. Никаких необъяснимых физиологических изменений. Аномалией больше была не она. А он.

— Не позволяйте ей уйти от него, — сказала Вейра.

Исследователь уставился на неё.

— Что?

Она не повторила. Впервые за все годы, что «Нексус» изучал Кейла, он хотел, чтобы что-то оставалось рядом.

Глава 4 — Дверь

Только после еды Марен почувствовала, как на неё навалилась усталость. Это была не обычная сонная тяжесть после плохой ночи. Изнеможение сидело глубже — в костях, за глазами. Похищение, часы страха, боль, которую тело всё ещё хранило, — всё это время она существовала на одной панике, а теперь топливо закончилось. Марен сидела за столом и смотрела на пустую банку из-под супа, пока даже поднять руку не стало казаться работой. Кейл оставался напротив. Он ничего не ел. Ничего не пил. Только наблюдал. Сначала его внимание пугало её. Потом раздражало. Теперь у Марен не осталось сил даже на это.

— Я пойду спать, — сказала она.

Никакой реакции.

— Главное, чтобы ты понял.

Марен убрала за собой и направилась глубже в Нулевой сектор. Ей нужна была комната. Желательно с дверью. Ещё лучше — с дверью, которую можно запереть. Сектор был слишком большим, чтобы иметь смысл как обычная камера содержания. До сих пор Марен осматривала только внешний проход. Дальше коридоры расходились к пустым помещениям, складам оборудования и комнатам, приспособленным для повседневной жизни. Чем глубже она уходила, тем меньше место напоминало лабораторию и тем больше — по-

стоянное подземное жильё. Кейл, разумеется, пошёл следом. Через двадцать шагов Марен оглянулась.

— Ты опять это делаешь.

Он остановился. Она даже не стала тратить силы, приказывая ему оставаться на месте. Стоило ей снова пойти, и он наверняка двинулся бы следом. В третьей комнате стояла кровать. Не металлический смотровой стол — настоящая однопальная кровать, рядом шкафчик и небольшой стол. Вторая дверь вела в отдельную ванную. Одного вида душа хватило, чтобы Марен решила остаться здесь. Но просто войти и считать себя в безопасности она не могла. Она заглянула под кровать, внутрь шкафа, за обе двери, проверила всю ванную. Затем испытала замок.

Засов вошёл в паз с чистым щелчком. Давление в груди немного ослабло. Ещё одна дверь между ней и остальным Нулевым сектором. Не так уж много. Но хоть что-то. Марен снова открыла дверь. Кейл ждал в коридоре.

— Я буду спать здесь. — Она указала внутрь комнаты. — Ты сюда неходишь.

Его лицо не изменилось. Марен показала на себя, затем на комнату.

— Я. Внутри.

Потом указала на пол под его ногами.

— Ты. Снаружи.

Кейл проследил взглядом за движением её руки. Понимали ли он значение — другой вопрос. Марен уже собиралась за-

крыть дверь, когда заметила чёрную точку высоко в углу. Камера. Несколько секунд она просто смотрела на неё. Потом коротко рассмеялась без всякого веселья.

— Ну конечно. Ещё бы вам что-нибудь пропустить.

Она подошла прямо под камеру и посмотрела в объектив. Вчера она кричала им. Сегодня утром — снова. Откройте дверь. Скажите, почему я здесь. Скажите, что вам от меня нужно. Ни разу никто не ответил. Но смотреть они не переставали. Марен подтащила стул и встала на него. Корпус камеры был намертво закреплён на стене. Сорвать его руками не удалось. Тогда она схватила со стола металлическое украшение и ударила. Первый удар дал трещину по объективу. Второй разбил его. Марен ударила ещё раз — просто ради удовольствия увидеть, как бесполезная камера перекосилась к стене.

— Раз вы не хотите со мной разговаривать, — сказала она, — значит, и смотреть не будете.

Это была всего лишь камера. И всё же после её уничтожения дышать стало легче. С момента похищения это было первое решение, которое Марен приняла здесь сама, и первая часть этого места, которую она сломала по собственной воле. Она спустилась со стула и поставила его обратно. Кейл стоял в дверном проёме.

— Выйди.

Он не двинулся. Тогда Марен подошла и начала закрывать дверь прямо перед ним.

— Я собираюсь спать.

Прежде чем дверь захлопнулась, она остановилась. Кейл так и не пошевелился. Смотрел на неё без выражения.

— Тебе нельзя входить.

Марен закрыла дверь у него перед носом и повернула замок. Некоторое время она стояла, не убирая руки с засова, и слушала. Ни стука. Ни шагов. Вообще ничего. Тишина была настолько полной, что Марен даже начала гадать, не ушёл ли он. Открывать дверь и проверять она не собиралась. Вместо этого подперла ручку стулом. Человека, решившего войти силой, такая преграда не остановила бы. Но один её вид заставлял чувствовать себя хоть немного менее беззащитной.

Только после этого Марен вошла в ванную. Женщина в зеркале заставила её вздрогнуть. Волосы спутались. Усталость оставила тёмные провалы под глазами. На шее и плече проступали синяки и следы. Чистая одежда прикрывала тело, но не могла убрать липкое ощущение нарушения, будто случившееся всё ещё оставалось на коже. Всё утро Марен терпела это ощущение. Больше не обязана. Она разделась и включила душ.

Когда горячая вода ударила по телу, Марен закрыла глаза и просто стояла неподвижно. Некоторые места болели настолько сильно, что она невольно вздрагивала. Она вымылась один раз. Затем второй. Тёрла кожу, пока та не стала красной. Какая-то иррациональная часть сознания хотела, чтобы вода смыла вместе с грязью и память. Но вода не мог-

ла. Марен это знала. И всё же сейчас она не могла позволить себе думать о прошлой ночи. Не тогда, когда выхода не было, Кейл находился по ту сторону двери, а где-то в невидимом мире звучали сирены.

Если попытаться удержать всё сразу, внутри что-нибудь сломается. Поэтому Марен уменьшила жизнь до одного следующего действия. Душ. Чистая одежда. Сон. Проснуться. Найти другой выход. По одному шагу. Она стояла под водой, пока горячие струи не начали обжигать кожу. Потом надела чистые футболку и брюки и то единственное нижнее бельё, которое у неё осталось. Как смогла, высушила волосы, встретила с собственным взглядом в зеркале и медленно вдохнула.

— Останься в живых, — прошептала она.

Марен и сама не знала, кому именно нужно было это услышать.

* * *

Изображение из комнаты 4 погасло.

— Доктор.

Вейра не оторвалась от консоли.

— Что?

— Мы потеряли камеру в комнате 4.

— Связь?

Исследователь снова проверил систему. Выражение его лица изменилось.

— Нет.

Вейра повернулась. На экране застыл последний кадр: Марен стоит под камерой с металлическим предметом, поднятым в руке.

— Она её уничтожила, — сказал исследователь.

— Я вижу.

— Отправить кого-нибудь заменить?

После его предложения повисла тишина. Похоже, только произнесся слова вслух, он понял, что именно предложил. Кого они отправят? В6 запечатан. На В5 проверяют возможные контакты. Новые сообщения о заражениях на верхних уровнях поступают каждые несколько минут. И ради одной камеры никто добровольно не войдёт в Нулевой сектор. Вейра переключилась на камеру в коридоре. Кейл стоял перед комнатой 4. Дверь закрыта, Марен внутри. Теперь, когда внутренняя камера была уничтожена, коридор оставался единственным изображением. Кейл не стучал. Не бил дверь. Просто ждал перед ней.

— Она заперлась? — спросила Вейра.

— Да.

— Он что-нибудь сказал?

— Нет.

— Её последние слова?

— Она сказала ему не входить.

Вейра посмотрела на часы. Люди и раньше закрывали перед Кейлом двери. Ему приказывали оставаться в определённых зонах. Проблемой никогда не было понимание. Про-

блемой было желание выполнить приказ. Прошла минута. Потом две. Пять. Кейл оставался снаружи. Вейра постучала пальцем по столу.

— Зафиксируйте.

Исследователь внёс новую запись наблюдения. «Субъект NX-01 остался снаружи закрытого помещения после прямого устного указания человеческого субъекта Марен Холт». Он замер над клавиатурой.

— Он учится её командам.

Вейра не согласилась и не стала возражать.

— Продолжайте наблюдение.

На другом конце комнаты зазвонил терминал связи. Кто-то ответил, выслушал сообщение и поблел.

— У двоих на В7 жар.

Вейра обернулась.

— Контакт?

— Один вчера проходил через В6. У второго известного контакта не было.

— Вентиляция?

— До сегодняшнего отключения аварийные линии пересекались пятнадцать минут.

— Изолировать.

— Уже начали. Часть сотрудников просит эвакуацию.

— Кто её разрешил?

— Никто. Но, по сообщениям, западная часть города и порт уже потеряны. Нападений на трассах всё больше. Воен-

ные могут расширить карантинный периметр.

Никто в комнате не заговорил. Это больше не было обычной вспышкой болезни. Сообщения множились слишком быстро: сначала отдельные случаи, затем кварталы, затем целые районы. Часть носителей покинула Грейхейвен ещё до появления симптомов. Самолёты. Поезда. Машины. Междугородние автобусы. Никто не знал, насколько далеко уже распространилась инфекция. Никто не мог объяснить, почему воздушное заражение не затрагивает часть населения.

В 10:23 городок более чем в шестидесяти милях к северу сообщил о первом нападении. Пациентом оказался сорокатрёхлетний мужчина, который накануне вечером приехал домой из Грейхейвена, жалуюсь лишь на головную боль. За завтраком он напал на жену. Вскоре у неё и старшей дочери поднялась температура. Младший сын не проявил никаких симптомов. К полудню ещё два города сообщили о вероятных случаях.

В одном отменили внутренние авиарейсы. В два часа аэропорт закрыли. Последний международный рейс из Грейхейвена приземлился ещё прошлой ночью. Пассажиры уже разъехались. Кто-то пересел на стыковочные рейсы. Кто-то взял такси. Кто-то заселился в гостиницу. Кто-то вернулся домой и обнял семью. К этому моменту изоляция Грейхейвена больше служила политике, чем сдерживанию инфекции.

Болезнь уже не находилась только в Грейхейвене. В интернете появлялись видео на всё большем количестве язы-

ков: тот же жар, те же нападения, те же мёртвые тела, которые снова вставали. Правительства отрицали передачу внутри своих стран, пока собственные больницы не начали запира́ть двери. Мир ещё не остановился. Но уже терял форму.

* * *

Когда Марен наконец легла, мыслить она почти не могла. Матрас был жёстким, комната — незнакомой, но после прошлой ночи всё это ощущалось почти как убежище. Она подтянула одеяло к груди и посмотрела на дверь. Стул по-прежнему подпира́л ручку. Замок закрыт. С тех пор как Марен вошла, Кейл не издал ни звука. Она ожидала, что будет лежать без сна, вслушиваясь в тишину и пытаясь уловить его движение. Тело решило иначе.

Марен смотрела на дверь меньше десяти минут, прежде чем глаза закрылись. Последняя мысль была простой. По крайней мере, она заперта. Марен проспала два сигнала тревоги и короткое отключение электричества. Через несколько часов её разбудила жажда. В комнате было темно, кроме слабой янтарной лампы возле кровати. Марен лежала неподвижно, пока не вернулась память. Затем посмотрела на дверь.

Стул лежал на полу. Она села. С замком было что-то не так. Прежде чем взгляд успел сфокусироваться, инстинкт заставил её повернуть голову в другую сторону комнаты. Марен закричала. Кейл стоял меньше чем в двух метрах от кровати. Совершенно неподвижный. И смотрел на неё. Марен

чуть не свалилась с противоположного края.

— Что с тобой не так?!

Сердце колотилось о рёбра. Кейл никак не отреагировал.

— Когда ты сюда вошёл?

Тишина. Марен снова посмотрела на дверь. Защёлка была вырвана из правильного положения. Металл вокруг замка скручен, часть рамы выгнута внутрь. Стул лежал на боку. Несколько секунд она смотрела на повреждения. Потом медленно повернулась к Кейлу.

— Это ты сделал?

Он смотрел на неё.

— Дверь. Ты сломал дверь?

Кейл поднял руку и указал на повреждённый замок. Марен уставилась на него.

— Я вижу, что она сломана.

Он опустил руку.

— Я спрашиваю, ты её сломал?

Кейл снова указал. На дверь. Марен едва не рассмеялась от абсолютного неверия в происходящее.

— Я заперла её, потому что не хотела, чтобы ты входил.

Никакой реакции.

— Запертая дверь не означает «сломай дверь».

Кейл перевёл взгляд с неё на искорёженную раму. Его логика была болезненно очевидной. Дверь мешала. Теперь не мешала. Марен выбралась из кровати и присела возле замка. Чем внимательнее она смотрела, тем хуже всё выглядело.

Это были не следы удара ногой. Пластиину защёлки скрутило, крепёжные болты выдернуло прямо из металлической рамы. Следов инструментов не было. Руки Кейла тоже не пострадали. На коже ни одной царапины. Марен коснулась согнутого металла и посмотрела на него через плечо.

— Насколько ты сильный?

Конечно, он не ответил. Марен выпрямилась и внезапно решила, что не очень-то хочет знать. До сих пор она боялась, что он снова причинит ей вред. Сломанная дверь подарила другой, гораздо более практичный страх. Это был не хлипкий замок спальни. Толстая дверь являлась частью подземного исследовательского комплекса и была укреплена соответственно. Для Кейла она оказалась всего лишь неудобством. Он стоял в комнате всё так же тихо, явно не понимая, почему Марен злится. Она указала на него пальцем.

— В следующий раз, когда я запираю дверь, ты её не ломаешь.

Затем показала в коридор.

— И не входишь.

Кейл смотрел на неё. Через несколько секунд он чуть отвёл взгляд. Не согласие. И не отказ. Марен посмотрела с него на бесполезный замок и почувствовала начало новой головной боли. Оставался один вопрос. Если такая дверь не могла его остановить, что удерживало Кейла под землёй все эти годы?

Глава 5 — Ты

После трёх часов дня «Нексус» начал терять контроль. Сначала у двоих сотрудников на В7 поднялась температура. Затем внутри карантинной зоны В6 произошло ещё одно нападение. Меньше чем за час проблемы начали возникать на уровнях, которые по проекту вообще не должны были пересекаться. Группы безопасности метались от одного запечатанного коридора к другому, а исследователям приказали оставаться на рабочих местах. Приказ ещё не успели довести до всех, когда с поверхности пришло новое сообщение.

Военная линия к западу от Грейхейвена прорвана. Поток машин хлынул из города. Полиция больше не заходила в самые тяжёлые районы. Военные требовали, чтобы все учреждения, способные проводить биологические исследования высокого риска, передали свои данные и начали эвакуацию неключевого персонала. Вейра слушала сообщение в главной диспетчерской, не говоря ни слова.

На каждом экране одна за другой бежали красные тревоги. В5 требовал снова открыть лифты на поверхность. В7 просил вывести незаражённых сотрудников. В медицинском блоке закончились изоляторы. Люди звонили семьям с терминалов ограниченного доступа. Некоторые уже сняли лабораторные халаты и требовали, чтобы охрана выпустила их.

— Как долго выход на поверхность ещё будет доступен?

— спросила Вейра.

— Сейчас открыт, но южная дорога перекрыта. Руководство требует, чтобы основной персонал принял решение в течение пятнадцати минут. Позже машины могут уже не пройти.

— Хранилище образцов?

— Холодильные камеры на резервном питании. Должны продержаться семьдесят два часа.

— Должны.

Никто не ответил. Каждая катастрофа этого дня приходила вслед за очередной версией такого же заверения. В9 должен был быть изолирован от остального комплекса. «Нексус» должен был быть защищён от внешнего заражения. Быстрый карантин должен был удержать первую вспышку внутри Грейхейвена. Теперь ни одно из этих обещаний ничего не значило. На главном экране по-прежнему отображался Нулевой сектор. Марен шла по коридору, Кейл держался в нескольких шагах позади. Камеру в комнате 4 она уничтожила, но в общих зонах наблюдение ещё работало. Двое людей глубоко под землёй казались совершенно не затронутыми паникой наверху.

По крайней мере Кейл. Марен понятия не имела, что происходит.

— Сколько В9 способен существовать автономно? — спросила Вейра.

Исследователю рядом понадобилась секунда, чтобы отве-

тить.

— Водяной контур независимый. Очистка будет работать, пока есть электричество. При первоначальном плане нормирования еды хватило бы на несколько месяцев. Для двух человек — намного дольше.

— Резервное питание?

— В9 отключается последним.

Вейра кивнула. Молодой исследователь понял смысл.

— Вы оставляете их там.

— У вас есть вариант лучше?

— Вывести женщину.

— Как? — Вейра повернулась к нему. — Чтобы открыть Нулевой сектор, нужно три уровня авторизации. Как только внутренняя дверь разблокируется, Кейл сможет выйти вместе с ней. Вы добровольно войдёте туда, выведете Марен и попросите его остаться?

— Он может её послушаться.

— Может.

Голос Вейры оставался ровным.

— Вы готовы поставить на это всех, кто ещё находится в комплексе?

У противоположных консолей вспыхнул спор. Он ещё не закончился, когда автоматическая система объявила эвакуацию. Оцепенение исчезло мгновенно. Люди отключали накопители, запирали бумажные архивы в огнестойкие кейсы и бежали в кабинеты. Молодой исследователь остался рядом

с Вейрой.

— Что будет с Марен?

На экране Марен обернулась и что-то сказала Кейлу. Он остановился, потом снова пошёл за ней.

— Она пережила первую ночь, — ответила Вейра.

— Это не ответ.

— Хороших ответов больше нет.

— Мы её похитили.

Вейра посмотрела на него.

— Я знаю.

— И теперь просто бросим?

— Если мы откроем эту дверь, погибнуть может не только она.

Ему нечего было возразить. Вейра скопировала последние двадцать четыре часа видеозаписей и биологических данных на отдельный накопитель, убрала его в карман и снова открыла первичный отчёт об инциденте с Имоном Раском. В9. Визуальный контакт. Симптомы через шесть часов. А затем — падение города. Последовательность не была доказательством. Вейра это знала. Слишком многое оставалось необъяснимым: возможная связь Кейла с инфекцией; полное отсутствие симптомов у Марен после длительного нахождения рядом с ним; невозможные изменения у переживших укусы. Время закончилось раньше, чем вопросы.

— Доктор, эвакуационная колонна готова.

Вейра свернула последнее окно с трансляцией.

— Заблокируйте все внешние элементы управления В9.

— Включая удалённый доступ?

— Всё.

— Если позже кому-нибудь понадобится войти...

— «Позже» само разберётся со своими проблемами. Воду и электричество оставить включёнными.

— Понял.

— И систему наблюдения не отключать, пока она способна передавать данные.

Вейра в последний раз посмотрела на экран. Кейл остановился. Медленно поднял голову к камере. Несколько человек в диспетчерской по привычке отвели глаза. Вейра — нет. Она смотрела, пока Кейл не снова повернулся к Марен, словно этого мгновения никогда не было.

— Уходим, — сказала Вейра.

* * *

Считать заражённых больше не мог никто. Правительства всё ещё публиковали цифры, но каждая цифра описывала мир, существовавший несколько часов назад. В трёх городах вокруг Грейхейвена уже официально подтвердили случаи, когда трупы снова начинали двигаться. После закрытия аэропорта другие страны стали выявлять больных, у которых не было известного контакта с городом. Теории распространялись быстрее доказательств: заражение в больницах, терроризм, военная атака, утечка из лаборатории.

Видео множились. Из окна квартиры кто-то снял, как фи-

гуры с неестественно скованными движениями гонятся за машинами через перекрёсток. Прямая трансляция панических закупок в супермаркете закончилась криками. В другом ролике солдаты снова и снова стреляли в тело, которое продолжало ползти вперёд, пока платформа не удалила запись. Удалять было бессмысленно. То, что исчезало с одного аккаунта, через минуту появлялось на другом.

Страх менял саму форму повседневной жизни. На забитых трассах у машин заканчивался бензин. Топливо исчезало. Аптеки и круглосуточные магазины опустошали до голых полок. Люди, послушавшие приказ оставаться дома, оказывались заперты в квартирах этажом выше заражённых соседей. Те, кого воздушная инфекция не затронула, не знали, что у них есть природные антитела. Они лишь наблюдали, как друзья и родственники сгорают от жара, оставаясь здоровыми сами.

Никто не знал, как долго продлится такое везение. Укус всё ещё мог пробить эту защиту. К середине дня задокументировали ещё нескольких выживших после укуса. Один обладал аномальной силой. У другого раны закрывались за считанные минуты. После того как жар спал, одна женщина стала слышать голоса через две бетонные стены. Большинство больниц падали раньше, чем кто-либо успевал изучить изменения. Мир умирал и одновременно создавал нечто новое. Никто не знал, что останется, когда процесс закончится.

* * *

Марен ничего этого не знала. Она знала только, что «Нексус» затих. Сигнал тревоги прозвучал ещё несколько раз, а потом прекратился. Часть потолочных ламп потускнела, когда комплекс перешёл на резервное питание. Марен дважды возвращалась к главной изоляционной двери и кричала, пока не заболело горло. В третий раз она перестала стучать.

— Вы там все умерли? — спросила она ближайшую камеру.

Ничего.

— Или сбежали?

Тишина. Марен уже не понимала, разговаривает ли с теми, кто, возможно, всё ещё смотрит трансляцию, или просто пытается не чувствовать себя одинокой. Она повернулась. Кейл стоял в трёх-четырёх шагах позади — на той дистанции, которую держал большую часть дня. Куда бы она ни шла, он следовал. Когда она останавливалась, останавливался и он. Марен перестала предупреждать его, потому что предупреждений надолго не хватало.

Не то чтобы Кейл никогда не слушался. Иногда его послушание даже заставляло её удивляться. А через несколько минут он снова начинал идти следом. Он понимал каждое слово. Чего не понимал — почему правило должно продолжать действовать после того мгновения, когда она его произнесла. Усталость сделала раздражение острее.

— Что тебе от меня нужно?

Кейл не ответил. Марен отвернулась, уже готовая к оче-

редному молчанию.

— Ты, — сказал он.

Она остановилась. Медленно повернулась к нему.

— Что?

Он не сводил с неё глаз.

— Ты.

Одно слово. Никакого объяснения. Несколько секунд Марен не понимала. Потом поняла. И злость проглотила усталость насквозь.

— Я?

Кейл не отрицал. Марен шагнула к нему.

— Ты хочешь меня?

Прошлая ночь вернулась целиком: его вес, боль, беспомощность борьбы с человеком, который не воспринимал её отказ как границу. Выражение лица Марен стало холодным.

— Я тебе не принадлежу.

Никакой перемены.

— Ты понимаешь меня?

Она толкнула его в грудь. Кейл почти не сдвинулся.

— Я не вещь, которую они тебе подарили. Ты не можешь брать меня только потому, что хочешь.

Марен толкнула снова, сильнее.

— Отойди.

Кейл опустил взгляд на её ладонь.

— Вон. — Марен попыталась вытеснить его через узкий проход. — Иди.

Его рука сомкнулась вокруг её запястья. Тело Марен оцепенело.

— Отпусти.

Он не отпустил.

— Кейл. — Страх изменил её голос. — Отпусти меня.

Вторая рука прошла под её телом. Он поднял Марен с пола так легко, словно она ничего не весила. Она вскрикнула и вцепилась в его плечо прежде, чем инстинкт превратился в борьбу.

— Поставь меня!

Марен била ногами, толкала его в грудь, царапала пальцы, которыми он её держал. Ничего не менялось. Кейл нёс её по коридору, не сбавляя шага.

— Куда ты меня несёшь?

Ответа не было.

— Кейл!

Чем сильнее она сопротивлялась, тем очевиднее становилась разница между ними. Дело было уже не в том, что она слабее. Против него её сила вообще не имела значения.

— Стой.

Кейл посмотрел вниз и продолжил идти. Поднимался страх — знакомый, ледяной. Марен знала, куда он её несёт. Знала, чего хочет.

— Нет. — Голос стал тише. — Кейл, нет.

Он не замедлился. Марен забилась сильнее.

— Я сказала нет!

Крик прокатился по пустому сектору. Теперь никто не смотрел через камеры. Ни один исследователь её не слышал. За дверью не ждала служба безопасности. Кейл принёс её обратно в спальную зону. Когда поставил на пол, Марен дрожала.

— Не надо. — Она толкнула его. — Ты меня понимаешь. Я знаю, что понимаешь.

Пытаться рассуждать с ним казалось безумием — и всё же утром он слушался. Останавливался, когда она просила остановиться. Надел одежду, когда она сказала. Марен позволила себе поверить, что эти моменты что-то значили. Что в нём действительно что-то меняется.

— Я этого не хочу. — Она произнесла каждое слово отдельно. — Я. Этого. Не. Хочу.

Кейл смотрел ей в лицо. Он всё ещё не понимал, какого действия требуют эти слова. Сначала Марен сопротивлялась. Толкала его, выворачивалась, снова и снова произносила его имя, приказывала остановиться. Ничего не изменилось. В конце концов она замерла — не потому, что согласилась, а потому, что сопротивление стало ещё одной болью, которая всё равно не могла изменить исход. Марен отвернула лицо.

Слёзы бесшумно потекли из уголков глаз. На этот раз она не кричала. Не тратила силы на бесполезные толчки. Только плакала. Поначалу Кейл словно не замечал. Потом одна слеза скользнула по её щеке, и он остановился. Посмотрел на

неё. Марен закрыла глаза. Следом потекла ещё одна. Она уже не могла отделить страх от злости. Под ними лежала усталость — ещё глубже, ещё тяжелее.

— Я сказала нет, — едва слышно произнесла она.

Кейл молчал. Марен открыла глаза и заставила себя посмотреть прямо на него.

— Слова ты понимаешь.

Она больше не боролась. Просто удерживала его взгляд.

— Когда я говорю «нет», ты останавливаешься.

Он оставался неподвижным.

— Если ты меня хочешь, это не даёт тебе права делать со мной что угодно. — Горло сжалось. — Я тебе не принадлежу.

Что-то нарушило его неподвижность. Это была не вина. Он ещё не понимал причинённого вреда настолько глубоко, чтобы испытывать вину. Скорее, впервые столкнулся с различием, о существовании которого раньше даже не знал. Хотеть что-то. Иметь право это получить. Возможно, для него эти вещи всегда были одним и тем же. Он прикасался к тому, к чему хотел прикоснуться. Держал рядом то, что хотел оставить.

Никто не учил его, что воля другого человека способна изменить то, что ему позволено делать. Марен не знала, сколько из сказанного дошло до него. У неё больше не осталось сил продолжать урок. Когда всё закончилось, она свернулась, подтянув колени к себе. Кейл сел рядом, но не сразу протянул руку. Марен вытерла лицо тыльной стороной ладони.

— Не трогай меня.

Рука Кейла уже начала подниматься. Она остановилась. Марен это увидела. Несколько тихих секунд никто не двигался. Затем Кейл опустил руку. Легче от этого не стало. Но Марен запомнила.

* * *

Последняя колонна «Нексуса» выехала в 17:12. Когда укреплённые наземные двери закрылись, со стороны Грейхейвена уже поднимался дым. Шесть машин направились к обозначенной безопасной зоне, хотя никто не знал, удастся ли до неё добраться. Вейра сидела сзади во второй машине, держа на коленях накопитель с основными данными по Кейлу. Рация не замолкала ни на секунду: новые маршруты, новые нападения, новые перекрытия. Молодой исследователь рядом почти не разговаривал с момента отъезда. В двух милях от комплекса он оглянулся на исчезающий вход.

— Мы правда их там оставили.

Вейра смотрела вперёд.

— Сейчас под землёй безопаснее, чем на поверхности.

— Пока.

— Всё существует только «пока».

— Что будет, когда резервное питание откажет?

— B9 имеет приоритет.

— А если дверь откроется?

Комплекс почти исчез позади.

— Тогда это будет проблема, которую из этой колонны мы

всё равно не решим.

— Думаете, Кейл выйдет?

Годами «Нексус» использовал двери, пропуска и протоколы, чтобы поддерживать успокаивающую веру: Нулевой сектор удерживает Кейла внутри. Последние двадцать четыре часа намекали на другую возможность. Может быть, он никогда не был неспособен уйти. Может быть, снаружи просто не существовало ничего, ради чего стоило выходить. А потом появилась Марен.

— Не знаю, — сказала Вейра.

Впервые она признала это без оговорок.

— А женщина?

Пальцы Вейры сильнее сжали накопитель.

— Если она выживет, запомните её имя.

— Марен Холт.

— Да.

— Почему?

Впереди движение уже начинало замедляться.

— Потому что, если кто-нибудь когда-нибудь снова будет изучать NX-01, она может оказаться важнее всего, что мы собрали за последние несколько десятилетий.

Колонна продолжила путь. Больше назад никто не смотрел.

* * *

Сирены под землёй стихли ещё до вечера. Марен заметила это только после того, как оделась и долго просидела на

краю кровати. Кейл оставался у противоположной стены. С тех пор как она сказала ему не прикасаться к ней, он не прикасался. Но и не ушёл. Марен смотрела в пол, пока тишина не стала слишком заметной. Раньше за пределами Нулевого сектора всегда существовал хотя бы какой-то признак жизни: сигнал тревоги, далёкое объявление, смена тона работающих механизмов. Теперь остался только шум вентиляции. Она поднялась. Тело всё ещё болело, но находиться в этой комнате дальше Марен не могла. Кейл тоже встал.

— Не иди за мной.

Он остановился. Марен ушла. На этот раз шагов позади не было. Когда в конце коридора она оглянулась, Кейл стоял точно там, где она его оставила. Впервые указание продолжило действовать спустя время. Марен ничего не сказала и пошла к изоляционной двери.

— Там кто-нибудь есть?

Камера не ответила.

— Я знаю, что вы меня слышите.

Она подождала.

— Вейра? — Имя Марен слышала ещё до похищения, хотя не знала, принадлежит ли оно человеку, который здесь всем руководит. — Кто-нибудь. Просто ответьте.

Ничего. И тогда Марен заметила индикатор возле камеры. Зелёная лампочка не горела. Как и на следующей камере. И на следующей. Тишина вокруг стала тяжелее. Марен забарабанила в дверь.

— Эй?!

Голос исчез в коридоре за металлом.

— Откройте! Вы там?

Она била сильнее, пока не заболели ладони. Никто не пришёл. Марен опустила руки. Впервые их молчание не казалось намеренным. Они не игнорировали её. Их не было. Она прижалась ухом к металлу. Ни звука снаружи. Весь комплекс ощущался как покинутый город. Спустя долгое время Марен повернулась. Далеко в глубине коридора Кейл стоял там, где она его оставила. Он не приблизился. Только смотрел.

Люди, которые похитили её, ушли. Люди, у которых были полномочия открыть эту дверь, ушли. А Марен осталась здесь — похороненная под землёй рядом с мужчиной, которого не могла ни понять, ни избежать. Она не знала, что произошло снаружи и почему «Нексус» был покинут. Одно было ясно. Никто не вернётся, чтобы выпустить её.

Глава 6 — Кусочек шоколада

Марен оставалась у двери, пока не сорвала голос. Индикатор возле камеры по-прежнему не горел. За сталью ничто не двигалось. Она стучала, кричала все имена, которые помнила, и в ответ слышала только собственный голос, возвращавшийся всё более слабым эхом. Наконец Марен сползла по стене и обхватила колени руками.

До этого момента какая-то часть её всё ещё верила, что она справится. Она пережила парковку, запертую камеру и первую ночь. Заставила себя искать воду и одежду. Нашла достаточно злости, чтобы разбить камеру. Потому что снаружи всё ещё были люди. А люди означали варианты. Люди означали, что где-то, каким-то образом существует решение. Теперь их не было. Они ушли, не оставив ни объяснения, ни способа открыть дверь. Бросили её под землёй с Кейлом и исчезли. Слезы начались тихо. Марен вытирала их, пока новые не полились слишком быстро. Тогда она опустила лицо на колени.

— Я всего лишь ехала домой с работы.

Слова утонули в ткани одежды.

— Вот и всё. Я просто ехала домой.

Повторение не заставляло последние два дня обрести хоть какой-то смысл.

— Мама написала, чтобы я скорее возвращалась. Я почти

ничего ей не ответила. У меня нет телефона. Никто не знает, где я.

Марен судорожно вдохнула.

— Они, наверное, вызвали полицию.

Если полиция всё ещё существовала снаружи. Если тишина и сирены означали что-то менее ужасное, чем она представляла. Её семья даже не знала, что она жива.

— Что я сделала? — прошептала Марен. — Почему я?

Она плакала уже несколько минут, когда почувствовала чьё-то присутствие рядом. Кейл стоял близко и смотрел сверху вниз. Марен подняла опухшие от слёз глаза.

— А, вот и ты. Опять пялишься.

Он продолжал смотреть.

— Что тут вообще разглядывать?

Марен спрятала лицо. Рядом зашуршала ткань. Когда она снова подняла голову, Кейл сидел на корточках. Он внимательно посмотрел, как она обнимает колени, а затем неловко обхватил руками собственные ноги, копируя её позу. На секунду Марен забыла плакать.

— Что ты делаешь?

Он смотрел.

— Ты меня копируешь?

Ответа не было. Сцена была слишком странной для эмоций, которые привели её сюда: женщина с красными глазами, свернувшаяся у изоляционной двери, и невозможный мужчина рядом в точно такой же позе. Марен шмыгнула носом.

— Это из-за тебя.

Кейл моргнул.

— Они бы не бросили меня сюда, если бы тебя здесь не было.

Обвинение рассыпалось в ту же секунду, как она услышала его вслух. Кейл её не похищал. Не заталкивал в эту дверь. Возможно, он вообще не понимал, что сделали люди снаружи. Марен вытерла щёку.

— Ладно. Не полностью из-за тебя.

Она посмотрела на него.

— Но ты всё равно ужасный.

Его взгляд не изменился.

— Особенно после того, что ты сделал. — В голосе снова появилась злость. — Я сказала «нет». Почему ты не послушал?

Тишина.

— Ты понимал меня. Когда я говорю «нет», ты останавливаешься. Если ты чего-то хочешь, это ещё не значит, что можешь взять.

Марен не понимала, усваивает ли он идею или просто узнаёт знакомые слова. Попытка объяснить снова вымотала её. Она опустила голову.

— Я даже не знаю, жива ли моя семья.

Кейл поднялся. Его шаги начали удаляться. Марен не смотрела вслед.

— Ну и иди. Всё равно ничего не понимаешь.

Чем дальше он уходил, тем пустее становился коридор. Несколько дней Марен мечтала, чтобы Кейл оставил её в покое. Теперь, когда во всём комплексе действительно не осталось никого другого, его отсутствие делало тишину невыносимой. Через несколько минут шаги вернулись. Кейл пришёл с маленьким предметом в обёртке. Шоколад. Обычный квадрат из запасов. Он протянул его Марен. Она посмотрела на обёртку, потом на лицо Кейла.

— Что?

Он подвинул руку ближе.

— Ешь.

Марен уставилась на него. Это был один из редких случаев, когда он заговорил сам, без настойчивых вопросов.

— Мне?

Никакого ответа.

— Откуда мне знать, что у тебя нет какой-нибудь ужасной причины?

Эта фраза ничего для него не значила. Кейл просто ждал, держа шоколад перед ней. В конце концов Марен выхватила его.

— Ладно. Ем.

Кейл смотрел, как она разворачивает обёртку. Марен собиралась продолжить ругать его. Потом шоколад растаял на языке, и она поняла, что слишком голодна и слишком устала, чтобы злость сохраняла форму. Пока она жевала, из глаз выскользнули ещё две слезы.

— Это ничего не исправляет.

Кейл снова присел рядом.

— Я тебя не прощаю.

Ничего.

— Ты меня слышишь?

По-прежнему ничего. Марен вздохнула и медленно дое-
ла шоколад. Кейл остался рядом. Он не умел утешать её. Не
спросил, почему она плачет. Но на этот раз и не оставил од-
ну.

* * *

К седьмому дню мир уже почти не напоминал тот, кото-
рый Марен покинула. Большая часть Грейхейвена осталась
без стабильного электричества. Вторая линия военного сдер-
живания пала на третью ночь. Власти бросали целые райо-
ны и направляли выживших во временные безопасные зоны,
которые оказывались не безопаснее покинутых городов.

Главной угрозой оставалось заражение через воздух. Ла-
боратории в нескольких регионах подтвердили: часть насе-
ления обладает иммунным ответом, способным противостоять
низкой концентрации патогена. Без него человек в за-
ражённой среде, скорее всего, заболел. При его наличии
мог не испытывать никаких симптомов. Если только его не
кусали. Укус подчинялся другим правилам. У большинства
жертв начинался жар и неврологический коллапс; они умира-
ли и через несколько часов или сутки снова приходили в
движение. Некоторые умирали окончательно.

Третья группа разрушала все модели. Они выживали. И менялись. Сила, превосходящая пределы костей и мышц. Раны, закрывающиеся с невозможной скоростью. Органы чувств, выходящие за человеческий диапазон. Сообщения множились по регионам, пока официальное название — «постинфекционные варианты» — не уступило интернет-названию «люди с Силами». Оно распространилось быстро.

Принятие — нет. Одни называли людей с Силами лучшей надеждой человечества против заражённых. Другие — чудовищами, которые просто ещё не закончили превращение. Обществу, уже разрушенному мёртвыми, пришлось решать, что делать с теми, кто оказался где-то между человеком и заражённым. Подозрение распространялось быстрее патогена.

Вейра восстановила связь с В9 на четвёртый день после эвакуации. Временная исследовательская база разместилась в старом военном комплексе почти в двухстах милях к северу от Грейхейвена. Связь там ломалась почти так же часто, как работала. Половина персонала «Нексуса» числилась пропавшей, погибшей или застрявшей в других местах. Оборудования удалось спасти мало. Но Вейра вывезла почти всё, что имело значение для исследований Кейла.

В её временном кабинете не было окна — только узкая смотровая щель. С момента приезда она почти не спала. Стол был завален старыми файлами NX-01: жар после визуального контакта, неврологические повреждения, отказ органов, изменения тканей, смерть. Десятилетиями «Нексус»

складывал всё это в одну категорию. «Эпизод воздействия NX-01». Рядом с новыми данными вспышки симптомы выглядели пугающе знакомо.

— Думаете, эти люди уже были заражены? — спросил молодой исследователь, положив на стол ещё одну стопку документов.

Вейра ответила не сразу.

— Думаю, мы никогда не понимали, на что смотрим.

— Некоторые из этих случаев произошли десятки лет назад.

— Именно.

Если старые аномалии и нынешняя вспышка относились к одному семейству патогенов, главный вопрос теперь состоял не в том, когда вирус вырвался наружу. А в том, как долго он существовал. Исследователь сел напротив.

— А Марен?

Вейра подняла глаза.

— По-прежнему нормальна.

Накануне им удалось поймать короткую передачу из Нулевого сектора. Она длилась всего несколько секунд, но подтвердила, что Марен жива: нормальная температура, обычные движения, никаких видимых мутаций.

— Она с ним уже неделю, — сказал исследователь. — Почти всё время он находится рядом.

Вейра знала.

— Значит, либо она необычная, либо...

Вейра посмотрела на застывший последний кадр. Кейл сидел возле Марен и наблюдал за ней.

— Либо старые случаи никогда не были такими простыми, как «он посмотрел — они изменились».

— Думаете, он этим управляет?

Вывод звучал абсурдно. Но за эту неделю абсурд перестал быть достаточной причиной отвергать что-либо.

— Я этого не говорила.

— Но подумали.

Вейра подняла взгляд. Исследователь закрыл рот. Она открыла дело Марен. В верхнем углу стоял не обычный номер испытуемого.

Кандидат человеческой реакции Н-17.

Марен не была случайной женщиной, схваченной на улице. Изначально в пуле было сорок семь человек. Здоровье, возраст, маркеры инфекции, уровень гормонов и реакцию на стресс сравнивали, пока не осталось шестеро. Марен заняла первое место. Двадцать шесть лет. Никаких хронических заболеваний. Известные маркеры инфекции отсутствуют. Стабильные физиологические показатели. Ни Силы, ни истории участия в экспериментах, способной исказить наблюдения.

На странице утверждения кто-то написал: «Оптимальный базовый человеческий субъект». Повреждённый фрагмент под этой страницей содержал недостающую предпосылку. Исследователи хотели узнать, что Кейл сделает, если оставить его наедине с незаражённой женщиной: убьёт и съест,

как мог бы заражённый хищник; проигнорирует; или проявит другую форму потребности. Они проверили десятки кандидаток, чтобы исключить как можно больше переменных. Марен была не просто подходящей.

Она точнее всех соответствовала идеальному исходному образцу. Поле результата было безжалостно клиническим: «Хищническая пищевая реакция отсутствует. Наблюдается сексуальная фиксация». В остальном Марен была совершенно обычной. Офисная сотрудница. Обычная семья. Никаких необычных генетических данных, долгосрочных лекарств или особой медицинской истории.

— Найдите остальную часть её дела, — сказала Вейра.

— Что именно ищем?

— Всё.

— Но она всего лишь...

— Теперь она уже не «всего лишь» что-либо. — Голос Вейры оставался спокойным. — Если мы снова войдём на В9, я хочу знать, почему она до сих пор жива.

* * *

Первая неделя Марен под землёй оказалась тише, чем она ожидала. По крайней мере внешне. Кейл больше не принуждал её. Каждое утро после пробуждения Марен первым делом убеждалась именно в этом. Первые две ночи она почти не спала. Замок уже доказал бесполезность, но Марен всё равно подпирала дверь мебелью и оставляла возле кровати всё, что хотя бы отдалённо можно было использовать как

оружие.

Иногда Кейл входил. Разница заключалась в том, что теперь, когда Марен просыпалась и приказывала ему выйти, он останавливался. Иногда даже разворачивался и уходил. Нормальным это его не делало. Его одержимое внимание к Марен только росло. Он ходил за ней за водой, сидел рядом, пока она ела, наблюдал, как она перебирает запасы. Часто становился так близко, что, обернувшись, Марен врезалась в него.

Хуже всего были моменты, когда простое следование превращалось в намерение. Однажды днём Марен сортировала еду по срокам годности. Она поставила несколько банок на нижнюю полку и поднялась. К спине прижалось тело. Марен замерла.

— Кейл.

Его подбородок находился возле её плеча. Она уже научилась различать его обычное хождение тенью и близость, за которой стояло желание. Это был второй случай. Марен поставила банку.

— Нет.

Он не отошёл. Она повернулась достаточно, чтобы встретиться с ним глазами.

— Я сказала нет.

Несколько секунд Кейл не двигался. Потом отступил. Напряжение медленно ушло из плеч Марен.

— Да. Вот так. — Она услышала собственный тон, слов-

но разговаривала с огромным опасным животным. — «Нет» означает остановиться.

Кейл ничего не сказал. Марен снова присела к полкам. Не прошло и минуты, как он опять приблизился. Она резко развернулась.

— Ты.

Кейл остановился. Марен терпеливо вдохнула через нос.

— Дальше.

Он сделал один шаг в сторону. Она сердито посмотрела на него.

— Ну хоть это понял.

Так прошла вся неделя. Он по-прежнему хотел находиться рядом. Трогал её волосы, задевал ладонь, прижимался, когда она садилась. Поначалу каждый контакт пугал Марен. Потом она заметила: когда она ясно говорит «нет», он останавливается всё чаще. Не потому, что перестал хотеть. Иногда его нежелание отступать было настолько очевидным, что даже Марен легко его читала. Но он всё-таки останавливался.

Это не стирало того, что он сделал. Кусочек шоколада и несколько выполненных команд не делали его добрым. Марен всё ещё боялась его. Просто сам страх менял форму. Сначала он был простым: он сделает всё, что захочет, когда захочет. Теперь появилось исключение. Иногда он меня слушает. Для Марен разница была огромной. Жизнь начала обретать грубый порядок. Она пересчитала запасы, разделила

продукты по срокам годности, проверила систему очистки воды и нашла маленькую прачечную. Кейл, похоже, вообще не понимал концепцию помощи. В первый раз, когда он бросил одежду прямо на пол, Марен посмотрела на кучу.

— Ты всегда так жил?

Кейл посмотрел на неё.

— Одежда. — Она указала пальцем. — Грязная одежда идёт туда.

Он опустил взгляд на пол.

— Не туда. В корзину.

Он не двинулся. Марен сдержала раздражение.

— Подними.

Кейл поднял одежду и положил в корзину. Неделю назад самой большой проблемой в жизни Марен были переработки. Теперь она учила неизвестную биологическую аномалию пользоваться корзиной для белья.

— Хорошо, — автоматически сказала она.

Кейл посмотрел на неё. Марен замерла.

— Это была не похвала.

Он понятия не имел, зачем она поправилась. На седьмую ночь Марен ела консервированное рагу с крекерами, которые уже начинала ненавидеть. Кейл сидел рядом. Сначала на нормальном расстоянии. Потом постепенно придвинулся, пока плечо не коснулось её плеча. Марен опустила ложку.

— Кейл.

Он посмотрел.

— Отодвинься.

Ничего. Марен положила ложку.

— Я сказала отодвинься.

Кейл ещё две секунды смотрел на неё. Потом сместился достаточно далеко, оставив между ними заметное пространство. Марен замерла. Он не ждал одобрения. Не выглядел так, будто рассчитывает на награду. Просто сидел там, где она приказала. Через мгновение Марен снова взяла ложку и продолжила есть. Она не поблагодарила его. Не улыбнулась. Но поняла. Он запомнил. Не просто звук команды в одном конкретном мгновении.

Само правило. Неделью назад Кейл, казалось, вообще не понимал, почему Марен ему отказывает. Теперь желание по-прежнему тянуло его ближе. Он снова и снова проверял разрешённую дистанцию. Но когда Марен действительно говорила «нет», он учился останавливаться. Над ними подходил к концу седьмой день апокалипсиса. На всех уцелевших картах Грейхейвен уже обозначали красной зоной заражения. Города по всему миру начинали переживать тот же крах. Правительства, армии, больницы и лаборатории искали ответы, пока их системы разрушались вокруг.

«Нексус» стоял пустым. Его камеры умирали одна за другой. Никто не знал, что происходит в Нулевом секторе. Марен тоже не знала, что будет дальше. Она знала только одно: между ней и Кейлом начало формироваться нечто похожее на правило. Это была не любовь. Даже не доверие. Все-

го лишь правило. Но для существа, от которого никогда не требовали подчиняться правилам, это было началом.

Глава 7 — Тридцать один день

С тех пор как «Нексус» был покинут, прошло тридцать один день. Марен осознала срок только тогда, когда выцарапала на стене тридцать первую отметку. Месяц под землёй. Первую неделю она каждое утро приходила к изоляционной двери. Проверяла камеры, звала на помощь, прислушивалась — не вернулся ли кто-нибудь из сотрудников. На второй неделе перестала кричать. Никто не отвечал. Никто не приходил.

Поэтому Марен научилась жить. Нулевой сектор был рассчитан на то, чтобы Кейл мог существовать здесь годами. Система очистки воды, еда, лекарства, одежда, моющие средства, прачечная — всё необходимое имелось. Проблема была лишь одна: запасы предназначались для взрослого мужчины. Весь месяц Марен ходила в слишком больших футболках и спортивных штанах и носила носки, изначально купленные неизвестно для кого.

И без нижнего белья. Единственная пара, в которой её привезли, со временем окончательно пришла в негодность. Сначала отсутствие белья ужасно смущало Марен. Но рядом с вероятностью того, что цивилизация закончилась и поверхность она больше никогда не увидит, это стало ещё одним унижением, к которому человек способен привыкнуть. Люди привыкают почти ко всему. К отсутствию солнца.

К одной и той же еде каждый день. К Кейлу, который постоянно идёт следом. Эта привычка не изменилась. Он ходил за ней к запасам воды и на склады. Стоило Марен сесть есть — появлялся рядом. Иногда ночью она просыпалась и обнаруживала его сидящим на краю кровати и наблюдающим. В первый раз она едва не швырнула в него подушкой. Теперь просто открывала один глаз.

— Ты вообще когда-нибудь спишь?

Кейл смотрел на неё.

— Неважно.

Марен переворачивалась и снова засыпала. Месяц назад она не поверила бы, что такое возможно. Жизнь с Кейлом научила её различать разные виды опасности. Смотреть — не то же самое, что приближаться. Приближаться — не то же самое, что желать. Теперь она чувствовала разницу. То, что Кейл выучил слово «нет», не уменьшило его желания. Если что и изменилось, то теперь он иногда ждал несколько секунд, прежде чем поддаться ему. Марен проверяла сроки годности на складе, когда его тело прижалось к ней со спины. Она остановилась.

— Кейл.

Он остался близко — намного ближе той дистанции, на которой обычно просто ходил следом.

— Не сегодня.

Прошло две тихие секунды. Затем его тяжесть отступила. Марен оглянулась. Кейл продолжал смотреть на неё.

— Правильно. Когда я говорю «нет», ты останавливаешься.

Она повторяла этот урок сотни раз. Сначала требовалось два или три отказа. Теперь обычно хватало одного. Правда, через десять минут он мог попробовать снова. Однажды Марен швырнула в него пачку крекеров.

— Я сказала «нет» десять минут назад.

Кейл поймал пачку и посмотрел на неё.

— Десять минут. — Марен глубоко вдохнула. — Сегодня ничего. Весь день.

До следующего утра он больше не пытался. Это значило куда больше, чем любые слова о том, что он стал мягче. Марен не забыла первые ночи. И нынешнее послушание их не стирало. Но её слова приобрели значение. Она больше не жила полностью без выбора. На девятнадцатую ночь впервые изменилось что-то по-настоящему важное. Резервное питание дважды отказало, и Нулевой сектор надолго погрузился во мрак. Когда свет вернулся, Марен не могла заснуть. Она сидела на краю кровати, Кейл находился рядом. Когда он подошёл, её рука по привычке поднялась.

— Подожди.

Кейл остановился. Простота происходящего лишила Марен слов. Он ждал. Не касался её. Не продолжал то, что собирался сделать. Марен подняла голову и вдруг осознала: если она скажет «нет», он отступит. Эта уверенность наконец позволила задать себе вопрос, который страх раньше делал

невозможным. Чего хочет она сама? В прежней жизни она никогда не встретила бы Кейла. Не жила бы с ним под землёй. И уж точно не рассматривала бы что-то настолько абсурдное.

Но конец света не уничтожил её тело. Не уничтожил одиночество. Не уничтожил желание. Апокалипсис сжал в девятнадцать дней то, на что обычной жизни могли понадобиться месяцы или годы. Марен видела, как исчез привычный порядок мира. А в темноте Кейл оставался рядом. Он находил для неё еду. И снова и снова, когда Марен говорила, останавливался у только что обозначенной границы. Ничто из этого не стирало прошлое.

Но позволяло видеть его не только через страх. Влечение существовало с самого начала. Страх душил его. И только вернув себе право отказать, Марен смогла отделить непроизвольные реакции тела от собственного осознанного желания приблизиться. Она ухватила за край футболки Кейла. Он посмотрел вниз.

— В этот раз... — слова казались неловкими. — В этот раз да.

Кейл не двинулся. Продолжал смотреть.

— Я сказала «да». — Марен помедлила. — Но если скажу остановиться, ты остановишься.

Впервые то, что произошло после, не оставило ей только страх и отвращение. Потому что на этот раз она выбрала сама. Разница имела значение. После этого бывали ночи, когда

они сходились добровольно. То, что Кейл хотел её, не означало согласия Марен. Иногда он подходил, а она говорила:

— Не сегодня.

И он останавливался. Иногда Марен не сразу решала, прогонять его или нет. Со временем появились моменты, когда разрешение исходило от неё первой. Их отношения нельзя было назвать нормальными. Но теперь ненормальным стало всё вокруг. Граница существовала. И принадлежала Марен.

* * *

Утром тридцать первого дня она проснулась с тупой ноющей болью внизу живота. Марен списывала её на нерегулярное питание и сон, пока не пошла в ванную и не увидела кровь. Несколько секунд она просто смотрела.

— Вы издеваетесь.

Она почти забыла, что менструация всё ещё является частью её жизни. Проблема была не в месячных. Проблема была в том, что в Нулевом секторе не было средств гигиены. И у неё по-прежнему не было нижнего белья. Марен перевернула всё в ванной и медицинских запасах. Марля. Бинты. Вата. Впитывающие медицинские прокладки. Перчатки. Дезинфицирующее средство. Обычных женских прокладок — ни одной. А без белья, которое удерживало бы импровизированную прокладку на месте, даже плохие варианты становились ещё хуже. За спиной слышались шаги.

— Не подходи ближе.

Шаги остановились. Марен продолжала искать, одной ру-

кой прижимая низ живота. Боль и раздражение уничтожили последние остатки терпения.

— У меня месячные.

Кейл не отреагировал.

— Менструация?

Ничего. По всей видимости, апокалипсис довёл её до того, что теперь она объясняла женский репродуктивный цикл лабораторному субъекту неизвестного возраста.

— У меня идёт кровь.

Кейл тут же опустил взгляд. Марен подняла ладонь.

— Я не ранена.

Он сделал шаг ближе.

— Не ранена.

Кейл остановился.

— Женщины кровоточат каждый месяц. Это нормально.

По его выражению лица было ясно: слова «кровь» и «нормально» в его представлении рядом не стояли. Марен подняла впитывающую медицинскую прокладку.

— Мне нужно что-то, что впитывает кровь. Меньше этого. Мягкое.

Она помедлила.

— И нижнее бельё.

Кейл смотрел. Марен указала на штаны.

— Одежда под этим. Женская.

Ничего.

— Ладно. Забудь. Пойми хоть что-нибудь из сказанного.

Кейл внимательно посмотрел на прокладку, развернулся и ушёл. Марен проводила его взглядом.

— Ты куда?

Ответа не последовало. Она соорудила что-то из медицинской прокладки и полос ткани, затем принесла в комнату горячую воду и свернулась вокруг кружки. Прошло десять минут. Двадцать. Полчаса. Кейл редко отсутствовал так долго. Наконец вернулись шаги. Он принёс целую охапку вещей и сложил перед ней. Марля. Вата. Медицинские прокладки. Полотенце. И упаковка средств для недержания для взрослых. Марен посмотрела на кучу.

— Ты решил, что это всё одно и то же?

Кейл протянул ей медицинскую прокладку.

— Используй.

Она была почти в половину длины её штанов.

— Эта штука больше моей задницы.

Кейл проблемы не видел. Марен подняла полотенце.

— А это? Ты предлагаешь мне пользоваться полотенцем?

Его серьёзное молчание что-то сломало в ней. Марен неожиданно рассмеялась. Один короткий смешок удивил и её саму, и Кейла. Он смотрел.

— Не пялся. По крайней мере ты попытался поискать.

Она отобрала несколько полезных вещей.

— Но это не то.

Марен снова показала нужный размер.

— Гигиеническая прокладка. Для женщин. И нижнее бе-

льё.

Кейл словно запоминал предметы. Марен вздохнула.

— Неважно.

Через час он исчез снова. На этот раз его не было несколько часов. Часть времени Марен проспала, а проснувшись, обнаружила пустую комнату. Она привыкла к его постоянному присутствию. Без Кейла Нулевой сектор казался слишком тихим. Марен вышла в коридор.

— Кейл?

Ничего.

— Кейл.

Тишина.

— Ладно. Делай что хочешь.

Она уже поворачивала обратно, когда вдалеке раздались шаги. Кейл вернулся с пластиковым и бумажным пакетами. Протянул оба. В первом лежали гигиенические прокладки. Настоящие. Несколько нераспечатанных пачек, помятых, но целых. Марен уставилась на них.

— Ты нашёл?

Она открыла второй пакет и снова замерла. Женское нижнее бельё. Новое, часть ещё в упаковке. И абсолютно всех размеров. Маленькое. Среднее. Большое. Одна упаковка была настолько огромной, что Марен сразу поняла — ей не подойдёт. Она подняла её.

— Ты забрал всё, что было в шкафу?

Кейл никак не подсказал ответ. Фасоны были такими же

случайными. Очевидно, он распознал «женское нижнее бельё» как категорию и просто принёс всё, не пытаясь различать дальше. Марен не знала, снова смеяться или плакать. Месяц назад бельё было настолько обычной вещью, что она его не замечала. Теперь один его вид казался роскошью. Марен нашла подходящий размер и показала Кейлу.

— Вот это. Это мой размер.

Затем подняла прокладки.

— А вот это мне было нужно.

Кейл смотрел на предметы так, будто сохранял информацию.

— Спасибо, — сказала Марен.

Никакой видимой реакции. И тогда ей пришла новая мысль. Эти вещи не могли находиться в Нулевом секторе. Его снабжали только для Кейла.

— Где ты их нашёл?

Кейл указал вдаль. За пределы Нулевого сектора.

— Там всё заперто.

Тишина.

— Как ты туда попал? Ты всегда мог туда ходить?

Он просто смотрел на неё. Целый месяц Марен считала, что места, закрытые для неё, закрыты и для него. Теперь она начинала понимать, насколько ошибалась.

* * *

Настоящие прокладки и нижнее бельё вернули абсурдно маленький кусочек цивилизации. Натянув чистую пару,

которая действительно подходила, Марен несколько секунд просто стояла и наслаждалась комфортом. Остальное она рассортировала по размерам. Когда вышла, Кейл ждал снаружи.

— Если ещё увидишь такое, можешь приносить. — Она показала на пакет. — Только не всех размеров.

Кейл смотрел.

— Ладно. Размеры — это, наверное, слишком сложная задача.

Второй день месячных оказался самым тяжёлым. Спина и низ живота болели так, что Марен свернулась на кровати и не хотела даже есть. Кейл оставался рядом. Через какое-то время он приблизился знакомым образом. Марен нахмурилась.

— Не сегодня.

Он остановился.

— Больно. — Она коснулась живота.

Кейл проследил за жестом и ушёл. Через несколько минут у кровати появился шоколад. Марен открыла глаза. Кейл протягивал его.

— Ты считаешь, шоколад лечит всё?

— Ешь.

То же слово. То же решение любой проблемы. Марен взяла шоколад.

— Это твой единственный трюк.

Кейл сел на край кровати — близко, но не касаясь. Ма-

рен не прогнала его. Месяц назад она боялась закрывать рядом с ним глаза. Теперь, когда боль заставляла сворачиваться клубком, именно он сидел рядом. Каким-то образом это начало казаться обычным.

* * *

На картах Грейхейвен всё ещё существовал. Как город — почти нет. Отключения электричества охватывали целые районы. Больницы пали. Полиция оставила часть города, а военные удерживали лишь несколько крупных безопасных зон. Для входа требовалась проверка на инфекцию, но воздушное распространение и природная устойчивость части людей делали результаты ненадёжными. Человек мог находиться в одной комнате с заражённым и заболеть на следующий день.

А мог не получить ни одного симптома. Укусы оставались самой очевидной опасностью. Большинство укушенных умирали и поднимались снова. У редких выживших всё сильнее проявлялись изменения: сила, регенерация, чувства, анатомия или способности, которые никто пока не умел классифицировать. Название «люди с Силами» вытеснило официальный термин. Безопасным зонам такие люди были нужны. Обычные выжившие их боялись.

В одном поселении их называли героями. В другом считали заражёнными, которые просто ещё не потеряли контроль. Инфекция начала менять и животных. Сначала крыс и бродячих собак. Потом более крупных зверей. Заражённые лю-

ди тоже расходились по разным путям мутации; некоторые становились куда страшнее медленно бредущих мертвецов первых дней. В мире больше не существовало только живых и мёртвых.

Он продолжал создавать новые категории. На тридцать первый день Вейра получила первый полный сравнительный анализ. На временной базе не было оборудования «Нексу-са», но месячные образцы тканей людей с Силами и мутантов дали достаточно данных. Молодой исследователь положил перед ней отчёт.

— Лучше прочитайте сами.

Первая страница: ткани носителя Силы. Вторая: продвинутая мутация заражённого. Третья: NX-01. Кейл. Вейра прочла, не меняясь в лице.

— Сходство?

— Не идентичность.

— Насколько близко?

— По некоторым профилям тканевой экспрессии — до шестидесяти восьми процентов.

Лаборатория замолчала. Кейл не был обычным заражённым. Строго говоря, он вообще не заразился так, как новые выжившие. Проект существовал за десятилетия до вспышки. Его цели много раз менялись по мере того, как умирали сотрудники и проваливались эксперименты: заражённая ткань, мутировавший биоматериал, выращенные органы, бесчисленные непригодные субъекты. Остался только

Кейл. Живой. Стабильный. Необъяснимый. А теперь инфекция, охватившая весь мир, создавала структуры, похожие на его собственные.

— Если он источник, — спросил кто-то, — почему именно он самый стабильный?

У Вейры не было ответа. Другой исследователь изучал сравнение.

— А что, если инфекция не создаёт эти структуры?

— Объясните.

— Что, если она копирует уже существовавший шаблон?

Все посмотрели на изображения NX-01. Если это правда, Кейл не являлся продуктом вспышки. Он существовал задолго до неё. Мёртвые, люди с Силами и мутанты становились разрозненными отражениями биологических свойств, которые его тело уже имело. Вейра закрыла отчёт.

— Пока нет доказательств, в выводы это не включать.

— Из B9 всё ещё нет видео?

— Нет.

— Иногда проходят данные среды.

— А Марен?

Никто не ответил. Они не видели её неделями. Вейра всё равно открыла файл. Офисная сотрудница. Двадцать шесть лет. Обычное здоровье, обычная семья, обычная жизнь. Но если она жива, то провела больше тридцати дней в тесном контакте с Кейлом — дольше любого человеческого субъекта за всю историю проекта.

— Продолжайте пытаться восстановить связь, — сказала Вейра.

— А если «Нексус» полностью остался без питания?

— В9 должен продержаться дольше.

— А если дело не в питании? — Исследователь помедлил.

— Если Кейл просто не хочет, чтобы мы смотрели?

Вейра снова посмотрела на цифру «68%». И не ответила.

* * *

После окончания месячных жизнь вернулась к привычному распорядку — за исключением того, что теперь у Марен было подходящее бельё. Победа настолько маленькая и настолько полная, что настроение держалось весь день. Вечером она ела консервированное рагу за столом. Кейл сидел рядом, сначала на разумном расстоянии, потом постепенно придвигаясь. Прежде чем плечи соприкоснулись, Марен посмотрела на него.

— Сегодня можешь сесть ближе.

Кейл остановился, затем сел рядом. Его ладонь легла ей на талию. Марен посмотрела на него. Он — на неё. Она не сказала «нет».

— Только не наглей.

Понимал он каждое слово или нет, рука дальше не двинулась. Марен жила с существом, чьё желание было почти подавляющим и которому человеческие правила приходилось объяснять по одному. Что страшнее — она к этому привыкала. Через два дня Кейл снова исчез. На этот раз его не бы-

ло несколько часов. Марен игнорировала отсутствие, пока не прошло время еды. Тогда она встала у входа в коридор.

— Кейл?

Ничего. Марен пошла в ту сторону, куда он обычно уходил, и дошла до двери безопасности, которую ей ни разу не удавалось открыть. Она была приоткрыта. Совсем немного — но достаточно, чтобы протиснулся человек. За ней лежал незнакомый коридор. Большинство ламп не работало. Слабые аварийные полосы света выхватывали брошенные тележки, разбросанные бумаги и засохшую кровь, темневшую на полу.

Впервые за месяц Марен смотрела за пределы Нулевого сектора. В дальнем конце раздались тяжёлые шаги. Она отступила. Из темноты вышел Кейл. На чёрной футболке была кровь. Ещё больше покрывало одну руку и засохло на щеке. Ни капли не принадлежало ему. Кожа оставалась целой. В одной руке он нёс армейский рюкзак, в другой — собранные припасы.

— Где ты был? — спросила Марен.

Кейл посмотрел на неё.

— Чья это кровь?

Тишина. Марен посмотрела за его спину, потом на открытую дверь.

— Ты выходил наружу.

Это не было вопросом. Она шагнула ближе.

— Ты можешь выходить?

Кейл едва заметно кивнул. Марен застыла. Тридцать один день она искала выход. Теперь он стоял открытым перед ней. Марен подошла к щели. Из коридора тянуло старым разложением, а дальше аварийного света всё поглощала темнота. Она верила, что выйти из Нулевого сектора — единственное, чего хочет. Но у порога не смогла заставить себя сделать шаг. Она не знала, что ждёт снаружи. Не знала, что произошло с миром за тот месяц, который провела под землёй.

Марен оглянулась. Кейл стоял позади, покрытый чужой кровью, и по привычке молча смотрел на неё. Правда приходила медленно. Возможно, в Нулевом секторе по-настоящему заперт всегда был только один человек. И это была Марен. Кейл мог проходить через границы, которые удерживали её. Возможно, мог уже очень давно. И каждый день возвращался. Марен снова повернулась к тёмному коридору. Впервые с момента похищения у неё появился настоящий шанс уйти. Но мир по ту сторону двери больше не был тем миром, из которого её забрали.

Глава 8 — Снаружи

Защитная дверь оставалась открытой всю ночь. Марен через неё не переступила. За узким проёмом аварийный свет пульсировал над засохшей кровью и разбросанными документами. В Нулевой сектор тянуло воздухом, наполненным запахами, которые она почти успела забыть: пыль, сырость, разложение и что-то металлическое под всем этим. Кейл сказал, что снаружи плохо. Марен не представляла насколько.

К утру решение было принято. В Нулевом секторе имелись еда, вода и, вероятно, больше безопасности, чем сейчас могло предложить большинство мест. Но Марен ничего не знала о матери, о своём доме или о том месяце, который мир прожил без неё. Она не могла построить жизнь под землёй, пока эти вопросы оставались без ответа. Марен вытряхнула содержимое армейского рюкзака, который принёс Кейл, и тщательно собрала всё заново: воду, энергетические батончики, марлю, дезинфицирующее средство, обезболивающие, фонарь и батарейки. Добавила чистую одежду, бельё и гигиенические прокладки.

Одну консервную банку положила внутрь, затем достала обратно, почувствовав вес. Кейл наблюдал возле полок.

— Хватит паяться. Я выхожу наружу.

Выражение его лица изменилось.

— Плохо.

Марен повернулась. Это было первое мнение, которое он высказал ещё до того, как она спросила.

— Что плохо?

Кейл посмотрел на дверь.

— Снаружи.

— Почему?

— Воняет.

Марен ждала.

— Кроме запаха?

— Опасно.

Для Кейла два слова уже почти считались речью. Марен застегнула рюкзак.

— Я знаю. Всё равно пойду.

— Не надо.

Она остановилась.

— Что ты сказал?

— Не уходи.

На этот раз совершенно ясно.

— Это не тебе решать. Я месяц провела здесь внизу. Я даже не знаю, жива ли моя мать. Мне нужно проверить.

На слове «мать» голос ослаб, но Марен всё равно закинула рюкзак на плечи.

— Я иду домой.

Кейл встал перед дверью.

— Отойди.

Он не двинулся.

— Кейл.

Ничего. Злость поднялась мгновенно.

— Ты выучил, что означает «нет». Здесь то же самое. Я ухожу. Ты не можешь удерживать меня здесь только потому, что тебе это не нравится.

Он долго смотрел ей в глаза. Марен не отступила. Наконец Кейл отошёл в сторону. Коридор за ним вдруг стал реальным. Целый месяц он означал свободу. Теперь там были темнота, кровь и воздух с запахом гнили. Марен глубоко вдохнула и переступила порог. «Нексус» стал другим местом. По обе стороны коридора тянулись лаборатории. Большинство дверей были открыты. Одни помещения явно бросили во время эвакуации. В другие ворвались силой. Одна металлическая дверь была выгнута внутрь многочисленными ударами. В другой лаборатории пол покрывали осколки стекла, бумаги и брошенная защитная одежда.

На стенах чернели отпечатки ладоней. Носок ботинка Марен задел ламинированный пропуск. На фотографии — женщина лет тридцати. Кровь закрывала половину имени. Марен оставила карточку там, где нашла. Чем дальше она шла, тем сильнее становился запах. Кейл не преувеличивал. Это была не просто испорченная еда. Здесь умерли живые существа и пролежали целый месяц.

— Ты и правда не преувеличивал, — пробормотала Марен.

Ответа не было. Она оглянулась. Дверной проём позади

пустовал. Марен была уверена, что Кейл пойдёт следом, как всегда. Но он остался внутри.

— Кейл?

Ничего.

— Ладно.

Она пошла дальше одна. Без его шагов покинутые коридоры казались какими-то не такими. Месяц назад Марен отдала бы что угодно, лишь бы избавиться от него. Теперь постоянно оглядывалась и сама злилась на собственную реакцию. На следующем перекрёстке всё ещё светился электронный экран. Сигнал давно исчез, но в памяти устройства застыло повреждённое экстренное сообщение. «ЭВАКУАЦИЯ ГРЕЙХЕЙВЕНА ПРИОСТАНОВЛЕНА».

За полосами помех мелькал ведущий в костюме. «...останвайтесь в защищённом укрытии... избегайте любого человека с высокой температурой, спутанностью сознания или агрессивным поведением...» Изображение сорвалось. «...любой укушенный должен быть немедленно изолирован...» Снова помехи. «...может возобновить двигательную активность после подтверждённой смерти. Не...» Видео застыло. Марен смотрела на экран.

— После смерти?

Позади что-то заскребло. Один раз. Потом снова. Как будто человек шаркал тапочками по полу. Марен обернулась. В дальнем конце коридора стояла фигура. Сначала она приняла её за выжившего. На перекошенном теле висел гряз-

ный лабораторный халат, одна рука свисала под невозможным углом.

— Эй? Вы меня слышите?

Фигура подняла голову. Половина лица сгнила.левой щеки не было, наружу выступали почерневшие дёсны. Мутные глаза смотрели над шеей, покрытой засохшей кровью. Желудок Марен дёрнулся.

— Господи.

Существо двинулось к ней. Первое слово в голове принадлежало кино. Зомби. Марен вытащила из рюкзака металлическую монтировку и сжала обеими руками. Сердце билось так громко, что заглушало всё остальное. Бить в голову. Так было во всех фильмах. Но когда-то это был человек. Пять метров. Три. Два. Марен пыталась понять, сможет ли действительно ударить. Заражённый остановился. Его разрушенная голова приподнялась, словно он принюхивался.

Марен застыла. Несколько секунд лицо оставалось обращённым к ней. Потом заражённый отвернулся. И просто прошаркал мимо. Марен так и стояла с поднятой монтировкой. Существо продолжило идти по коридору и ни разу не оглянулось.

— Что?..

Может быть, оно было слепым. Или глухим. Или слишком разложившимся, чтобы охотиться. Через пять минут Марен встретила второго. На нём была форма охранника. Он сидел у стены, и Марен приняла его за труп, пока при её при-

ближении голова резко не поднялась. Она едва не выронила монтировку. Заражённый встал. Марен попятилась, готовясь ударить. После двух шагов он остановился. Нос странно дёрнулся. Затем заражённый отступил в сторону. Марен осторожно прошла мимо. Он не последовал. Два существа не могли одновременно оказаться неисправными. Марен понюхала собственную футболку.

— Я настолько плохо пахну?

Одежда была чистой. Она принимала душ каждый день. В голове сложилась другая версия. Кейл целый месяц находился рядом. Спал возле неё, держал, прижимался телом всякий раз, когда Марен позволяла. Если на ней оставался запах чего-то не совсем человеческого...

— Нет, — прошептала она.

Третий заражённый всё подтвердил. Он сидел на корточках над телом. Увидев Марен, поднял голову — и отступил. Из горла вырвался низкий звук, пока существо отходило на противоположную сторону коридора.

— Ты меня боишься?

Вопрос звучал нелепо. Марен была обычной. Никакой сверхсилы. Никакой Силы. Ни одного укуса. Заражённый прижался ближе к стене и зарычал. Не на неё. Позади раздались шаги. Марен обернулась. В дальнем конце стоял Кейл. Чёрная одежда резко выделялась на бледной коже. Рядом с гниющим существом он выглядел почти нелепо человеческим. Заражённый отреагировал так, словно увидел хищника. От-

ступил. Потом развернулся и убежал в другой проход. Марен посмотрела ему вслед, затем на Кейла.

— Оно тебя боится.

Никакого ответа.

— Остальные меня тоже не тронули. Почему?

Кейл подошёл ближе и внимательно посмотрел на неё.

— Моё, — сказал он.

Марен мгновенно посуровела.

— Я не твоя. Мы это уже обсуждали.

Он продолжал смотреть. И тогда Марен поняла контекст.

— Подожди. Ты имеешь в виду, что они знают?

Тишина.

— Они чувствуют твой запах на мне?

Ничего.

— Поэтому думают, что я...

Закончить она не смогла. Его. Независимо от того, признаёт Марен это или нет, заражённые, похоже, признавали.

— Что ты оставил на мне?

Взгляд Кейла опустился к боковой стороне её шеи. Марен прикрыла её ладонью.

— Туда не смотри.

Он отвёл глаза. По спине прошёл холод. Если присутствие Кейла защищало её от заражённых, значит, он каким-то образом принадлежал к тому же биологическому порядку, которого она не понимала. Целый месяц Марен спала рядом с существом, которого боялись даже мёртвые.

— Что ты такое?

Кейл не ответил. Коридор сотряс грохот. Марен резко повернулась.

— Что это было?

Ещё один удар прозвучал ближе. Слишком тяжёлый для человека или обычного заражённого. Металл застонал под огромной силой. Кейл остановился. Марен заметила.

— Ты знаешь, что это?

Он посмотрел в сторону звука.

— Проблема.

Если Кейл называл что-то проблемой, Марен совершенно не хотела с этим встречаться. По комплексу прокатился глубокий нечеловеческий рёв. Она крепче сжала монтировку.

— Уходим.

Кейл поймал её за запястье и повёл в противоположную сторону. Он не причинял боли, но и спорить с его хваткой было невозможно. Марен всё же оглянулась. Во тьме промелькнула огромная фигура.

— Ага. Всё. Больше не смотрю.

Они двигались через «Нексус» к поверхности. Чем выше поднимались, тем страшнее были разрушения. Разбитые защитные стёкла. Пулевые отверстия. Разлагающиеся тела возле лестниц. Некоторые оставались неподвижными. Другие поднимали головы, когда Марен проходила мимо. Ни один не нападал. Когда рядом шёл Кейл, заражённые уступали дорогу. С каждым этажом эта опасность тревожила Марен

всё сильнее.

Она была защищена не потому, что сама стала сильнее. Она была защищена потому, что мужчина рядом опаснее всего, что им встречалось. Последняя дверь на поверхность уже была повреждена — одна створка глубоко вмята внутрь. Марен посмотрела на Кейла.

— Это тоже ты сделал?

Он указал на дверь, точно так же, как когда-то в комнате 4. Лучшего ответа ей уже не требовалось. Марен попробовала толкнуть дверь. Уцелевшая часть почти не сдвинулась. Кейл протянул руку мимо неё и открыл одной ладонью. Внутрь хлынул солнечный свет. Марен зажмурилась. Месяц под землёй. Электрическое освещение не подготовило глаза к солнцу. Потом она почувствовала ветер на лице.

Настоящий ветер — не воздух, который гонит вентиляционная система. Горло сжалось. Когда зрение привыкло, Марен увидела внешний мир. Парковку заполняли брошенные машины. Двери распахнуты. Стёкла разбиты. Сквозь трещины асфальта уже пробивались сорняки. Вдоль пустой дороги лежали разбитые автомобили. За силуэтом Грейхейвена поднимался чёрный дым. Город всё ещё стоял. Но его звук исчез.

Ни клаксонов. Ни движения. Ни самолётов. Ни толпы. Только ветер и редкие далёкие звуки, которые Марен не могла распознать. Целый месяц она представляла этот момент. Верила, что стоит выбраться на поверхность — и станет хоть

немного лучше. Но мира, в который она хотела вернуться, больше не существовало. Кейл вышел следом. Марен продолжала смотреть на город.

— Я иду домой.

— Где?

Она обернулась. Это был первый настоящий вопрос, который он задал о ней. Марен указала на горизонт.

— Грейхейвен.

Кейл посмотрел в указанную сторону. Через несколько секунд произнёс:

— Воняет.

— Я знаю.

— Опасно.

— Это тоже знаю.

Марен подтянула лямки рюкзака. Мать могла быть не дома. Её квартиры могло уже не существовать. Она понятия не имела, что ждёт между «Нексусом» и городом. Но ей нужно было увидеть самой.

— Я иду.

Кейл не возразил. Марен спустилась по ступеням. Через несколько шагов поняла, что за ней никто не идёт. Оглянулась. Кейл остался в дверном проёме.

— Я думала, ходить за мной — твоё любимое занятие.

Он смотрел. Марен отвернулась.

— Как хочешь.

Она продолжила путь. Вскоре позади слышались зна-

комые шаги. Уголок рта Марен дёрнулся, прежде чем она заставила лицо снова стать неподвижным. Месяц назад люди силой бросили её под землю. Теперь она вышла оттуда сама. А существо, которое шло следом, новый мир уже научился обходить стороной.

Глава 9 — Живые

На карте дорога от «Нексуса» до Грейхейвена выглядела простой. В реальности — нет. За месяц знакомое стало неузнаваемым. Брошенные машины забили шоссе: одни столкнулись друг с другом, другие стояли с распахнутыми дверями и багажом внутри. Тёмная кровь засохла на сиденьях и асфальте. За рулём некоторых автомобилей оставались тела, уже слишком разложившиеся, чтобы понять, кем были эти люди.

Сначала Марен не могла не смотреть. Потом научилась отводить взгляд. Не потому, что привыкла к смерти. А потому, что каждый труп был кем-то вроде неё: человек ехал домой, забирал ребёнка, пытался уехать до закрытия города. Их путь закончился здесь. Кейл шёл рядом без воды, без еды, без рюкзака и без заметного оружия. Даже его походка говорила, что апокалипсис — чья-то чужая проблема. Через полчаса Марен не выдержала.

— Где твои припасы?

Кейл посмотрел на неё.

— Что?

— Вода. Еда. — Она постучала по рюкзаку. — Вот такие вещи.

— Нет.

— Я вижу, что нет. Почему ничего не взял?

Он продолжал идти.

— Не нужно.

— Тебе не нужна вода? Или еда?

Тишина.

— Тогда что вообще поддерживает тебя в живых?

Марен спрашивала это и раньше. Он ни разу не ответил.

Они прошли мимо заправки с разбитыми окнами магазина. Полки были полностью разграблены; под ногами хрустели рваные упаковки и осколки бутылок. За прилавком Марен нашла две бутылки воды. Одну оставила себе, вторую протянула Кейлу.

— Неси.

— Не нужно.

Марен убрала бутылку в рюкзак.

— Тогда не проси у меня, когда захочешь пить.

Угроза явно не произвела на него впечатления. Чем ближе они подходили к городу, тем больше становилось заражённых. Одинокие фигуры вдалеке сменились группами возле витрин, машин и вдоль дороги. Марен всё ещё напрягалась рядом с ними. В одном месте единственный путь вперёд проходил через участок трассы, где бродили восемь заражённых. Она крепче сжала монтировку обеими руками и попыталась прикинуть, как далеко успеет убежать, если они бросятся одновременно.

Ни один не бросился. Ближайший что-то ел прямо на дороге. Он поднял голову, издал низкий звук и отошёл. Осталь-

ные последовали за ним, освобождая проход. Марен прошла между ними, напрягая каждую мышцу. Когда наконец оглянулась, никто не шёл следом.

— Это уже не совпадение.

Кейл не ответил. Марен отошла от него на пять метров. Потом на десять. На тридцать.

— Оставайся там.

Кейл остановился. Марен приблизилась к одинокому заражённому. Чем меньше становилось расстояние, тем сильнее билось сердце. Голова существа повернулась к ней. Марен подняла монтировку. Заражённый втянул воздух, будто пробуя запах. И отвернулся. Марен поспешила обратно к Кейлу.

— Ты видел? Ты был далеко, а он всё равно меня проигнорировал.

Она снова понюхала рукав.

— Что ты оставил на мне?

— Ничего.

Марен резко подняла голову.

— Ничего?

Впервые Кейл ответил на этот вопрос.

— Тогда почему они не нападают?

Больше он ничего не сказал. Марен внимательно посмотрела на него.

— Надеюсь, это «ничего» действительно ничего не значит.

Кейл пошёл дальше. Марен последовала за ним, раздражённая тем, как легко он умел закончить разговор.

* * *

Чем ближе они подходили к Грейхейвену, тем больше находили следов сопротивления людей. Большинство таких историй закончилось плохо. Военный блокпост перекрывал шоссе. Половина мешков с песком обвалилась, в ограждении из проволоки зияла широкая дыра. Одна бронемашина выгорела до каркаса. Вторая стояла открытая и пустая. На земле лежал выцветший знак. «ВСЕ ЛИЦА ПОДЛЕЖАТ ПРОВЕРКЕ НА ИНФЕКЦИЮ».

Мелкий текст требовал немедленно сообщать об укусах и высокой температуре. Последняя строка гласила: «ТЕЛА УМЕРШИХ НЕ ДОЛЖНЫ ОСТАВАТЬСЯ В ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ». Марен долго смотрела на неё. Предупреждение на экране — одно. Увидеть такие правила напечатанными у брошенной дороги — совсем другое. Под баррикадой лежал телефон. Экран треснул, но после нажатия кнопки загорелся. Пульс Марен подскочил.

На экране блокировки было всего два слова. «НЕТ СЕТИ». Она всё равно попыталась набрать экстренный номер. Ничего. Марен представляла, что, выбравшись из «Некса», сможет связаться с матерью. Только теперь поняла: пропавший телефон никогда не был настоящей проблемой. Сети больше не существовало.

— Идём.

Она положила телефон обратно на землю. Голос звучал тише.

* * *

Первый выстрел прозвучал после полудня. Марен остановилась. Второй раздался ближе. Потом ещё два.

— Кто-то жив.

Кейл не проявил интереса. Из-за угла впереди выбежал мужчина. На вид около тридцати, грязный, в руке пустой пистолет. Одна штанина была тёмной от крови. За ним гнались четверо заражённых. Увидев Марен, он крикнул:

— Бегите!

Она едва успела среагировать.

— Бегите!

Мужчина рванул к ним. Марен подняла монтировку. Кейл остался неподвижным.

— Ты собираешься помочь? — потребовала она. — Его сейчас укусят.

Никакой реакции. Мужчина приблизился метров на двадцать. Заражённые замедлились. Первый остановился. Затем второй. Словно до всех сразу дошёл отпугивающий запах, четверо разошлись в стороны от дороги. Мужчина пробежал ещё несколько шагов, прежде чем понял, что за ним никто не гонится. Он обернулся и уставился сначала на заражённых, потом на Марен и Кейла.

— Вы...

Марен держала монтировку наготове.

— Вас укусили?

— Нет. — Он поднял обе руки. — Я упал. Только и всего.

Мужчина задрал повреждённую штанину. Ссадины и синяки. Следов зубов нет. Марен чуть опустила оружие.

— Рядом есть другие люди?

Его взгляд скользнул по её лицу, волосам, чистой одежде. Слишком долго. Он заметил её реакцию и улыбнулся.

— Есть. У нас лагерь. Человек двадцать с лишним.

— Связь есть?

— Радио. Работает, когда ему захочется.

— Есть кто-нибудь с востока Грейхейвена?

— Каждый день кто-то выбирается, но на востоке плохо.

Марен шагнула ближе.

— Насколько плохо?

— Вы туда собираетесь?

— Там живёт моя семья.

Выражение его лица изменилось.

— Вы правда не знаете?

— Чего?

— Восточная часть пала примерно две недели назад. Военные отступили. Есть небольшие группы выживших, но никто не знает, сколько они продержатся.

Марен замолчала. Мужчина снова осмотрел её.

— Вы ушли из безопасной зоны?

— Нет.

— Тогда где вы были весь месяц?

Она не ответила. Его улыбка стала дружелюбнее.

— На человека, который месяц прожил снаружи, вы не похожи.

Он был прав. Марен нормально ела, каждый день мылась и носила чистую одежду. Плен под землёй защитил её от того месяца, который был написан на его теле. Теперь мужчина смотрел на Кейла.

— Вы двое вместе?

— Да.

Слово показалось неточным в ту же секунду.

— Он ваш парень?

— Нет.

Кейл посмотрел на неё.

— Даже не начинай, — сказала Марен. — Не парень.

Незнакомец, похоже, расслабился.

— Брат?

— Нет.

— Друг?

Марен задумалась.

— Всё сложно.

Он рассмеялся.

— Тогда не объясняйте. Я Дарран. Пойдёмте со мной в лагерь. На ночь будет где спать.

Это был первый живой человек, которого Марен встретила за месяц. В лагере могли быть новости. Рабочее радио. Кто-нибудь, кто знал восточную часть города.

— Там безопасно?

— Безопаснее, чем здесь. Есть стены, охрана и несколько людей с Силами.

Марен нахмурилась.

— Кто такие люди с Силами?

Дарран уставился на неё.

— Вы не знаете?

Она покачала головой.

— Люди, которых укусили, но они не умерли. Некоторые просыпаются другими — сильнее, быстрее, заживают, всякое бывает. Теперь их все называют людьми с Силами.

Марен посмотрела на Кейла.

— Он один из них? — спросил Дарран.

— Нет.

В этом она была уверена. Кейл существовал ещё до того, как мир изменился. Осторожность Даррана усилилась.

— Тогда почему заражённые вас избегают?

Марен промолчала. Через секунду Дарран снова натянул улыбку.

— Сейчас у всех есть секреты.

Он сделал шаг ближе.

— Вам не стоит одной идти в Грейхейвен. Наш лагерь не роскошный, но у нас дежурят люди. Капитан будет рад оставить у нас женщину вроде вас.

— Вроде меня?

— Незаражённую. Непострадавшую. — Ответ прозвучал

слишком гладко. — Женщины в вашем состоянии теперь редкость.

Марен ничего не сказала.

— Идёмте со мной. Семью сможете искать позже. Главное — выжить.

Ещё один шаг приблизил его настолько, что Кейл наконец перестал смотреть на Марен и перевёл взгляд на мужчину. Дарран заметил.

— Без обид, брат. Я просто пытаюсь помочь.

Молчание Кейла сделало улыбку напряжённее. Марен снова прокрутила слова. Женщина одна. Женщины в твоём состоянии редкость. Капитан будет рад тебя оставить. Она знала разницу между мужчиной, который замечает женщину, и мужчиной, который оценивает её полезность. Апокалипсис просто снял со второго взгляда вежливость.

— Мне нужен путь на восток, — сказала Марен.

Теплота Даррана исчезла.

— Там опасно.

— Я знаю.

— Можете не вернуться.

— Это моё решение.

Он посмотрел на её рюкзак, затем на лицо. Если бы Кейла рядом не было, Дарран, возможно, продолжил бы спорить. А возможно, сделал бы больше, чем просто спорил. Здоровая молодая женщина с чистой одеждой и запасами теперь представляла ценность. У группы Даррана заканчивались ле-

карства и боеприпасы. Капитан награждал за всё полезное, что приносили в лагерь. Женщины были полезны. Здоровые женщины — особенно.

Расчёт ещё не закончился, когда Дарран снова посмотрел на Кейла. Тот был без оружия. И совершенно не боялся. Заражённые отступили от него. Не один. Сразу несколько. Дарран прожил достаточно долго, чтобы выучить правило важнее многих других: не трогай то, чего не понимаешь, особенно если оно способно тебя убить. Во взгляде Кейла не было злости. От этого становилось хуже. Дарран будто не заслуживал даже эмоции. Мужчина чуть отступил.

— На восток идите по этой дороге до старого шоссе. Главный маршрут обходите — там слишком много заражённых. У красной заправки поворачивайте на юг и идите через жилые кварталы.

Марен кивнула.

— Спасибо.

— До темноты найдите укрытие. — Он снова посмотрел на Кейла. — Ночью выходят другие твари.

— Какие?

— Мутанты.

— Люди?

— Некоторые раньше были людьми. Некоторые — нет.

Марен вспомнила удары внутри «Нексуса».

— Значит, мёртвые — не самое страшное?

Дарран невесело улыбнулся.

— Если за весь день вы увидели только трупы, значит, день был хорошим.

Он начал отходить.

— Мне пора.

— Разве ваш лагерь не в другой стороне?

— Я сначала кое-кого ищу.

Отговорка была слабой. Марен не стала спорить. Отойдя метров на двадцать, Дарран всё же оглянулся. Не на неё. На Кейла. А затем пошёл быстрее.

* * *

Когда он исчез, Марен сказала:

— Он очень настойчиво хотел забрать нас с собой.

Кейл не ответил. Она пошла дальше, но остановилась, вспомнив выражение лица Даррана.

— Он не пытался меня спасти.

Кейл поравнялся с ней.

— Он хотел привести меня в лагерь.

— Да.

Марен резко повернулась.

— Ты знал?

Молчание больше ничего не объяснило.

— А если бы я пошла с ним?

— Не пошла бы.

Ответ удивил.

— Откуда ты знаешь?

Кейл продолжил идти. Через некоторое время Марен

спросила:

— Что бы ты сделал, если бы он меня тронул?

— Убил.

Она снова остановилась. Кейл не шутил. Вероятно, он вообще недостаточно понимал шутки, чтобы пытаться.

— Ты не можешь убивать каждого, кто ко мне прикасается.

— Он хотел забрать тебя.

Для Кейла это было почти полноценным объяснением.

— Значит, ты понял, что он не был добрым.

Никакого ответа. Марен задумалась.

— Ладно. Намерения у него были плохие. Но всё равно нельзя убивать человека, пока он действительно не пытается причинить мне вред. Или пока я сама не попрошу помочь.

Она помахала рукой перед лицом Кейла.

— Ты меня слышал?

— Да.

Рука Марен застыла.

— Ты только что сказал «да»?

Кейл продолжил идти. Марен догнала.

— Так ты теперь и это слово знаешь? Впечатляет.

Он проигнорировал. Марен почти улыбнулась. Потом вспомнила оценивающий взгляд Даррана. Заражённые её избегали. А живые могли сделать целью именно потому, что она выглядела здоровой и чистой.

— Кейл.

Он повернулся.

— За то, что было там... спасибо.

Кейл смотрел, не понимая, о чём речь.

— Ладно. Идём дальше.

* * *

Перед сумерками они добрались до эстакады на краю Грейхейвена. Оттуда Марен впервые увидела весь город. Здания стояли. Она узнавала башни, мимо которых раньше ездила на работу. Но целые районы были отмечены пожарами. Дороги забиты брошенными машинами. В нескольких местах поднимался дым, между высотками эхом разносились далёкие выстрелы. На стене торгового здания кто-то нарисовал белую стрелку.

«БЕЗОПАСНАЯ ЗОНА →» Под ней стену покрывала чёрная кровь. На другой улице плотная масса фигур бродила между машинами. Это был город, где выросла Марен. Школа. Работа. Кофе. Пробки. Выходные дома. Обычные вещи, которые она никогда не считала сокровищем, потому что не представляла, что их можно потерять. Кейл стоял рядом.

— Мой дом на востоке. — Она указала. — Туда. Раньше на машине было минут сорок.

Сколько теперь? Можно ли вообще туда проехать? Мать всё ещё ждёт? Марен сглотнула.

— Ты всё ещё считаешь, что идти туда глупо?

— Да.

Она посмотрела на него.

— По крайней мере честно.

Марен поправила рюкзак.

— Я всё равно пойду.

Кейл не сказал «нет». Не перегородил дорогу. Марен начала спускаться с эстакады. Его шаги естественно зазвучали позади. Дарран был прав в одном. Выживание больше не означало просто избегать мёртвых. Заражённые могли её укусить. Мутанты — убить. А живые будут считать, сколько она стоит. Целый месяц Марен считала самого нечеловечного мужчину рядом своей главной опасностью. Вне Нулевого сектора она начала задумываться, не является ли Кейл единственным человеком, о котором больше не приходится гадать.

Глава 10 — С наступлением ночи

Дарран так и не вернулся в лагерь. Расставшись с Марен и Кейлом, он пошёл по дороге на запад. Повреждённая нога замедляла шаг, но боль он списывал на падение. Потом заболела голова. Сначала тупо давило. Через несколько минут боль стала острой. Дарран остановился возле перевернутой машины и коснулся лба. Горячий. Он застыл. Через месяц после начала апокалипсиса никто уже не принимал высокую температуру за простуду. Дарран закатал рукава и осмотрел каждый доступный участок кожи. Руки. Ноги. Плечи. Шею. Задрал футболку. Ни одного укуса.

— Меня не кусали, — сказал он пустой дороге.

Это не успокоило. Все знали, что инфекция распространяется и по воздуху. Дарран считал: раз он прожил месяц, значит, обладает естественной устойчивостью. Возможно, ошибался. А возможно, до сих пор просто ни разу не вдохнул достаточно высокую концентрацию. До лагеря было недалеко. Там были вода, лекарства и люди, которые могли изолировать его, если жар усилится. Дарран заставил себя идти дальше.

Через двадцать минут его трясло от сильного озноба, несмотря на жар, исходивший от кожи. Каждый звук стал болезненно чётким. Ветер кричал в ушах. Гравий под ботинками отдавался словно удары молота. Далёкие стоны заражён-

ных звучали так, будто раздавались прямо возле головы.

— Заткнитесь.

Дарран закрыл уши ладонями. Звуки стали только громче. Возле очередной разбитой машины подогнулось колесо. Он схватился за дверь, удерживая равновесие. Металл смялся под ладонью. Дарран уставился на глубокую вмятину, оставленную рукой. Страх уступил почти эйфории.

— Сила.

Он слышал истории. Укушенные, которые выживали. Люди с жаром, просыпавшиеся с невозможной физической силой. Те, кто даже не знал, когда заразился, и менялся, не умирая. Дарран посмотрел на смятую дверь и рассмеялся.

— Я человек с Силой.

Всё лучше, чем стать одним из мёртвых. С такой способностью его положение в лагере изменится за одну ночь. Пусть теперь капитан попробует отправлять его на каждую самоубийственную вылазку за припасами. Дарран выпрямился. Грудь сжала боль. Будто огромный кулак сомкнулся вокруг сердца. Он согнулся пополам, открыл рот, но не смог вдохнуть. Зрение потемнело. Вены вздулись на руках; под кожей словно что-то несло с бешеной скоростью.

— Подождите...

Лагерь близко. Меньше двух миль. Ещё немного. Тело отказалось. Дарран рухнул у дороги, одной рукой вцепившись в бетонное ограждение. Пальцы крошили поверхность по мере того, как сила продолжала расти. Сердце не могло расти

вместе с ней. Когда вышел последний вдох, Дарран остался мёртвым. По крайней мере этой ночью.

* * *

Когда солнце начало садиться, Марен поняла, почему Дарран предупреждал о темноте. Разрозненные дневные заражённые будто размножились. Из зданий и узких переулков выходили фигуры, заполняя дороги, которые ещё несколько часов назад выглядели почти пустыми. Марен посмотрела на небо.

— Сегодня до восточной части не дойдём.

Она всё равно собиралась пройти ещё немного. Кейл остановился.

— Стой.

Марен оглянулась.

— Что?

Он смотрел на темнеющую улицу.

— Ночь.

— Я вижу.

— Больше.

— Больше чего?

Ответ был понятен ещё до слов.

— Ладно.

Марен отказалась от идеи идти дальше. Если Кейл предупреждает её о ночи, проверять, насколько обоснован его страх, собственной жизнью она не собиралась. Улицу окружали жилые дома, но Марен не знала, что могло оказаться

запертым внутри и сколько выходов было у каждого здания. Через дорогу стоял высокий отель, когда-то один из самых известных в Грейхейвене. Компания Марен селила там приезжих клиентов. Сама она ни разу не останавливалась — цены прекрасно отбивали любопытство.

Теперь у фонтана стояло брошенное такси с открытыми дверями. Часть стеклянного фасада вестибюля разбита, вращающаяся дверь застыла. Марен посмотрела на вывеску.

— Понадобился конец света, но теперь я наконец могу себе это позволить.

Кейл смотрел на неё.

— Отель. — Она указала. — Спим здесь.

По вестибюлю бродили трое заражённых: один в форме сотрудника отеля и двое, вероятно, бывших гостей. Войдя, Марен сжала монтировку, но существа отошли, как только уловили их запах. Она уже училась не останавливаться и не анализировать это каждый раз.

— Простите, — сказала Марен заражённому, который мешал пройти.

Он не мог понять слов. Но всё равно отошёл. До вспышки Марен, возможно, переживала бы, что выглядит слишком просто одетой для пятизвёздочного вестибюля. Теперь особое обслуживание заключалось в том, что зомби освобождали ей дорогу. Стойка регистрации была разграблена. Мёртвые компьютеры стояли среди разбросанных ключ-карт и бумаг. Возле банкетного зала всё ещё криво стояла табличка:

«СВАДЕБНЫЙ ПРИЁМ — 19:00».

Ниже — два имени и дата месячной давности. Двери зала были открыты. Столы оставались накрытыми под мёртвыми цветами и разбитыми бокалами шампанского. Эта свадьба так и не закончилась как положено. Марен отвела взгляд.

— Идём.

Лифты не работали. Даже если бы работали, Марен им не доверилась бы. К десятому этажу она пожалела, что выбрала самое высокое здание поблизости. Дыхание Кейла даже не изменилось. Марен опёрлась на перила.

— Ты хотя бы можешь притвориться уставшим?

Он посмотрел.

— Неважно. Чудовища, видимо, не задыхаются.

Кейл остановился.

— Чудовище.

Марен поняла, что он повторяет слово.

— Я не пыталась тебя оскорбить. — Она задумалась. — Ну, не полностью.

Он продолжил подниматься. Марен тихо рассмеялась и пошла следом. Президентский люкс находился на самом верхнем этаже. Электронный замок не работал. Марен полезла в служебный шкаф за карточками персонала, а потом вспомнила, что без электричества они бесполезны.

— Внизу должен быть обычный ключ.

Кейл взялся за замок. Выражение лица Марен изменилось.

— Только не говори, что ты сейчас...

Металл взвизгнул. Механизм скрутило. Дверь открылась.

Кейл вошёл. Марен посмотрела на уничтоженный замок.

— Ты когда-нибудь слышал о ключах?

Он оглянулся.

— Дверь открыта.

— Дело не в этом.

Для Кейла — очевидно, именно в этом. Марен бросила бесполезные карточки. Вряд ли владелец отеля пришлёт ей счёт за ремонт. Люкс сохранился лучше нижних этажей. Гостиная выходила к стене панорамных окон. В спальне стояла огромная кровать, в ванной — отдельная ванна. Еда в отключённом холодильнике испортилась, зато в шкафах оставались бутылки воды, крекеры и алкоголь. Марен раздвинула шторы.

Внизу раскинулся Грейхейвен. Днём город выглядел опустевшим. Темнота показала настоящий масштаб потери. В это время каждый офис, жилой небоскрёб, шоссе и торговый район должны были сиять. Почти всё было чёрным. Редкие точки света обозначали генераторы или безопасные зоны. Вдалеке горели пожары. С такой высоты апокалипсис выглядел почти мирно. Мёртвые были слишком мелкими, чтобы их увидеть. Просто знакомый город без света.

— Мама терпеть не могла, когда я задерживалась на работе, — сказала Марен.

Кейл стоял позади.

— Если я сидела после девяти, она всегда писала. В ту ночь, когда меня забрали, тоже написала.

Возвращайся домой скорее.

— Завтра я найду её.

Кейл не утешал. Марен и не ожидала. Иногда ей нужно было просто произнести мысль вслух. Это тоже стало частью их жизни под землёй. Марен говорила. Кейл слушал. Понимал ли — другой вопрос.

* * *

В баке отеля ещё оставалось достаточно горячей воды для слабого душа. Когда Марен вышла, Кейл ждал прямо у ванной, и она чуть не врезалась в него.

— Что с тобой сегодня?

С момента входа в отель он держался ближе обычного. Ходил за ней за водой, стоял позади у окна, а теперь ещё и перекрывал выход из ванной. Марен узнала этот взгляд.

— Опять?

Кейл не отрицал. Она вытирала волосы, проходя мимо. Он пошёл к кровати следом, постепенно сокращая расстояние, пока Марен не опустила полотенце.

— Сегодня ты особенно липучий.

Тишина.

— Из-за Даррана?

Ничего.

— Он тебе не понравился.

— Нет.

Марен посмотрела на него.

— Словарный запас растёт.

Кейл приблизился. Она не остановила его сразу. Через месяц Марен не нужно было угадывать, чего он хочет. Разница была в том, что теперь он ждал. Оставался неподвижным, пока она не решит.

— Почему именно сегодня так сильно?

Он смотрел.

— Ты.

— Это у тебя ответ на всё?

Ладонь коснулась её талии и остановилась. Марен посмотрела вниз, потом снова на него. Она была измотана. Весь день шла пешком, вошла в разрушенный город, встретила первого живого человека и узнала, что район её дома, возможно, давно потерян. Завтрашний день не обещал ничего. В прежней жизни Марен представляла, что настоящий ужас уничтожает все остальные человеческие потребности. Реальность оказалась менее аккуратной. Иногда разрушение мира, наоборот, заставляло ещё сильнее хотеть чего-то реального и осязаемого. Кейл был единственной постоянной вещью с момента её пробуждения под землёй. Марен выдохнула.

— Ладно.

Он продолжал ждать.

— Я сказала «да».

Она ухватила его за футболку.

— Правило то же.

Кейл уже знал, что будет дальше.

— Если я скажу остановиться, ты остановишься.

— Да.

Простой ответ расслабил её сильнее любого жеста. Близость после этого была короткой и свободной от паники, которая когда-то определяла каждое его прикосновение. Снаружи большая часть Грейхейвена умерла. Внутри комнаты какое-то время существовали только дыхание и тепло. Марен не требовалось решать, кем Кейл ей приходится. Достаточно было знать: этот момент выбрала она сама. После Марен лежала на кровати совершенно без сил. Кейл снова приблизился. Она открыла один глаз.

— Ты ещё не закончил хотеть?

Он ждал, положив одну руку возле неё.

— Тебе вообще когда-нибудь бывает достаточно?

Тишина. Его терпение почти заставило её рассмеяться. Когда-то Марен боялась, что он никогда не станет ждать. Теперь он мог смотреть сколько угодно, пока она не примет решение за них обоих.

— Ты меня изматываешь.

Марен отвернулась, собираясь отказать. Через несколько секунд сама протянула руку назад и притянула его ближе.

— Иди сюда. Только не наглей.

Что бы он ни понял, ждать перестал. Когда всё закончилось снова, Марен лежала лицом в подушке, слишком уставшая даже поднять руку.

— Завтра нам идти пешком. — Она сердито посмотрела вбок. — Это всё твоя вина.

После паузы Кейл сказал:

— Ты сказала да.

Марен медленно подняла голову.

— Теперь ты, значит, всё запоминаешь.

Он смотрел. Она снова уткнулась лицом в подушку.

— Я слишком многому тебя научила.

Исправлять было поздно.

* * *

Глубокой ночью Грейхейвен становился другим городом. Обычные заражённые в большем количестве выходили из зданий. Начинали охоту и другие существа. По крышам с невозможной скоростью перебежали тени. В двух улицах от отеля что-то огромное оттолкнуло припаркованную машину, просто проходя мимо. До верхних этажей звук почти не дошёл. Марен спала крепко, измотанная дорогой и непривычным удобством кровати. Сначала лежала спиной к Кейлу.

В какой-то момент во сне повернулась и придвинулась ближе, упёрлась лбом ему в грудь и сжала пальцами футболку. Месяц назад такой жест был бы невозможен. Кейл открыл глаза и посмотрел вниз. Марен не проснулась. Она ещё немного подвинулась, устраиваясь удобнее рядом с ним. Через долгое время Кейл обнял её одной рукой. По стеклу что-то заскребло. Его глаза снова открылись. Марен продолжала спать.

Звук повторился, теперь отчётливее. Скр-р-р. Они находились в десятках этажей над улицей. Ничто обычное не могло добраться до окна. Кейл смотрел в темноту за стеклом. Из-за нижней рамы медленно появилась рука. Длинные пальцы сгибались в искажённых суставах. Обесцвеченная кожа натягивалась поверх костей, когтеобразные ногти зацепились за край. Появилась вторая рука. Что-то поднималось по внешней стене отеля. Кейл не проявил страха. Он посмотрел на Марен, затем осторожно сдвинул её к центру кровати. За стеклом начала подниматься голова.

Глава 11 — Чудовище

Существо за стеклом продолжало подниматься. Кейл не стал будить Марен. Просто сел, прислонившись к изголовью, и не отрывал взгляда от панорамного окна, занимавшего почти всю стену у ног кровати. Отблески городских пожаров мерцали на стекле, то выхватывая из темноты, то скрывая лицо, медленно поднимающееся снаружи. Когда-то это, вероятно, было человеком. По крайней мере голова и торс ещё напоминали мужчину.

Конечности — уже нет. Руки свисали почти до колен. Пальцы были неестественно длинными, суставы раздуты, кончики глубоко входили в швы внешней обшивки отеля. Плечи завалились вперёд, позвоночник резко выгнулся, словно всё тело перестроилось специально для лазания. Существо остановилось за окном. Посмотрело на Кейла через стекло. Кейл посмотрел в ответ. Ни один не двигался. Из горла существа вышел тихий хрип. Тело едва заметно отстранилось.

Оно колебалось. Будто какой-то глубоко спрятанный инстинкт предупреждал: ближе подходить нельзя. Потом существо перевело взгляд с Кейла на Марен, спящую в кровати. Кейл поднял глаза. Окно взорвалось. Марен резко села ещё до того, как окончательно проснулась. В комнату ворвался ледяной ночной воздух, следом с грохотом разлете-

лись осколки.

— Что...

Рука сомкнулась на её талии. Кейл дёрнул Марен с места и перебросил на другую сторону кровати. Она врезалась ему в грудь, сознание ещё не успевало за происходящим.

— Что случилось?

Марен подняла голову. И увидела существо у окна. Остаток вопроса умер в горле. Оно уже протащило себя через разбитую раму и тяжело рухнуло на пол. Вблизи выглядело ещё более искажённым. Передвигалось на четвереньках, как огромное животное, но на черепе всё ещё угадывались разрушенные человеческие черты. Кровь отхлынула от лица Марен.

— Какого чёрта это такое?

Кейл отпустил её и встал перед кроватью.

— Не человек.

— Это я вижу.

Существо резко вскинуло голову и бросилось вперёд. Марен отшатнулась. На одно безумное мгновение она ожидала, что Кейл увернётся. Он не увернулся. Просто вытянул руку. В ту же секунду, когда существо достигло его, Кейл перехватил его за предплечье. Комната будто застыла. Тварь весила намного больше обычного мужчины. Она поднялась по стене на десятки этажей, а сила её броска заставила небольшой стол отлететь в сторону и опрокинуться. Кейл не сдвинулся ни на сантиметр. Существо забилось. Свободная рука полос-

нула по его плечу. Крюкообразные ногти прорвали чёрную футболку насквозь. У Марен перехватило дыхание.

— Кейл!

Он даже не посмотрел вниз. Продолжал наблюдать за существом. Потом повернул запястье. Кость сместилась с тяжёлым мерзким хрустом. Рука твари обмякла. Она взвыла и швырнулась в сторону, ударившись о стену так сильно, что та задрожала. Марен вцепилась в край кровати и не могла решить, что делать — искать оружие или бежать как можно дальше. Существо, похоже, поняло, что нападать на Кейла в лоб бесполезно. Оно повернулось к Марен. Мутный взгляд остановился на ней. В животе всё оборвалось.

— Да вы издеваетесь.

Тварь изменила направление и прыгнула. Кейл двинулся без предупреждения. Марен увидела лишь размытую тень. А потом существо уже лежало на полу под ним. Он не бросил его. Он вбил всё тело прямо вниз. Удар прокатился гулом по комнате. Существо продолжало бороться. Ненормально длинные руки скребли всё, до чего могли дотянуться, оставляя глубокие борозды на деревянном полу. Кейл смотрел вниз.

На лице не было злости. И именно это делало зрелище хуже. Когда тварь напала на него самого, он почти не проявил интереса. Теперь было иначе. Потому что она бросилась на Марен. Существо снова попыталось перевернуться. Кейл прижал его одной рукой. Вторая опустилась. Марен не

успела увидеть, что именно он сделал. Раздался один глухой удар. Существо перестало двигаться. Конечности дважды дёрнулись и обмякли.

Теперь двигался только ночной ветер, врывающийся через разбитое окно. Марен стояла возле кровати и не могла заговорить. Кейл отпустил тело и поднялся. Футболка на плече была разорвана и потемнела от крови. Сам Кейл выглядел совершенно как обычно. Наконец Марен обрела голос.

— Ты...

Он посмотрел на неё.

— Ты ранен?

Вопрос удивил её сразу же после произнесения. Это была её первая мысль. Кейл взглянул на плечо.

— Нет.

Марен не поверила ни на секунду.

— Оно тебя распорол.

Она подошла ближе. Кейл не отстранился, когда Марен оттянула разорванный край футболки. Под тканью не было раны. Только тонкая красная полоска. И прямо у неё на глазах она начала исчезать. Марен подняла взгляд.

— Ты называешь это «ничего»?

— Живает.

— Да, вижу.

Она проверила руку. Ничего. Даже ладонь, которой он поймал существо, осталась без следов. Чем дольше Марен смотрела, тем меньше всё это имело смысл.

— Тебя вообще можно ранить?

Кейл задумался.

— Да.

Такой ответ застал врасплох.

— Чем?

Тишина.

— Кейл?

— Не знаю.

Марен уставилась на него.

— Ты не знаешь?

Ему это явно не казалось странным. Марен медленно отпустила футболку. Она всегда знала, что он сильный. Сломанные замки, искорёженный металл, заражённые, которые отворачивались при его появлении, — доказательств хватало. Но знать и увидеть собственными глазами — не одно и то же. Существо поднялось на десятки этажей по стене голыми руками и разбило гостиничное окно. Против Кейла у него не было ни единого шанса.

Впервые Марен поняла, почему «Нексус» годами держал его под землёй в одиночестве и не хотел рисковать, открывая дверь. Настоящий вопрос заключался в другом: могли ли они вообще когда-нибудь удерживать его там? Марен решила не думать об этом дальше.

* * *

До рассвета оставалось ещё несколько часов, но заснуть теперь было невозможно. Тело существа лежало возле раз-

битого окна. Марен не хотела к нему приближаться. В конце концов любопытство победило. Она нашла среди гостиничных принадлежностей длинный металлический прут и с его помощью раздвинула остатки одежды на трупe. На пол выпало что-то маленькое. Металлический бейдж. Марен замерла, затем наклонилась и подняла его. Вверху было название отеля. Ниже — имя сотрудника. Фотография почти полностью стёрлась, но должность ещё читалась. «Технический специалист». Марен долго смотрела на бейдж.

— Оно действительно было человеком.

Кейл сидел на дальнем краю дивана. Ничего не сказал. Марен снова посмотрела на тело. Если не обращать внимания на искажённые конечности и перестроенный скелет, следы обычной жизни всё ещё оставались. Порванные брюки. Часть ботинка. Сломанные электронные часы на запястье. Она вспомнила вчерашние слова Даррана. Если за весь день увидели только мёртвых — значит, повезло. Теперь Марен понимала.

— Заражённые продолжают меняться?

Кейл посмотрел на неё.

— Некоторые.

Марен резко повернула голову.

— Ты знал?

— Видел.

— Где?

Он не ответил. Она уже привыкала. Марен положила

бейдж рядом с телом.

— Таких много?

Кейл немного подумал.

— Теперь больше.

В животе сжался узел.

— В последнее время больше?

— Да.

Марен медленно поднялась. За прошедший месяц мир явно не застыл на стадии первых заражённых. Инфекция продолжала меняться. Люди менялись вместе с ней. Даже те, кто уже стал чудовищем, могли эволюционировать дальше. Марен подошла к разбитому окну. Ветер сильно трепал одежду. Она держалась подальше от края и посмотрела вниз сбоку. На улицах было заметно больше движения, чем днём. Заражённые плотными беспокойными группами шли по дорогам. С такой высоты лица исчезали, оставалась только масса тел.

Потом Марен заметила движение на углу квартала. Что-то быстрое. Существо перепрыгнуло с крыши одного низкого здания на другое, а потом приземлилось прямо в толпу обычных заражённых. Толпа взорвалась движением. Марен ожидала, что они нападут вместе. Они побежали. Мутант повалил одного. Марен отвернулась, прежде чем увидела продолжение.

— Они едят других заражённых.

— Да.

— Значит, теперь они едят друг друга?

Ответа не последовало. Марен посмотрела на тело в комнате. Мир будто строил совершенно новую пищевую цепь. Люди боялись заражённых. Заражённых охотили существа, мутировавшие дальше. А люди с Силами? Она понятия не имела. Потом посмотрела на Кейла. Мутанты отступали от него. Обычные заражённые тоже. Кем тогда был он? Кейл заметил взгляд.

— Что?

Марен покачала головой.

— Ничего.

Иногда неведение полезнее для сна. Хотя сегодня она всё равно не уснёт. Марен устроилась на диване на другом конце комнаты. Кейл сел рядом. Понаблюдав за ним, она спросила:

— Ты раньше убивал таких существ?

— Да.

— Много?

— Да.

Так просто. Марен держала бутылку воды обеими руками и медленно крутила крышку пальцами.

— А людей?

Кейл посмотрел на неё. На этот раз ответил не сразу. Марен уже знала.

— Ты убивал людей?

— Да.

Её руки остановились. В комнате стало значительно тише.

— Сколько?

Никакого ответа.

— Много?

Снова тишина. Марен не отвела глаз.

— Почему?

Лицо Кейла не изменилось. Через долгое время он произнёс:

— Забыл.

Марен больше не спрашивала. Этот ответ тревожил сильнее, чем «защищался» или «они напали первыми». Не потому, что Кейл пытался быть жестоким. А потому, что убитые им люди могли никогда не значить для него достаточно, чтобы он их запомнил. Кто они. Почему умерли. Когда это произошло. Ничто не имело значения. За последние дни Марен слишком привыкла к тому, как он относится именно к ней. К тому, как идёт следом, останавливается на «нет», приносит шоколад, прокладки и абсурдное количество белья неподходящих размеров.

Все эти маленькие вещи почти позволили ей поверить, что он постепенно становится обычным мужчиной. Но нет. Пока нет. Просто с ней он был другим. Эту разницу Марен не имела права забывать. Она отпила воды.

— С этого момента ты не убиваешь человека только потому, что он раздражает.

Кейл смотрел.

— По крайней мере сначала скажи мне.

Ничего.

— Ты меня слышал?

— Да.

Марен приподняла подбородок.

— Надеюсь, это настоящее «да».

Она поднялась с дивана. Едва босая ступня коснулась пола, Кейл протянул руку и поднял её на руки. Марен вздрогнула.

— Ты что делаешь?

Он посмотрел вниз.

— Стекло.

Марен проследила за его взглядом. Половину комнаты покрывали мелкие осколки разбитого окна. Она едва не наступила прямо на них. Марен замолчала. Кейл перенёс её на чистый участок пола и поставил. Она посмотрела на него. Это был тот же мужчина, который не считал нужным помнить, сколько людей убил. Но нескольких осколков под её ногами хватило, чтобы он поднял её на руки.

— Ты правда странный.

Кейл смотрел.

— Ты это знаешь?

Ответа не было. Марен вздохнула.

— Неважно.

Эту фразу она говорила уже слишком часто.

* * *

Даррана нашли следующим утром. Трое людей из лагеря пошли по маршруту, которым он ушёл накануне. Не потому,

что их лидер особенно беспокоился о нём. Дарран ушёл с пистолетом и частью припасов для вылазки, а теперь ничто нельзя было просто списать. Тело нашли у шоссе, меньше чем в двух милях от лагеря. Первый мужчина остановился.

— Не подходите.

Дарран неподвижно лежал возле ограждения. Дверь ближайшей машины была вмята внутрь, на бетонном барьере виднелись следы пальцев, раздавивших поверхность. Трое долго смотрели.

— Он пробудился?

— Если бы получилось, он бы здесь не лежал.

Никто не подходил близко. Через месяц после конца света все знали: труп может снова встать. Один из мужчин ткнул Даррана длинным шестом, убеждаясь, что реакции нет. Потом они обыскали тело. Пистолет остался при нём. Магазин пуст. В рюкзаке немного еды и воды. Нашли и компактный полевой диктофон. Такие устройства использовали во время вылазок, чтобы оставлять отчёты вне лагеря.

Один угол разбился при падении, но последняя запись воспроизводилась. Сначала слышалось только тяжёлое дыхание. Потом сломанный голос Даррана. «...встретил двоих...» Помехи. «Женщина... чистая. Слишком чистая для той, кто месяц прожила снаружи...» Долгая пауза. В дыхании уже было что-то неестественное. «Заражённые... их не трогают». Трое переглянулись. Запись продолжилась. «Мужчина... с ним что-то не так». На этом всё закончилось.

Один из них снова включил последние секунды.

— Заражённые их не трогают?

Другой нахмурился.

— Он горел от жара. Может, уже не понимал, что говорит.

— Дарран не стал бы шутить о таком.

Тело оставили на месте, облили горючим и подожгли. В лагере диктофон передали лидеру. Он прослушал запись дважды. В первый раз сосредоточился на женщине. Во второй его внимание зацепилось уже за другое.

— Заражённые на них не напали?

— Так сказал Дарран.

— Ни на одного?

— Не знаем.

Лидер откинулся на спинку стула. Через несколько секунд спросил:

— Он сказал, что женщина чистая?

— Да.

— Куда они шли?

Его человек замялся.

— На восток Грейхейвена.

Приказ последовал не сразу. Лидер положил диктофон на стол. Если Дарран говорил правду, ценность женщины переставала быть самым интересным. Живой человек, которого заражённые сознательно избегают, мог дать нечто гораздо большее. Безопасный проход. Доступ к припасам. Путь в самые глубокие заражённые зоны.

— Отправьте двоих посмотреть, — сказал он. — Пусть держатся на расстоянии.

— Привести их сюда?

Лидер подумал.

— Сначала узнайте, что представляет собой мужчина.

* * *

Вейра тоже не спала. Перед ней лежали три отчёта по образцам. Обычный заражённый. Носитель Силы. И новейший мутант высокого порядка. Результаты выглядели как три совершенно разных пути инфекции. У обычных заражённых большинство систем организма разрушалось, оставляя лишь базовую способность двигаться и проявлять агрессию. Люди с Силами переживали инфекционный процесс и выходили из него с аномальным усилением одной или нескольких физических функций.

Мутанты высокого порядка были сложнее. Их тела продолжали перестраиваться, иногда создавая формы, которые уже едва можно было назвать человеческими. Исследователь стоял возле стола Вейры.

— Мы снова прогнали данные NX-01.

Она подняла глаза.

— И?

Он положил четвёртый отчёт.

— Сначала мы всё пытались определить, на какую группу он больше всего похож.

— Продолжайте.

Исследователь замялся, будто сам ненавидел ответ.

— На все.

Вейра повернулась к отчёту.

— Объясните.

— Некроз тканей и сохраняющаяся нейронная активность, характерные для обычных заражённых, присутствуют и у NX-01.

Он перевернул страницу.

— Ускоренное восстановление тканей и избирательная аномальная экспрессия, которые мы видим у людей с Силами, — тоже.

Ещё одна страница.

— И адаптивные структурные изменения мутантов высокого порядка тоже есть.

Он остановился.

— Он не ближе ни к одной отдельной группе.

Пальцы Вейры замерли.

— Он похож на все три.

В лаборатории никто не говорил. Десятилетия назад, когда «Нексус» создавал Кейла, никто не использовал слов «заражённый», «Сила» или «мутант высокого порядка». Тогда знали только, что проект использовал аномальные ткани из разных источников и что бесчисленные попытки слияния и культивации провалились. Кейл оказался единственным успешным результатом. Теперь, после апокалипсиса, каждая из трёх основных естественных ветвей инфекции содержала

структуры, которые находились и в нём.

Вопрос уже был не в том, почему Кейл похож на заражённых. А в том, почему заражённые начали становиться похожими на Кейла. Вейра подняла голову.

— Снова исследуйте происхождение первоначальных образцов проекта.

Исследователь нахмурился.

— Многих записей больше нет.

— Тогда найдите людей, которые ещё живы.

— Большинство первых руководителей проекта умерли.

— Мёртвые тоже оставляют после себя вещи.

Вейра закрыла отчёт.

— Я хочу знать, откуда люди, создавшие NX-01, взяли эти материалы.

* * *

К восходу солнца президентский люкс выстудило ночным ветром. Марен оделась и снова собрала рюкзак. Сегодня им нужно было добраться до восточной части города. После того, что забралось ночью через окно, идея не спешить исчезла окончательно. Каждый час, приближающий их к темноте, приносил с собой более опасных существ. Марен запихнула последнюю бутылку воды в боковой карман. Кейл стоял рядом. Она остановилась.

— Кейл.

Он посмотрел.

— Если мы найдём мою маму...

Марен замолчала. Раньше она ни разу не заставляла себя задать этот вопрос.

— Если она жива, ты будешь её защищать?

Кейл не ответил. Марен удерживала его взгляд. Она не пыталась заставить. Просто должна была знать.

— Она не я.

Это он понимал.

— Возможно, она тебе не понравится. Ты её вообще не знаешь.

Кейл продолжал смотреть.

— Но она важна для меня.

Что-то в его взгляде словно застыло. Марен указала на себя.

— Важна для меня.

Потом указала на восток.

— Поэтому, если мы её найдём, ты не можешь позволить ей умереть.

Тишина затянулась. Кейл словно разбирал новое правило. Незнакомая женщина не обязана сама по себе быть достойной защиты. Она важна, потому что важна Марен. Наконец он кивнул.

— Да.

Марен выпустила задержанный воздух.

— Хорошо.

Она закинула рюкзак на плечи, и они ушли из люкса с разбитым окном и полом, усыпанным стеклом. У лестницы Ма-

рен в последний раз посмотрела на город. Солнечный свет начинал заливать место, которое уже больше чем наполовину умерло. Где-то внутри могла находиться её мать. А могла уже исчезнуть. Марен не знала. Но сегодня она хотя бы найдёт часть ответа. Она развернулась и начала спускаться. Кейл пошёл следом. А далеко на другом конце Грейхейвена двое людей из лагеря выживших уже повторяли путь Даррана в город.

Глава 12 — Мамы больше нет

Восточный Грейхейвен был намного тише, чем помнила Марен. Чем ближе они подходили к её району, тем больше знакомых мест появлялось вокруг. Магазин, куда она заходила после работы, всё ещё стоял, хотя стеклянную дверь разбили. Вывеска над угловым кафе висела криво, у входа скопились принесённые ветром бумаги. Чуть дальше находился парк, мимо которого Марен почти каждый день ходила в детстве.

Качели всё ещё были там. На одних оборвалась цепь, и сиденье лежало под углом на земле. Марен почти не разговаривала. С момента выхода из отеля она была напряжена. Но стоило войти на улицы, которые знала наизусть, как напряжение стало каким-то тихим. Она узнавала каждый перекрёсток и внимательно смотрела на каждое здание, словно сохранность знакомых вещей означала, что и дом мог остаться нетронутым.

Кейл шёл рядом. Заражённых вокруг было много. Как и раньше, никто не приближался. В голове Марен уже не оставалось места, чтобы задаваться вопросом почему. Они повернули за последний угол. Дом был там. Шаг Марен замедлился.

— Там.

Голос едва звучал. Она указала. Кейл проследил за же-

стом. Дом сохранился лучше, чем Марен представляла. Не все окна разбиты. Ворота стояли на месте. Даже цветочные горшки, которые мать расставляла у двери, остались там же. Растения погибли. Двор почти полностью зарос сорняками. Но дом был цел. Марен остановилась за воротами. Целый месяц она думала о возвращении домой. Нужно было только найти мать.

Если мама всё ещё здесь, Марен хотя бы поймёт, что делать дальше. И только оказавшись у двери, она осознала, насколько старательно весь этот месяц не позволяла себе представить другой вариант. Кейл не торопил. Наконец Марен открыла железные ворота. Петли тихо скрипнули. Входная дверь была не заперта. Она стояла чуть приоткрытой. Рука Марен замерла на ручке. Надежда, которую она так берегла, опустилась ещё ниже. Мама никогда не оставила бы дверь незапертой. Не после начала вспышки. Марен толкнула её.

— Мам?

Дом не ответил. Запах остановил Марен сразу после входа. Не такой удушающий, как на улицах, но совершенно чужой нормальному дому. В гостиной царил беспорядок. Один стул лежал на боку. Журнальный столик сдвинут. На стене засохла кровь. Дыхание участилось.

— Мам?

Марен прошла глубже.

— Мама?

Ничего. Кейл шёл следом, но впервые держался на рас-

стоянии. Марен прошла мимо кухни. На столе всё ещё стояла чашка рядом с едой, высохшей, растрескавшейся и почерневшей. Холодильник давно не работал. За кухней на полу лежала латунная гильза. Марен остановилась и присела. Не прикоснулась. В нескольких шагах лежала вторая. Потом третья. Марен медленно подняла голову. Дверь спальни была открыта.

Каждая часть её тела хотела отвернуться. Но ноги продолжали идти. Один шаг. Ещё один. В спальне стояла неподвижность. Шторы были задёрнуты только наполовину, и дневной свет проходил через щель. Мать лежала возле кровати. Она была мертва уже давно. Марен застыла в дверях, не издав ни звука. На одно зависшее мгновение ей не казалось, что она смотрит на тело. Мама просто спала на полу. Просто слишком долго не двигалась. Потом Марен увидела пистолет. Кровь, давно почерневшую на стене. Ноги ослабли, когда она вошла.

— Мам?

Ответа, конечно, не было. Марен опустилась рядом. Рука поднялась — и остановилась в воздухе. Она не могла заставить себя прикоснуться.

— Мама.

Ничего. Марен посмотрела вниз. Месяц. Она знала, что происходит с телом за месяц. Но горе заставляет людей делать вещи, в которых нет логики. Заставляет звать снова, даже когда заранее знаешь, что никто не ответит.

— Мам?

На этот раз голос дрогнул. Рядом с кроватью лежал телефон, батарея давно разрядилась. Возле него — фотография в рамке: Марен и мать несколько лет назад. Она вспомнила ночь похищения. Последнее сообщение на экране телефона было от мамы. «Возвращайся домой пораньше». Марен вернулась. Просто слишком поздно. Она опустилась на пол. Сначала слёз не было. Марен просто смотрела, пытаясь сложить комнату в объяснение.

Пистолет. Гильзы. Кровь. Кто-то пришёл сюда? Мама защищалась? Её укусили? Марен не знала. И не была уверена, что хочет узнать. Некоторые ответы уже ничего не могли изменить. Она опустила голову. Плечи медленно начали дрожать. Кейл стоял в нескольких шагах и смотрел. Марен вдруг повернулась. Забыв обо всех случаях, когда ненавидела неожиданные прикосновения, она бросилась к нему и обхватила руками. Кейл застыл. Пальцы Марен вцепились в его футболку. Она спрятала лицо у него на груди. После первого рыдания остальные уже невозможно было остановить.

— У меня больше нет мамы.

Кейл не двигался. Марен заплакала ещё сильнее.

— Кейл... У меня больше нет мамы.

Словно ей просто нужно было сказать это кому-то, кто всё ещё здесь.

— Я вернулась слишком поздно.

— Я правда вернулась...

— Но её уже нет.

Кейл посмотрел вниз. Через какое-то время поднял руку. Движение было неуверенным. Он положил ладонь ей на голову и медленно провёл по волосам. Марен плакала слишком сильно, чтобы думать о чём-либо ещё.

— Я теперь не знаю, что делать.

Она держалась за него.

— Я думала, что найду её.

— Всё время думала: вот найду маму — и пойму, что дальше.

— А теперь ничего нет.

Кейл не сказал того, что сказал бы обычный человек. Не просил не плакать. Не обещал, что всё будет хорошо. Он просто стоял и позволял Марен держаться за него, снова и снова неловко поглаживая её по волосам. Это напомнило ей первый раз, когда она рухнула под землёй и плакала месяц назад. Тогда Кейл не умел даже этого. Марен плакала, пока горло не стало саднить и не остались только редкие рваные вдохи. И тогда Кейл заговорил.

— Мы вернёмся.

Марен подняла опухшие глаза.

— Куда?

Он посмотрел на неё.

— Вместе.

Марен замерла. Слова прозвучали просто, почти ровно. Но впервые Кейл поместил их обоих в одно слово. Мы. Ма-

рен долго смотрела на него. По щекам снова потекли слёзы.
— Ты понимаешь, что сейчас сказал?

Кейл не ответил. На этот раз ответ не требовался. Марен снова прижалась лицом к его груди. Рыдания не вернулись. Она просто ещё немного подержала его.

— Хорошо, — прошептала Марен. — Вместе.

* * *

Марен отказалась оставлять мать внутри дома. Она не хотела, чтобы сюда зашли заражённые. Не хотела, чтобы её нашло одно из ночных существ. Когда-то мать выращивала цветы на маленьком участке за домом. Марен выбрала место там. Когда она начала копать, Кейл забрал инструмент.

— Я могу...

Он уже работал. Марен смотрела. Земля, на которую обычный человек потратил бы часы, почти не сопротивлялась его силе. Зрелище казалось странно нереальным. Прешлой ночью он убил чудовище, поднявшееся на десятки этажей небоскрёба. Сегодня стоял в её детском дворе и копал могилу для её матери. Для Кейла между этими задачами, похоже, не существовало разницы. Перед похоронами Марен сняла с шеи матери цепочку. Простую, недорогую. Она видела её на маме с самого детства.

Марен сжала украшение в ладони. Затем они с Кейлом похоронили её. Никакой церемонии. Никаких других родственников. Когда всё закончилось, Марен стояла над свежей землёй и сказала только:

— Я вернулась домой.

По двору прошёл ветер. Никакого ответа. Марен опустила голову.

— Прости.

Кейл стоял рядом, не касаясь. В конце концов Марен сама потянулась к его руке. Он посмотрел на переплетённые пальцы, но не отстранился. Некоторое время они стояли так. Ни один не знал, что с момента входа в восточную часть города за ними следили. Двое мужчин пришли из лагеря Даррана. Поначалу держались далеко. Ни один не хотел приближаться. Запись Даррана и без того звучала странно. То, что они увидели, оказалось хуже. Заражённые действительно не нападали на мужчину и женщину. Не просто не замечали. Они сознательно уходили с дороги. Один из мужчин несколько раз хотел подойти ближе. Каждый раз второй останавливал.

— Подожди.

— Босс сказал посмотреть.

— Вот я и смотрю.

— Мужик опасный.

Это не требовало объяснений. Кейл был без оружия. Никогда не защищался, проходя рядом с заражёнными. Один раз из соседней улицы вышел мутант высокого порядка — и мгновенно изменил направление, увидев Кейла. Мужчины переглянулись. Проверять на себе никто не захотел. Возможность появилась после похорон. Марен была измотана горем, а Кейл всего на несколько минут покинул двор. Она попро-

сила его принести оставленный в доме рюкзак и мёртвый телефон матери.

Хотела ещё немного побыть у могилы. Несколько минут. Этого хватило. Мужчины двинулись. Марен услышала, как сминается трава за спиной. Не успела обернуться — ладонь зажала рот. Она начала бороться мгновенно.

— Мм...!

Второй мужчина схватил оба запястья.

— Двигай!

— Не дай ей закричать.

Марен ударила ногой назад и попала одному по голени. Он выругался и сжал сильнее.

— Чёрт!

Она забилась ещё отчаяннее. Первой мыслью был Кейл. Но ладонь на рту заглушала любой звук.

— Быстрее. Он вернётся в любую секунду.

И тогда Марен поняла. Они знали о Кейле. Именно поэтому ждали. Её потащили из двора к старому внедорожнику у дороги. Затолкнули внутрь, связали руки и заткнули рот полосой ткани. Один мужчина постоянно смотрел в зеркало.

— Езжай!

— Я знаю.

Машина рванула. Марен ударилась о бок сиденья и вывернулась, чтобы посмотреть в заднее стекло. Дом быстро удалялся. Кейл не появился. Пока нет. Сердце билось до боли. Впервые сильнее всего её пугало не то, что эти люди могут

сделать с ней. А возможность, что Кейл её не найдёт. Только после долгой езды мужчины рискнули сбросить скорость. Один вытер пот со лба.

— Чёрт.

— Чего ты так боишься?

— Если не боишься, можешь вернуться и забрать его тоже.

Второй замолчал. Марен сидела сзади со связанными руками и холодно смотрела на обоих. Пассажир поймал её взгляд в зеркале.

— Не смотри так. Убивать тебя никто не собирается.

Из-за кляпа Марен не могла ответить. Они пересекли перекрёсток. Несколько заражённых двинулись к машине. Водитель напрягся.

— Чёрт, объезжай...

Заражённые остановились в нескольких метрах. Один поднял голову, будто уловил запах, затем медленно ушёл. Остальные сделали то же самое. В салоне стало тихо. Мужчины посмотрели друг на друга. У следующего заражённого водитель намеренно снизил скорость. Существо не приблизилось. Пассажир развернулся на сиденье и уставился на Марен.

— Дарран говорил правду.

Водитель встретился с ней взглядом в зеркале и изменился в лице. До этого они просто выполняли приказ. Теперь поняли, что именно везут обратно.

— Если брать её на вылазки, можно будет...

— Заткнись. Обсудим в лагере.

— Босс с ума сойдёт.

Лицо Марен застыло. Она вспомнила Даррана. Лагерь на двадцать с лишним человек. Стены. Вооружённая охрана. Тогда это звучало как безопасность. Теперь — как грязь.

* * *

Лагерь занимал старую логистическую базу. Разбитые машины, листы рифлёного металла и наспех сваренные панели образовывали внешние укрепления. У входа стояли двое охранников. Откуда-то изнутри ровно гудел генератор. Как только внедорожник вернулся, люди окружили его.

— Нашли?

— Это она.

Марен вытащили наружу. Стяжки на запястьях не сняли, хотя кляп сорвали. Она едва успела вдохнуть полной грудью, как начала сопротивляться.

— Отпустите меня.

Никто не слушал. Большинство людей вокруг были мужчинами. Женщины тоже встречались, но их было мало. Марен заметила, как они смотрят. Ни удивления. Ни приветствия. Даже любопытства почти нет. Две женщины взглянули на неё и тут же отвернулись. Молодая девушка у двери склада посмотрела почти с жалостью. Желудок Марен сжался. Это не было убежищем. Точно не тем местом, которое описывал Дарран.

Кто-то крикнул к зданию:

— Босс!

— Мы нашли женщину Даррана.

Через секунду открылась дверь. Вышедший мужчина всё ещё застёгивал брюки. На вид около сорока, массивный, крепкий, с пистолетом на поясе. Ширинка была только что застёгнута, ремень болтался незастёгнутым. Марен посмотрела за его спину. На краю кровати сидела женщина. Голова опущена, она поправляла сбившуюся одежду. Ни на кого не смотрела. Мужчина спокойно закрыл дверь, словно происходившее внутри не заслуживало внимания. К горлу Марен подкатила тошнота. Лидер лагеря поднял глаза и увидел её. Взгляд открыто прошёлся от лица по всему телу. Марен уже видела такой взгляд у Даррана. Этот был хуже.

— Это она?

— Да.

Он подошёл. Марен отступила, но державший её мужчина толкнул вперёд.

— Не трогай меня.

Лидер улыбнулся.

— С характером.

Он продолжал рассматривать её. Чистая кожа. Чистые волосы. Никаких признаков месяца голода под открытым небом. Тело не истощено до костей. Такие женщины теперь встречались крайне редко.

— Дарран не преувеличивал.

Марен смотрела прямо на него.

— Я ухожу.

Кто-то рядом рассмеялся. Лидер тоже.

— Ты только приехала.

— Я вам не принадлежу.

— Теперь принадлежишь.

Марен посуровела.

— Что это значит?

Вместо ответа он подошёл ближе. Марен отступила. Отказ лишь сделал улыбку неприятнее.

— Женщине опасно одной снаружи.

— Я была не одна.

Лидер остановился.

— Мужчина?

Один из разведчиков быстро ответил:

— Его не привезли.

— Почему?

Двое переглянулись.

— Он выглядел так, будто с ним будет сложно справиться.

Лидер нахмурился.

— Вас было двое, и вы испугались одного мужика?

— Его боятся заражённые.

Лидер изменился в лице. Разведчик продолжил:

— Её тоже боятся.

На этот раз лидер развернулся к разведчику всем корпусом.

— Что?

— Дарран не соврал. — Мужчина указал на Марен. — По дороге назад заражённые даже к внедорожнику не подходили. Пока она внутри, они разбегаются.

Все вокруг замолчали. Лидер снова посмотрел на Марен. Мужской интерес никуда не исчез. Но теперь в глазах появилось другое. Расчёт. Марен увидела момент, когда перестала быть человеком. Стала ресурсом. Редким и полезным.

— Интересно.

Лидер протянул руку к её лицу. Марен резко отвернулась.

— Не трогай меня.

Рука остановилась в воздухе. Потом он улыбнулся.

— Очень чистая. Сейчас такую трудно найти.

Несколько мужчин тихо засмеялись. Пальцы Марен сжались в кулаки. Теперь она окончательно поняла, почему Дарран так хотел привести её сюда. Он никогда не собирался спасать. Лидер ещё немного посмотрел, затем махнул к зданию.

— Отведите внутрь.

Марен начала бороться.

— Отпустите!

Никто не остановился.

— Что вы собираетесь делать?

Лидер просто смотрел.

— Отдохни, — сказал он.

От его тона по коже поползли мурашки.

— Вечером зайду к тебе.

Снова смех. Всё тело Марен напряглось. Смысл был очевиден.

— Даже не приближайся ко мне! — Она забилась сильнее.

— Я предупреждаю: не трогай меня!

Лидер не разозлился. Наоборот, сопротивление словно забавляло.

— Вечером поговорим.

Её потащили к комнате, из которой он только что вышел. Женщина теперь стояла в дверях. Они разминулись на расстоянии нескольких сантиметров. Женщина ничего не сказала. Только быстро посмотрела на Марен. Этот взгляд напугал сильнее любой угрозы. Комната была не просто спальней. Кровать. Стол. Замок. И несколько маленьких вещей, явно оставленных другими женщинами. Марен втокнули внутрь и наконец перерезали пластиковые стяжки на запястьях. Она резко развернулась и бросилась к двери. Та захлопнулась перед лицом. Снаружи повернулся замок.

— Откройте!

Марен забарабанила в дверь.

— Выпустите меня!

Мужчины рассмеялись. Шаги удалились. Она продолжала бить, пока не поняла, что бесполезно. Потом остановилась и тяжело задышала. Только в тишине страх дошёл по-настоящему. Не из-за слов лидера. Потому что Кейла здесь не было. Целый месяц, что бы ни происходило, он почти всегда

оставался в поле зрения. Впервые кто-то действительно отнял её у него. Марен закрыла глаза. А потом подумала, что эти люди, возможно, совершили очень серьёзную ошибку.

* * *

Когда Кейл вернулся во двор, Марен исчезла. В руках был её рюкзак и разряженный телефон матери. Двор молчал. Свежая могила оставалась на месте. Место, где сидела Марен, пустовало. Кейл остановился. Он не стал звать её по имени. Не начал метаться в поисках, как обычный человек. Просто осмотрелся. Следы борьбы были очевидны. Трава примята несколькими парами ног. Рядом валялся обрывок разорванной пластиковой стяжки. Дальше на дороге остались свежие следы шин.

Кейл подошёл и присел. Кончики пальцев коснулись отпечатка. Потом он поднял голову и посмотрел вдоль дороги. На лице ничего не отражалось. Если бы Вейра находилась рядом, она мгновенно поняла бы: что-то изменилось. Раньше Кейл убивал, потому что кто-то раздражал. Потому что подошёл слишком близко. Потому что не понравился. Иногда — потому что Кейлу вообще не нужна была причина. Теперь было иначе.

Кто-то забрал Марен. Он поднялся и отложил её рюкзак. Затем пошёл по следам машины. Сначала шагом. Потом быстрее. Заражённые почувствовали его задолго до появления и начали уходить с дороги. Одно существо едва выползло из-за разбитой машины и тут же забилось обратно. Кейл

не смотрел на них. Не останавливался. Просто шёл по следу. Марен научила его многим правилам. Нельзя убивать людей только потому, что хочется.

Если они не причиняли ей вреда — нападать нельзя. Если она говорит «стой», нужно остановиться. Кейл помнил их все. Но одного Марен никогда ему не объясняла. Если кто-то украл её у него — правила всё ещё действуют?

Глава 13 — Он пришёл за ней

После наступления темноты лагерь стал гораздо шумнее, чем днём. Генератор у склада работал без остановки, и гул старого двигателя проходил сквозь стены. Время от времени раздавались выстрелы. Марен не знала, отстреливают ли охранники заражённых у периметра или кто-то снова подрался из-за припасов. Она сидела без сна в запертой комнате. Будто сегодня вообще можно было уснуть.

Дверь запиралась снаружи, окно было забрано железными прутьями. Марен обыскала комнату сантиметр за сантиметром. Всё, что хотя бы отдалённо могло стать оружием, убрали — вплоть до содержимого ящиков стола. В конце концов возле кровати она нашла лишь треснувшую металлическую планку. Не острую. Но всё же лучше, чем голые руки. Марен спрятала её под подушкой и стала ждать. Она не знала, сможет ли Кейл найти это место.

Логика подсказывала, что не сможет. Внедорожник увёз её на много километров, сворачивал с одной дороги на другую. Кейл не знал, где расположен лагерь и к кому принадлежат эти люди. И всё же какая-то другая часть её сознания была охвачена странной уверенностью. Он придёт. Больше месяца этот мужчина почти никогда по-настоящему от неё не уходил. Даже когда она исчезала всего на несколько часов, он снова её находил. Марен опустила взгляд на свои руки.

— Лучше бы ты умел меня находить, — прошептала она.

Никто не ответил. Снаружи грохнул выстрел. Марен резко подняла голову. Этот был не вдалеке. Совсем близко. Следом прогремел второй. Потом третий. Кто-то закричал:

— Кто там?!

За дверью стало больше шагов. Марен вскочила с кровати. Снова загремели выстрелы — теперь один за другим. Кто-то пронёсся мимо её комнаты, ругаясь.

— Восточные ворота! Все к восточным воротам!

— Кто-то проник внутрь!

Пульс Марен подскочил. Она подошла к двери и затаила дыхание. Снаружи нарастал хаос. Кто-то приказал незваному гостю остановиться. Ещё выстрелы. Потом крик. Марен сжала дверную ручку. В голове было только одно имя. Кейл.

* * *

Никто никогда не учил Кейла отслеживать людей. Во всяком случае, намеренно. В экспериментальных записях «Нексуса» подобных способностей у него не значилось. Он просто знал, в каком направлении увезли Марен. На грунтовой дороге машина оставила отчётливые следы. Когда она выехала на старый асфальт, читать их стало сложнее, но в воздухе оставались другие признаки. Её запах. Нечто, что держалось на ней достаточно долго, чтобы даже заражённые узнавали это.

А под этим — присутствие, которое он сам не сумел бы объяснить. Марен была там. Поэтому он пошёл туда. Вот

и всё. Лагерь находился далеко от восточного Грейхейвена. Кейл ни разу не остановился. Заражённые начинали избегать его ещё до того, как он приближался. Некоторые забирались между брошенными машинами, лишь бы не оставаться с ним на одной дороге. Он на них не смотрел. Наконец впереди появилась стена из листового металла. Первым Кейла заметил часовой.

— Эй!

Кейл продолжал идти.

— Стой!

Он не остановился. Охранник поднял винтовку.

— Ещё шаг — и я стреляю!

Кейл поднял глаза. По причине, которую охранник не смог бы назвать, его палец на спусковом крючке вдруг застыл. Мужчина внизу ничем не выражал эмоций. Оружия у него не было. Он просто приближался — ровным, спокойным шагом. Охранник стиснул зубы и выстрелил. Грохот прокатился по ночи. Пуля ударила Кейла в плечо и слегка развернула его корпус. Он остановился. Охранник выдохнул. А потом Кейл посмотрел на дыру в своей рубашке. Он не упал. Даже не прикрыл рану рукой. Поднял голову и снова пошёл вперёд. Охранник побледнел.

— Какого чёрта...

Он выстрелил ещё раз. Потом снова. На звук прибежали остальные. К воротам устремились несколько охранников.

— Что происходит?

— Он не падает!

— Что ты несёшь?

Снова загремели выстрелы. К тому моменту Кейл уже дошёл до стены. На одежде появились новые отверстия. Кровь была, но каждая рана переставала кровоточить почти сразу после появления. Кто-то его узнал.

— Подождите!

— Это он! Тот мужчина с записи Даррана!

На долю секунды всё словно замерло. Потом кто-то крикнул:

— Убейте его!

Кейл поднял глаза. Они сами сделали выбор. Марен научила его правилам. Нельзя убивать без разбора. Если люди её не трогали, их нужно оставить в покое. Если человек не нападает на него, с ним незачем разбираться. Он помнил. Поэтому первого мужчину Кейл всего лишь оттолкнул. Тот влетел в металлическую стену и больше не поднялся. Второй вскинул оружие. Кейл схватился за ствол. Сталь сложилась у него в ладони. Охранник ещё не успел отпустить винтовку, когда один удар отправил его на землю. Третий развернулся и побежал. Кейл не стал преследовать. Он вошёл в лагерь.

— Марен.

Это было первое слово, которое он произнёс после того, как оказался внутри. Никто не ответил. Но к нему уже спешили новые люди.

* * *

Выстрелы привлекли тварей издалека. Поначалу никто в лагере не понимал, что именно они делают. Они жили здесь уже несколько недель. Заражённые каждый день проходили мимо периметра, и стен с наблюдательными постами всегда хватало, чтобы с ними справляться. Сегодня всё было иначе. Стреляли слишком много. Запах крови становился всё сильнее. Первая группа заражённых появилась на восточной дороге — всего около десятка.

Охранник закричал:

— Стадо идёт!

— Закрыть ворота!

— Они всё ещё открыты!

Люди бросились к ним, но слабую конструкцию повредили, когда Кейл прошёл внутрь. Несколько мужчин из всех сил пытались вернуть металлические панели на место. Заражённые добрались до них раньше. Один ударился о внешнюю стену. Потом второй. Следом — ещё. Дальше по дороге в темноте двигались силуэты, намного быстрее обычных заражённых. По лагерю поползла настоящая паника.

— Они ещё и с запада идут!

— Подгоните грузовик!

— Хватит, блядь, толкаться!

— Перекройте ворота!

Стрельба не прекращалась. Крови становилось всё больше. А существа, охотившиеся по ночам, были голоднее мертвецов. Мутант с неестественно длинными конечностями

ми вскарабкался по стене склада. Другой оттолкнулся от крыши брошенного грузовика и приземлился прямо внутри лагеря. Люди бросились врассыпную. Крики заглушили генератор. Порядок исчез.

* * *

Марен прижала ухо к двери, пока шум приближался. Теперь она была уверена. Кейл пришёл. Она не слышала его голоса. И не нуждалась в этом. Ужас снаружи говорил достаточно.

— Эта тварь пробралась внутрь!

— Пули её не берут!

— Назад!

Марен закрыла глаза. Ей почти захотелось рассмеяться. Теперь они поняли. Но прежде чем облегчение успело полностью её захватить, по коридору быстро приближались шаги. Повернулся замок. Марен отступила к кровати. В комнату вошёл глава лагеря. Теперь он выглядел куда менее довольным собой, чем раньше. На поясе висел пистолет. Он запер дверь за собой. Марен крепче сжала металлическую планку, спрятанную за спиной.

— Не подходи ко мне.

Мужчина тяжело дышал.

— Это твой мужик?

Марен молчала.

— Тот самый, что был с тобой?

Она по-прежнему не отвечала.

— Блядь.

Снаружи снова прогремели выстрелы, затем что-то с грохотом ударилось о стену. Главарь бросил взгляд на дверь и снова посмотрел на Марен. В его глазах всё ещё оставалось то же похотливое желание, только теперь к нему примешивалась паника.

— Он пришёл за тобой.

Это был не вопрос. Марен наконец заговорила.

— Теперь страшно?

Он помрачнел.

— Страшно? — Он сделал шаг к ней. — У меня десятки людей и столько оружия, что мы разорвём его на куски. Что может сделать один человек?

Словно в ответ, снаружи раздался чей-то вопль. Марен посмотрела на него.

— Судя по звукам, довольно многое.

Этого хватило, чтобы последние остатки его самообладания исчезли. Он пересёк комнату за несколько шагов. Марен подняла металлическую полоску.

— Не трогай меня.

Он схватил её за запястье. Марен начала отбиваться.

— Отпусти!

Металл упал на пол. Он толкнул её к кровати. Марен ударила ногой и попала ему в голень. Его лицо исказилось.

— Сука.

Он схватил её за перед рубашки и рванул. Ткань разо-

шла. На один ошеломлённый миг Марен застыла. А потом начала сопротивляться изо всех сил.

— Убери от меня руки!

Она царапала его пальцы. Толкалась. Била ногами. За дверью бушевал хаос — стрельба, крики, нечеловеческий вой. Шаги приближались. Главарь тоже их слышал. И чем ближе они становились, тем лихорадочнее были его движения.

— Лучше перестань сопротивляться.

— Отпусти меня!

Он снова дёрнул её одежду. Дверь сотряслась от чудовищного удара. Они оба замерли. Второй удар вырвал полотно целиком из рамы и швырнул его на пол. В коридоре кто-то стоял. Кейл. Его одежда была покрыта кровью. Где-то уже засохшей. Где-то свежей. На лице — ни одной эмоции. Стоило Марен увидеть его, как внутри что-то отпустило.

— Кейл.

Сначала он посмотрел на неё. Потом его взгляд опустился ниже. На кулак главаря, сжимавший её рубашку. На разорванную ткань под его рукой. Кейл ничего не сказал. Главарь отпустил Марен и выхватил пистолет.

— Не подходи!

Кейл вошёл в комнату.

— Я сказал, стой!

Прогремел выстрел. Пуля ударила Кейла в грудь. Марен вскрикнула:

— Кейл!

Он задержался лишь на мгновение. А потом продолжил идти. Лицо мужчины стало белым. Он выстрелил снова. И ещё раз. Кейл подошёл вплотную. Главарь попытался поднять пистолет ещё раз. Кейл схватил его за запястье. Тихий хруст. Пистолет упал на пол. Мужчина закричал и потянулся за ножом, спрятанным за спиной. Кейл оказался быстрее. Возле стола лежал короткий клинок — его раньше обронил кто-то из охранников.

Кейл поднял его. Никакой угрозы. Никакого вопроса. Он почти не посмотрел на мужчину. Лезвие вошло в тело. Главарь застыл, на лице всё ещё был написан страх. Кейл отпустил его. Тело рухнуло. Всё закончилось. Марен стояла возле кровати, всё ещё слишком быстро дыша. Она думала, что, возможно, испытает ужас. Но когда главарь упал на пол, первой её мыслью было только: Наконец-то. Кейл больше не посмотрел на труп. Он сразу подошёл к ней. Коснулся её лица. Плеча. Запястья. Проверял её.

— Со мной всё в порядке, — сказала Марен.

Он не остановился.

— Правда. — Она поймала его руку. — Он ничего не успел сделать.

Тогда Кейл посмотрел ей в глаза. Марен повторила:

— Со мной всё в порядке.

Его взгляд опустился к разорванной рубашке. Через несколько секунд он снял куртку и набросил ей на плечи. Марен запахла её на груди. Потом подняла голову.

— Ты и правда меня нашёл.

— Да.

Глаза защипало. Сейчас было не время плакать. Снаружи лагерь разваливался на части.

* * *

Лишь выйдя из комнаты, Марен увидела, во что превратился лагерь. В восточной стене зияла брешь. Через неё внутрь хлынули заражённые. Одни люди падали вслепую в толпу. Другие дрались из-за машин. Один мужчина толкнул человека рядом прямо к заражённым, лишь бы первым добраться до грузовика. По крыше склада полз огромный искривлённый силуэт. На другом конце двора мутант с массивными конечностями перевернул две машины. Где-то начался пожар. Огонь быстро пополз к запасам. Марен стояла в конце коридора и смотрела, как лагерь выживших рушится за считанные минуты.

— Нам нужно уходить.

Она схватила Кейла за руку. Он посмотрел вниз на неё. А потом поднял на руки. Марен моргнула.

— Я могу идти сама.

Кейл её не опустил.

— Кейл.

Никакой реакции. Заражённые уже приближались. Наконец Марен перестала спорить. Её руки сами легли ему на шею.

— Ладно.

Если уж совсем честно, идти ей и самой не особенно хотелось. Кейл понёс её к выходу. Обычные заражённые сворачивали в сторону, едва замечали их. Люди это увидели.

— Подождите!

— За ними!

Несколько выживших бросились следом, решив, что Марен с Кейлом могут провести их сквозь мертвецов. Мутанты реагировали иначе. Один спрыгнул с крыши склада. Едва приземлившись, он повернул голову к Марен. Кейл не поставил её на землю. Существо бросилось на них. Его рука крепче обхватила Марен. Он ушёл в сторону от первого удара, свободной рукой поймал вытянутую конечность твари и швырнул её в брошенную машину. Тело вмяло дверь внутрь. Мутант попытался подняться. Кейл оказался рядом первым. Продолжая держать Марен одной рукой, другой он закончил дело. Слишком быстро, чтобы ей хотелось рассматривать подробности.

— Ты мог бы хотя бы ставить меня на землю, прежде чем драться с чем-нибудь?

Кейл посмотрел на неё.

— Нет.

Марен уставилась на него. Даже сейчас он умудрялся лишить её дара речи.

— Хорошо. — Она отвернула лицо. — Очень впечатляет.

* * *

У выхода Марен увидела знакомую женщину. Ту самую,

что раньше вышла из комнаты главаря. Возле двери склада её придавил упавший металлический стеллаж. К ней приближались двое заражённых. В руках женщина держала кусок дерева, но страх уже отнял у неё все силы. Марен схватила Кейла за рубашку.

— Подожди.

Он остановился.

— Вон там. — Она указала. — Помоги ей.

Кейл посмотрел на женщину и не двинулся. Марен быстро добавила:

— Я хочу её спасти.

На этот раз Кейл понёс Марен через двор. Заражённые уже почти добрались до придавленной женщины. Как только Кейл приблизился, они отступили. Женщина уставилась на него. Кейл поднял металлический стеллаж так, словно тот ничего не весил. Марен посмотрела на женщину сверху, всё ещё находясь у него на руках.

— Беги!

Та пришла в себя и бросилась прочь. Она даже не успела поблагодарить. И за ними не пошла. Марен её и не звала. Сейчас выжить — уже было пределом возможностей для любого из них.

* * *

Возле ворот появился один из мужчин, похитивших Марен. Только один. Его напарник лежал вдалеке, и над ним уже склонились несколько заражённых. Когда выживший

увидел Кейла, его лицо стало белее трупa. Оружия у него не было. Он рухнул на колени.

— Это не я!

Кейл остановился. Мужчина пополз назад.

— Босс приказал нам её забрать!

Кейл двинулся к нему.

— Я её не трогал!

— Клянусь!

— Я только вёл машину!

Кейл подошёл совсем близко. Марен посмотрела вниз на мужчину. Она его ненавидела. Именно он оттащил её от могилы матери. Но, увидев его таким, Марен вдруг поняла, что больше ничего от него не хочет. Главарь мёртв. Лагерь больше нет.

— Кейл.

Он остановился. Марен посмотрела на него.

— Отпусти его.

Мужчина на земле застыл. Кейл не отвёл от него взгляда.

— Пойдём, — сказала Марен. — Уходим.

Через несколько секунд Кейл подчинился. Мужчина так и остался сидеть в грязи. Он не осмеливался пошевелиться даже после того, как они ушли. До конца своей жизни — сколько бы ей ни оставалось — он будет помнить эту ночь. Мужчину, который продолжал идти после выстрелов. Заражённых, расступавшихся перед ним. Уверенность, что смерть уже пришла. И женщину, которую они похитили, произнёс-

шую два слова, сохранившие ему жизнь. Отпусти его.

* * *

Сияние горящего лагеря было видно ещё долго после того, как они оставили его далеко позади. Марен лежала у Кейла на руках. Она больше не просила поставить её на землю. Возможно, просто слишком устала. Возможно, за этот день ей надоело нести себя самой. Лишь когда все звуки лагеря окончательно стихли, она подняла голову.

— Теперь можешь меня опустить.

Кейл не отреагировал.

— Я правда могу идти.

Он продолжал нести её. Марен несколько секунд смотрела на него, затем сдалась.

— Забудь.

Она снова устроилась у него на груди. После долгого тихого участка дороги сказала:

— Ты действительно меня нашёл.

— Да.

— Как?

Кейл смотрел вперёд. Ответа не последовало.

— Ты шёл по следам шин?

Ничего.

— Почувствовал мой запах?

Снова тишина.

— Или у тебя есть ещё какая-то странная способность?

Молчание. Марен вздохнула.

— Не знаю, зачем вообще продолжаю спрашивать.

Они шли дальше по пустой дороге. Через некоторое время Кейл заговорил сам.

— Ты была там.

Марен подняла голову.

— Что?

Он не повторил. Постепенно она поняла. Она была там. Поэтому он её нашёл. Это ничего не объясняло. Не говорило, что именно он чувствовал и как сумел её выследить. Но почему-то Марен больше не хотелось спрашивать. Она положила голову ему на плечо.

— Ладно.

Ветер гулял по пустой дороге. Позади огонь и заражённые поглотили лагерь целиком. Спустя долгое время Марен сказала:

— Теперь мне действительно некуда идти.

Кейл продолжал нести её вперёд.

— Мы вернёмся.

Она знала, о каком месте он говорит. «Нексус». Нулевой сектор. Подземное помещение, из которого когда-то отчаянно пыталась выбраться. Если бы месяц назад кто-то сказал ей, что однажды она сама решит туда вернуться, Марен бы рассмеялась ему в лицо. Но там была вода. Еда. Электричество. Одежда, которую она рассортировала. Даты, которые отмечала на стене. Теперь это было уже не только место, где «Нексус» держал Кейла взаперти. Там она по-настоя-

щему прожила последний месяц. Марен долго молчала. Потом кивнула.

— Да. Пока вернёмся туда.

Кейл не спросил зачем. Он просто продолжил идти, держа её на руках. Марен медленно закрыла глаза. Матери больше не было. Дома больше не было. Грейхейвен превратился в мир, которого она не узнавала. Но хотя бы сейчас она знала, куда идёт. В первый раз её бросили внутрь «Нексуса» против воли. В этот раз она возвращалась сама.

— Кейл.

— Да?

Марен чуть приоткрыла глаза.

— Пойдём домой.

Его шаг не изменился. Но руки вокруг неё сжались крепче.

Глава 14 — Возвращение

В конце концов Марен уснула у Кейла на руках. Она всего лишь хотела на минуту закрыть глаза. За последние два дня произошло слишком многое, и, когда горящий лагерь действительно остался позади, её тело словно решило, что опасность миновала. Вся накопившаяся усталость обрушилась разом. Марен помнила шаги Кейла. Холодный ветер на лице. А потом — ничего. Когда она открыла глаза, уже наступило утро.

Над ней не было дороги. Только потолок незнакомой спальни. Марен резко села. Одеяло соскользнуло к поясу. Одежда оставалась на ней. Кроме разорванной накануне ткани, ничего не изменилось. Тогда она заметила Кейла, сидевшего возле окна. Марен понятия не имела, сколько времени он провёл там.

— Где мы?

Кейл посмотрел на неё. Марен встала с кровати и подошла к окну. Снаружи тянулся заброшенный жилой район. Трава во дворах выросла по колено. По улице стояли пустые машины. Очевидно, прошлой ночью они так и не дошли до «Нексуса». Кейл нашёл дом, в котором ещё можно было переночевать, и принёс её сюда.

— Ты внёс меня сюда на руках?

— Да.

— Сколько я спала?

Ответа не последовало. Марен попыталась пригладить спутанные волосы. Она действительно отключилась, пока Кейл нёс её сквозь темноту. От этой мысли она замерла. Раньше она была не такой. Когда-то даже тихий звук Кейла у кровати мгновенно разбудил бы её. А теперь она позволила ему отнести себя в незнакомое место, не осознавая вообще ничего вокруг. Марен не знала, когда перестала этого бояться. Знала только одно: проснуться и обнаружить, что Кейл всё ещё рядом, оказалось не страшно. Наоборот. Это успокоило её. Мысль вызвала странное неудобство.

— Мне нужно переодеться.

Она повернулась к сумке. Кейл остался у окна. Марен достала чистую футболку и брюки. Она уже наполовину стянула испорченную рубашку через голову, когда почувствовала на себе слишком прямой взгляд. Остановилась. Обернулась. Кейл смотрел на неё.

— Мне нужно переодеться.

Он не пошевелился.

— Это значит, что ты должен отвернуться.

Кейл продолжал смотреть. Марен нахмурилась.

— Кейл.

Ни малейшей попытки. Она опустила взгляд на себя. За последний месяц между ними уже произошло почти всё, что только могло произойти — желанное и нежеланное, разумное и совершенно абсурдное. Кейл уже видел её тело. Но это

не делало нормальным то, что он открыто пялился, пока она переодевалась.

— Не смотри на меня так.

Он продолжал. Марен почувствовала неловкость и быстро натянула чистую футболку. И тут заметила тонкую красную дорожку под носом Кейла. Её руки замерли.

— У тебя кровь.

Он никак не отреагировал. Марен сразу подошла к нему.

— Из носа.

Кровь действительно шла. Первой реакцией была тревога. Прошлой ночью этот мужчина получил столько пуль, что Марен сбилась со счёта, и почти не замедлился. Кровотечение без видимой причины выглядело гораздо зловеще. Она вытащила из сумки салфетку.

— Запрокинь голову. Нет — не так сильно.

Марен начала вытирать кровь. И на полпути поняла, что Кейл ни разу не взглянул на собственный нос. Его взгляд всё ещё был прикован к ней. Точнее — к футболке, которую она пока не успела нормально одёрнуть вниз. Марен посмотрела на себя. Потом на него. На секунду в голове стало пусто. К лицу прилил жар.

— ...Это из-за того, на что ты смотрел?

Разумеется, Кейл не ответил. Его глаза и без слов отвечали достаточно ясно. Марен резко одёрнула футболку.

— Что с тобой вообще не так?

Кейл смотрел на неё, а кровь из носа всё ещё текла.

— Тебя мутант когтями рвёт — всё нормально. В тебя стреляют — всё нормально. Я меняю футболку — у тебя кровь из носа?

Даже для неё самой эта фраза прозвучала нелепо. Он продолжал смотреть. Марен закрыла ему глаза ладонью.

— Хватит смотреть.

Он не двинулся.

— У тебя кровь идёт, а ты всё равно смотришь.

Наконец она обхватила его лицо обеими руками и повернула к окну.

— Вот. Сиди так.

На удивление, Кейл послушался. По крайней мере, не повернулся к ней сразу же. Марен закончила переодеваться так быстро, как смогла, и поправила пояс брюк.

— Всё.

Кейл снова повернулся к ней. Кровь почти остановилась. Марен посмотрела на его совершенно невозмутимое лицо и швырнула в него оставшуюся салфетку.

— Чудовище.

Он поймал её.

— Ты самый странный из всех.

* * *

Перед тем как уйти, Марен проверила места, куда накануне попали пули. Одежда Кейла была безнадёжно испорчена. Ткань вся в отверстиях, в нескольких местах — засохшая кровь. Но под ней Марен почти не могла найти ран. Она

встала перед ним и коснулась места на груди, куда угодила одна из пуль.

— Здесь?

Кейл посмотрел на неё.

— Зажило.

— Это я вижу.

Она проверила плечо.

— И сюда тоже попали.

То же самое. Марен замолчала.

— Было больно?

Кейл ответил не сразу.

— Когда в тебя стреляли.

— Да.

Она этого не ожидала. Он всегда выглядел так, словно боль почти не имела над ним власти.

— Тогда почему ты ведёшь себя так, будто ничего не чувствуешь?

— Я привык.

Её рука застыла.

— Привык?

Кейл смотрел на неё. Марен вспомнила «Нексус». Тяжёлую герметичную дверь. Лаборатории. Камеры. Учёные знали, что он способен восстанавливаться после травм, которые обычный человек не пережил бы. Если они изучали его годами, всё это время они не могли просто наблюдать через стекло.

— Они часто причиняли тебе боль?

Ответа не было.

— Ради экспериментов?

Тишина.

— Стреляли в тебя?

Ничего.

— Разрезали?

Наконец Кейл встретился с ней взглядом.

— Много раз.

Марен собиралась продолжать расспросы. Эти два слова остановили её. Много раз. Не один. Не изредка. Она представила Кейла на лабораторном столе — в него стреляют, его режут, измеряют скорость восстановления, записывают результаты, а на следующий день начинают снова. Возможно, так они пытались найти предел его возможностей. И хуже всего было то, что, похоже, никто этот предел так и не обнаружил. Марен убрала руку.

— Сколько времени ты там прожил?

— Не знаю.

— Ты даже не знаешь, сколько тебе лет?

— Нет.

— Десять лет?

Без ответа.

— Двадцать?

Кейл посмотрел на неё, но ничего не сказал. Марен всё сильнее убеждалась, что он не скрывает информацию. Воз-

можно, понятие возраста действительно ничего для него не значило. В подземной камере без солнечного света даты были бесполезны.

— Ты когда-нибудь раньше бывал снаружи?

— Нет.

Ответ прозвучал сразу. Марен уставилась на него.

— Никогда?

— Никогда.

Последний месяц она воспринимала себя как узницу «Нексуса». Но её держали там всего месяц. Кейл мог провести под землёй десятилетия. А может, и больше. И день, когда он вышел из комплекса следом за ней, возможно, был первым днём в его жизни, когда он увидел солнце. Марен вспомнила его возле выхода на поверхность. Она была настолько поглощена Грейхейвеном, что даже не подумала: мужчина рядом с ней тоже мог впервые видеть внешний мир.

— Почему ты пошёл со мной?

Кейл посмотрел на неё. Ответ было нетрудно угадать.

— Ты.

Марен тихо вздохнула.

— Конечно.

Она накинула сумку на плечо.

— Пойдём.

* * *

До «Нексуса» они добрались во второй половине дня. Издалека исследовательский комплекс выглядел совершенно

иначе, чем раньше. Здания не изменились. Вход по-прежнему был холодным и неприветливым. Но внешний двор зарос сорняками, несколько участков ограждения рухнули, а на парковке лежали тела, почти полностью обглоданные. Ни людей. Ни машин. Никаких признаков того, что кто-то возвращался.

Марен расслабилась. По крайней мере, пока комплекс оставался пустым. Она пошла за Кейлом внутрь. В первом коридоре заражённый в лабораторном халате медленно поднялся у стены. Марен крепче перехватила монтировку. Заражённый поднял голову, увидел их — и замер. Потом отошёл в сторону. Марен уже привыкла.

— Как думаешь, он раньше тебя изучал?

Кейл мельком посмотрел на него.

— Не знаю.

— Ты действительно почти ничего не помнишь.

Они пошли глубже. Чем дальше спускались, тем сильнее становились разрушения. Когда они впервые бежали из комплекса, всё внимание было занято дорогой на поверхность. Рассматривать помещения было некогда. Теперь, когда Марен собиралась снова здесь жить, стало ясно: вернуться — это гораздо больше, чем просто найти кровать. Большая часть В7 была уничтожена. Двери лабораторий стояли открытыми, внутри лежали разлагающиеся тела. Перевернутое оборудование перекрывало целые участки коридоров. На В6 за защитной дверью что-то скреблось — и звучало оно со-

всем не как обычный заражённый. Марен несколько секунд послушала.

— Что там?

— Проблема.

Она повернулась к Кейлу.

— Опять «проблема»?

— Да.

— Тогда туда не идём.

Она без колебаний закрыла дверь. После гостиницы Марен научилась уважать кейловское определение слова «проблема».

— Сначала расчистим то, чем будем пользоваться.

Кейл смотрел на неё. Марен указала вдоль коридора.

— Вход.

Потом вниз.

— Жилые помещения.

И наконец — в сторону Нулевого сектора.

— И всё, через что нам придётся проходить каждый день.

Остальное подождёт.

Кейл кивнул. Они начали. Марен быстро обнаружила, что идеально подходят для совершенно разных видов работы. Она решала, что оставить. Кейл заставлял всё остальное исчезнуть с дороги. Один коридор перекрывал опрокинутый аппарат. Марен уже начала искать инструменты.

— Нам нужно его передвинуть...

Кейл одной рукой оттолкнул машину в сторону. Марен

посмотрела на него.

— Хотя бы дай мне договорить.

В следующей лаборатории ждали двое сильно разложившихся заражённых. Оба отступили, увидев Кейла, но один уже начал мутировать. Агрессия оказалась сильнее инстинкта, предупреждавшего держаться подальше. Он напал. Через несколько секунд его не стало. Марен стояла в дверях.

— Хорошо. Дальше.

Она начинала привыкать к его эффективности. Жилой сектор сотрудников сохранился куда лучше. Большинство людей эвакуировались настолько поспешно, что бросили почти всё. Марен открыла одну кладовую и застыла в дверях.

— Кейл.

Он подошёл.

— Мы богаты.

Комната была забита нераспечатанными запасами. Салфетки. Чистящие средства. Простыни и полотенца. Мыло и туалетные принадлежности. Средства женской гигиены. Даже запечатанные упаковки нижнего белья и простой одежды. Марен сразу вошла внутрь.

— Всё это оставляем.

Кейл смотрел.

— Особенно это.

Она похлопала ладонью по упаковке прокладок.

— Ты больше никогда не заставишь меня пользоваться урологической прокладкой.

Никто не мог обещать, что следующий месяц вообще наступит, но хотя бы об этом теперь можно было не беспокоиться. Глубже они нашли медицинские склады — обезболивающие, антибиотики, бинты, дезинфицирующие средства и препараты, названий которых Марен не знала. Незнакомые лекарства она не трогала и рассортировала только то, в чём разбиралась. Склад за столовой для персонала оказался ещё впечатляющее. Ящики сухих продуктов. Бутилированная вода. Большинство замороженной еды испортилось, но консервы и герметично упакованные продукты сохранились. Марен встала посреди склада и начала считать.

— Если нас только двое...

Она посмотрела на Кейла и вспомнила, как мало он ест.

— Точнее, в основном я.

Он смотрел на неё.

— Этого хватит надолго.

Впервые мысль оформилась окончательно. «Нексус» был не просто подземной лабораторией. В нынешнем мире это была прекрасная база. Толстые стены. Мало входов. Автономные подземные системы. Вода, запасы, медицинское оборудование, машины и средства безопасности. Если аккуратно расчистить комплекс, здесь можно прожить очень долго.

— Теперь понятно, почему они так не хотели его бросать,
— пробормотала Марен.

Хотя во время эвакуации они оставили внутри и её, и Кейла. Вероятно, вопрос был не в желании остаться. У них про-

сто закончилось время.

* * *

В охранном крыле Марен нашла небольшую оружейную. Дверь была заперта. Она изучила замок и посмотрела на Кей-ла. Он протянул руку. Марен тут же подняла ладонь.

— Подожди.

Он остановился.

— Нельзя ломать каждую запертую дверь. Эта нам потом ещё понадобится.

Она обыскала соседние кабинеты и нашла карту доступа администратора. Красный сигнал. Попробовала другую. Снова ничего. Через пять минут Марен молча положила карту на стол.

— Ломай.

Замок хрустнул. Марен посмотрела на открытую дверь.

— Начинаю думать, что ключи — пустая трата времени.

Большинство оружия забрали во время эвакуации, но несколько пистолетов остались. Рядом лежали боеприпасы, защитные жилеты и дубинки. Марен совершенно не доверяла своим навыкам обращения с огнестрельным оружием. Она выбрала дубинку, а пистолеты оставила на месте.

— Потом найду инструкцию, — сказала она самой себе.

— Или кого-нибудь, кто сможет меня научить.

Слова заставили её замолчать. Кого? Она даже не знала, осталось ли в мире место, где можно чему-то безопасно учиться. Кейл взял пистолет и начал разглядывать. Марен

отреагировала мгновенно.

— Не играй с этим.

Он положил оружие обратно. Она невольно рассмеялась.

— Ты слушаешься лучше меня самой.

* * *

К тому времени, когда они добрались до В9, где-то наверху уже наступила ночь. Под землёй смысл времени сохраняли только часы Марен и даты, отмеченные ею на стене. Нулевой сектор почти не изменился. Они ушли настолько внезапно, что всё осталось на своих местах. Продукты, которые она раскладывала, лежали в кладовой. Кровать стояла в комнате. Даже стул, которым она когда-то подпирала дверь, всё ещё находился в углу.

Марен долго смотрела вокруг. В первый раз, оказавшись здесь, она хотела только одного — выбраться. Теперь она побывала снаружи. Увидела город. Нашла мать. Встретила выживших. Увидела, какими мерзкими могут становиться люди. И вернулась. Марен поставила сумку на стол.

— На сегодня хватит.

Кейл ничего не сказал.

— Завтра продолжим расчищать верхние уровни.

Она начала загибать пальцы.

— Нужно привести в порядок жилой сектор сотрудников, укрепить вход, проверить гараж и найти рабочую машину, посмотреть, сколько топлива осталось для генераторов, и убедиться, что с водой всё нормально.

На середине списка Марен поймала себя на мысли. Она так естественно планировала завтрашний день, словно собиралась остаться здесь надолго. Марен покачала головой.

— Раньше я работала в администрации.

Кейл посмотрел на неё.

— Теперь управляю подземной базой.

Он понятия не имел, что именно показалось ей смешным в такой смене карьеры. Марен пошла в спальню. Старое постельное бельё нужно было заменить, поэтому она достала новый комплект из найденных запасов. Рядом с кроватью положила ожерелье матери. Телефон — рядом. Заряда в нём не было, но она всё равно принесла его домой. У Кейла почти не было личных вещей. Строго говоря, раньше он вообще ничем по-настоящему не владел.

И всё же теперь несколько его рубашек лежали в комнате, а возле кровати находились предметы, которыми он время от времени пользовался. Их жизни успели переплестись так незаметно, что Марен не уловила момента. Закончив застилать кровать, она вспомнила об обычных спальнях наверху.

— На верхних этажах есть комнаты.

Кейл посмотрел на неё.

— Более нормальные. И окна там лучше.

Ничего. Марен продолжила раскладывать одежду.

— Я могла бы перебраться наверх.

Тишина позади стала слишком полной. Марен обернулась. Кейл стоял и смотрел на неё. Она поняла сразу.

— Ты не хочешь, чтобы я переезжала?

— Нет.

Ответ прозвучал без малейшей задержки. Марен улыбнулась.

— Почему?

— Здесь.

— Что «здесь»?

Объяснить он не смог. Но Марен, кажется, и так понимала. Кейл прожил здесь неизвестное количество лет. Последний месяц здесь была и Марен. Возможно, Нулевой сектор стал единственным местом, где её присутствие закрепились в его сознании как нечто постоянное. Она немного подумала и убрала одежду обратно в шкаф.

— Хорошо. Пока останемся здесь.

Кейл смотрел на неё.

— Не потому, что ты сказал мне не переезжать, — быстро добавила она. — Просто не хочу таскать всё наверх.

Он продолжал смотреть.

— И что должен означать этот взгляд?

Ответа не было. Марен фыркнула.

— Я в душ.

* * *

Горячая вода смыла пыль прошедшего дня и наконец вернула Марен ощущение, что она снова человек. Когда она вышла, Кейл уже лежал на кровати. Марен подошла, вытирая волосы полотенцем.

— Подвинься.

Он подвинулся. Марен легла рядом. Когда-то эта кровать казалась ей слишком узкой. Теперь она привыкла делить её с ним. Марен выключила лампу, и комната погрузилась в полумрак. В стенах тихо шелестела вентиляция. Большая часть исследовательского комплекса всё ещё оставалась нерасчищенной. За защитной дверью на В6 сидело что-то опасное. Что ещё могло обитать в глубоких лабораториях, никто не знал. На завтра уже набралось слишком много работы. Марен некоторое время лежала молча. Потом сказала:

— Завтра продолжим.

Кейл повернул голову к ней.

— Верхние жилые помещения. Гараж. Генераторы. Вход.

Она перечислила задачи одну за другой. И остановилась. Мы. Она уже несколько раз сказала это слово. Кейл наверняка заметил, хотя никогда не указал бы на это так, как обычный человек. Марен повернулась на бок к нему лицом.

— С этого момента это место... — Она огляделась. — Пока что наше.

Кейл смотрел на неё. Через несколько секунд спросил:

— Дом?

Марен замерла. Она вспомнила, что сказала прошлой ночью, пока он нёс её на руках. Пойдём домой. Это было импульсивное слово. Но теперь, услышав его снова, она вдруг почувствовала весь смысл. Это место никогда не было домом. Тюрьма. Лаборатория. Место, куда её бросили против

воли. Но теперь двери открыты. Она могла уйти когда угодно. Никто не наблюдал за ней. Никто не решал, когда ей есть. Никто не мог помешать ей выйти наружу. И всё же она вернулась сюда сама. После короткой паузы Марен кивнула.

— ...Да. Пока что.

Кейл протянул руку и положил ладонь ей на талию. Она не стала убирать её, но сразу добавила:

— Только одно правило.

Он смотрел на неё.

— Это место может быть нашим. — Марен обвела комнату рукой. — Вещами здесь мы тоже можем пользоваться вместе.

Потом указала на себя.

— Но я не вещь.

— Моя.

Марен помрачнела.

— Ты вообще ничему не научился.

Она ладонью отвернула его лицо к другой стороне кровати.

— Спи.

Марен повернулась к нему спиной. Через несколько секунд Кейл снова придвинулся. Его рука обхватила её сзади. Она почти начала ругаться. Но вместо этого только вздохнула и осталась лежать. Комната стихла. Месяц назад, засыпая здесь, Марен думала только о побеге. Теперь в «Нексусе» не осталось никого, кто мог бы удержать её силой. И впервые

она поймала себя на том, что думает не о том, как уйти, а о том, какой сектор расчистить завтра.

Сколько еды отложить. Как укрепить вход. Заведётся ли хоть одна машина в гараже. Возможно, дом — это не место, где тебе гарантирована безопасность. Возможно, это просто место, откуда ты свободен уйти — и всё равно выбираешь вернуться.

Глава 15 — Дом

К третьему месяцу апокалипсиса Марен почти перестала считать отметки на стене. Сначала она каждый день вырезала новую черту возле жилых помещений Нулевого сектора. Каждая напоминала: ещё один день она провела запертой под землёй. Потом перестала. Не потому, что забыла. Просто слово «заперта» больше не подходило. Никто не запирает двери «Нексуса». Марен могла уйти в любой момент. Несколько машин на наземной стоянке всё ещё заводились. Она пересчитала консервы и герметично упакованные продукты, проверила систему очистки воды и составила простую таблицу расхода топлива для резервных генераторов.

Все эти годы с таблицами, письмами и административной работой каким-то образом оказались подготовкой к концу света. Иногда Марен не знала, смеяться ей или плакать. Она нашла несколько пустых журналов и сразу пустила их в дело. Один — для продуктов. Один — для лекарств. Третий — для топлива и запасных деталей. В первый раз, когда Кейл увидел её за столом с ручкой в руке, он долго стоял рядом. Марен не подняла головы.

— Что?

Он промолчал.

— Я раньше этим на жизнь зарабатывала.

Кейл продолжал смотреть. Она перевернула страницу.

— Ты ломаешь двери. Я считаю, сколько у нас осталось запасов.

— Да.

— По-моему, очень справедливое распределение обязанностей, не находишь?

Разумеется, он не ответил. Марен привыкла. За три месяца жилой уровень изменился полностью. Они сняли все камеры. Последнюю — две недели назад. Марен стояла в конце коридора и смотрела на устройство под потолком. Связь с удалённой системой камера потеряла давно. Никто уже не мог наблюдать через неё. Но Марен всё равно ненавидела её. Один взгляд возвращал её в тот день, когда её впервые бросили в Нулевой сектор: люди прекрасно знали, что происходит, и не сделали ничего — только смотрели через объектив.

— Эту тоженими.

Кейл поднял руку. Хруст. Камера оторвалась вместе с креплением и куском стены. Марен посмотрела на новую дыру.

— Я сказала снять камеру.

Кейл бросил её в ближайшую корзину.

— Не стену.

Он посмотрел на Марен с полнейшим безразличием. Дыру она заделывала сама. После этого Марен окончательно отказалась от попыток научить Кейла понятию «аккуратно разобрать». Работа, на которую с инструментами уходило десять минут, занимала у него три секунды. Правда, всё, к чему

нужный предмет был прикреплѐн, нередко становилось сопутствующим ущербом. Зато там, где они жили, камер больше не осталось.

Никаких наблюдателей за стеклом. Никаких исследователей. Никто не записывал, что ест Кейл, сколько времени он смотрит на неё и что Марен ему говорит. Ей нравилась эта тишина. Кейл тоже, кажется, всё реже смотрел на места, где раньше висели камеры. Марен не знала, понимал ли он разницу. Но эта часть «Нексуса» больше не ощущалась лабораторией. По крайней мере, те участки, где они действительно жили.

Несколько глубоких зон они вообще не трогали: внутреннее изоляционное крыло на В6, старый экспериментальный уровень и две тяжѐлые защитные двери, остававшиеся запёртыми ещё до эвакуации. Поначалу Марен было любопытно. В первый раз, когда она остановилась возле одной из дверей, изнутри донёсся слабый скребущий звук. Она некоторое время изучала дверь.

— Там всё ещё кто-то есть?

— Да.

— Кто?

— Проблема.

На слово «проблема» у Марен уже выработался условный рефлекс.

— Оно может выбраться?

— Нет.

— Дверь сломается?

— Нет.

— Тогда неважно.

Она развернулась и ушла. В мире и без того хватало существ, желавших её укусить, съесть или куда-нибудь утащить. Выпускать наружу ещё одну «проблему» только ради любопытства не было никакой необходимости. Пока оно оставалось внутри, Марен была совершенно счастлива оставить всё как есть. Она даже приклеила на дверь написанную от руки табличку: НЕ ОТКРЫВАТЬ. Посмотрев на неё несколько секунд, Марен сказала:

— Это в основном для меня.

Кейл стоял рядом. Она указала на дверь.

— Но и ты не открывай её просто потому, что тебе скучно.

— Не буду.

— Хорошо.

В «Нексусе» установилось странное равновесие. Обитаемые этажи с каждым днём всё больше напоминали обычный дом. Запечатанные лаборатории продолжали существовать так, словно их не существовало вовсе. Они не трогали друг друга. Марен такая договорённость полностью устраивала.

* * *

Обычные заражённые внутри «Нексуса» тоже постепенно исчезли. Не потому, что всех убили. Большинство Марен просто выгнала наружу. Началось всё случайно. Однажды днём она разбирала хозяйственные запасы возле входа

на поверхность, когда внутрь забрёл заражённый в старом лабораторном халате. На груди всё ещё висела половина служебного пропуска. Лицо разложилось до полной неузнаваемости. Марен держала коробку стирального порошка. Первой реакцией был не страх. Раздражение.

— Ты опять откуда сюда залез?

Заражённый остановился. Марен поставила коробку на пол.

— Наружу.

Она сказала это не задумываясь и уже собиралась позвать Кейла. Существо несколько секунд стояло неподвижно. Потом развернулось и медленно побрело обратно к выходу. Марен застыла. Она смотрела, как оно пересекает парковку. Назад заражённый не вернулся. Марен медленно оглянулась через плечо. Кейл стоял неподалёку.

— Ты это видел?

— Да.

— Оно меня поняло?

Он смотрел на неё. Марен указала на вход.

— Я сказала ему уйти, и оно ушло.

— Да.

Её глаза расширились.

— Ты уже знал?

Ответа не было. Злиться на него сил уже не осталось. Вместо этого Марен вышла наружу. По парковке бесцельно бродили несколько заражённых. Она выбрала ближайшего.

— Стой.

Ничего.

— Не двигайся.

Существо до этого волочило ноги между машинами. Через несколько секунд оно замедлилось и остановилось. Марен моргнула. Указала за ограду.

— Туда.

Заражённый вяло развернулся и пошёл прочь. Марен долго стояла на месте. Потом посмотрела назад.

— Кейл.

— Да?

— Тебе не кажется это странным?

Ему явно не казалось. Остаток дня Марен провела, проверяя границы этой способности. Сложные команды были бесполезны.

— Иди туда и вернись.

Никакой реакции.

— Пройди кругом.

Ничего. Зато простые указания работали. Стой. Выйди. Туда. Не заходи. Когда Кейл находился рядом, реакция становилась заметно сильнее. В конце концов Марен решила, что заражённые чувствуют на ней что-то от Кейла — какой-то след, из-за которого простейшие команды воспринимаются ими как предупреждение, которому нельзя не подчиниться. Как именно это работало, она понятия не имела. Никакого необычного запаха на себе Марен не чувствовала.

Однажды даже подняла руку и слишком долго нюхала собственную кожу.

— Что на мне есть?

Кейл посмотрел на неё.

— Ничего.

— У тебя всегда «ничего». — Марен сердито посмотрела на него. — Это твой ответ на всё.

Кейл подошёл ближе. Она сразу подняла руку.

— Я не просила тебя меня нюхать.

Он остановился. Вся ситуация была нелепой.

— Забудь.

Что бы это ни было, вреда Марен оно не причиняло. Она начала по одному выгонять обычных заражённых из «Нексуса». Через несколько недель территория вокруг комплекса выглядела абсурдно. Парковка. Повреждённая ограда. Дорога снаружи. Заражённые были повсюду. Иногда десятки. Иногда больше. На самом деле они ничего не охраняли. Просто бесцельно бродили. Но любой обычный выживший, посмотрев издали, сделал бы один вывод: «Нексус» пал окончательно. Однажды Марен стояла у окна второго этажа и наблюдала, как толпа бродит между брошенными машинами. Она была довольна.

— Лучше стены.

Кейл стоял за её спиной. Марен указала вниз.

— Бесплатная охрана.

— Да.

— И зарплату платить не надо.

Потом она задумалась о том, чем питаются её новые «охранники».

— Ладно, неважно.

Марен опустила жалюзи.

— Питание сотрудников мы обсуждать не будем.

С этого дня внутри «Нексуса» становилось всё чище. Обычных заражённых Марен отправляла наружу. С немногочисленными мутантами высокого порядка, которых прогнать не удавалось, разбирался Кейл. Запечатанные сектора оставались запечатанными. Что бы ни жило внутри, оно не выходило, а они не заходили. Снаружи был ад. Внутри всё больше становилось похоже на дом.

* * *

Примерно тогда Кейл начал приносить домой странные вещи. Поначалу находки были вполне разумными. Еда. Вода в бутылках. Лекарства. Одежда. Обувь. Шампунь. Однажды он вернулся с целым ящиком любимого баночного кофе Марен. Она уставилась на коробку.

— Откуда ты знал?

Кейл не ответил. Лишь позже Марен вспомнила, что несколько дней назад надолго задержалась возле пустой полки магазина с тем же логотипом. Он запомнил. Когда такое повторилось несколько раз, она перестала удивляться. Однажды Марен машинально потрогала плюшевого медведя, неплохо сохранившегося среди развалин. Через два дня

Кейл притащил его домой. Игрушка была почти с половину её роста. Марен стояла у входа, переводя взгляд с медведя на Кейла.

— Я его только потрогала.

— Ты смотрела.

— Если я на что-то смотрю, это не значит, что я этого хочу.

Медведь остался. Иногда Марен прислонялась к нему, когда читала. В конце концов решила, что он не так уж плох. А потом однажды вернулась из прачечной, открыла дверь спальни — и застыла. Кровать была завалена кружевами, ремешками и подозрительно маленькими кусочками ткани. У нескольких комплектов явно была определённая тема. Медсестра. Горничная. Кошачьи ушки. Один предмет Марен изучала целую минуту и так и не поняла, каким образом человек вообще должен это на себя надеть. Она медленно положила его обратно на кровать. И повернулась. Кейл сидел на краю матраса с совершенно спокойным видом.

— Откуда это всё?

Без ответа.

— Куда ты сегодня ходил?

Тишина. Марен подняла трусики, почти полностью состоявшие из одной верёвочки.

— Ты знаешь, что это?

Кейл посмотрел.

— Надень.

Марен уставилась на него. Наверняка ей послышалось.

— Что?

— Надень.

— Нет.

Кейл смотрел на неё. Она бросила клочок ткани обратно на кровать.

— Где ты вообще узнал про всё это?

Ответа не было.

— Кто тебя научил?

Молчание. В голове возникла совершенно нелепая картина: Кейл заходит в торговый центр или магазин для взрослых, без выражения стоит перед витринами и приходит к предельно простому выводу. Женщины это носят. Мужчины это нравится. Значит, Марен тоже может это носить. Лицо загорелось уже от одного представления.

— Вот чему ты учишься, когда выходишь один?

Кейл указал на кровать.

— Надень.

— Нет.

Марен собрала всю кучу, собираясь запихнуть её в шкаф. Не успела сделать и шага, как Кейл прижался к ней сзади. Она остановилась.

— Что ты делаешь?

Его подбородок устроился возле её плеча, руки обхватили талию. Он молчал. Марен нахмурилась.

— Если ты меня обнимаешь, это всё равно не сработает.

Кейл легко потёрся лицом о её шею. Всё тело Марен застыло. Она медленно повернула голову.

— Что это сейчас было?

Он повторил. На лице Марен появилось чистое недоверие.

— Ты... дуешься?

Кейл посмотрел на неё. Марен чуть не рассмеялась от бессилия.

— Чему ты там вообще учишься снаружи?

Разумеется, он не ответил. Она шагнула вперёд. Кейл пошёл следом. Марен остановилась. Он тоже — всё ещё прижавшись к ней.

— Отпусти.

Руки слегка ослабли. Но он не отошёл. Марен посмотрела на ворох вещей у себя в руках и задумалась, не сотрёт ли этот мужчина однажды всю её способность сопротивляться.

— Раньше ты таким не был.

Кейл смотрел.

— Раньше просто стоял и пялился.

Теперь он освоил тактику. Ещё через несколько минут Марен закрыла глаза.

— Один раз.

Кейл тут же поднял голову. Слишком быстро, чтобы скрыть заинтересованность. Марен немедленно пожалела обо всём.

— Можно хотя бы не делать это настолько очевидным?

Он уже рассматривал вещи на кровати.

— Я выбираю сама.

Кейл не возразил. Марен перебирала комплекты, пока не нашла тот, в котором было достаточно ткани, чтобы хотя бы отдалённо напоминать одежду. У двери ванной она обернулась.

— Ты со мной не заходишь.

Кейл остановился снаружи.

— И не подглядываешь.

Ответа не было.

— Кейл.

— Да.

Только тогда она закрыла дверь. Переодевшись, Марен молча стояла перед зеркалом. Щёки медленно краснели.

— Я сошла с ума.

Мир закончился. Она жила в подземной лаборатории. И сейчас надела бельё для экспериментального объекта, который мог быть старше неё на десятки лет. Если бы мать узнала, Марен подозревала, что та действительно выбралась бы из могилы. Она глубоко вдохнула и открыла дверь. Кейл ждал. Увидев её, он замер. Марен и до этого было неловко. Под его ничем не скрытым взглядом лицо запылало.

— Если будешь так смотреть, я переоденусь обратно.

Кейл подошёл.

— Эй.

Марен отступила.

— Я сказала, что позволю тебе посмотреть. Я не говорила, что...

Договорить она не успела. Той ночью они легли очень поздно. Утром Марен понятия не имела, куда делся комплект. Позже она нашла часть возле кровати, молча подняла её и запихнула всё оставшееся бельё на самую нижнюю полку шкафа. Кейл потянулся к дверце. Марен резко прижала ладонь к ней.

— Не сегодня.

Он посмотрел на неё.

— Это выражение лица не поможет.

Кейл подошёл ближе. Марен выставила руку, не пуская его.

— И дуться тоже бесполезно.

Он продолжал прижиматься. Марен выдержала примерно пять секунд.

— ...Не раньше завтра.

Она закрыла глаза, снова раздражаясь на саму себя. Кейл, однако, обещание явно запомнил.

* * *

Примерно в то же время Марен наконец задумалась о проблеме, которую слишком долго игнорировала. Контрацепция. Она сортировала медицинские запасы, когда нашла упаковку просроченных противозачаточных таблеток. Руки замерли. В голову пришло очень практичное осознание. Они с Кейлом уже несколько месяцев не использовали никакой

надёжной защиты. Марен села прямо на пол и молча перебрала в памяти всё, что было.

Чем больше вспоминала, тем страннее становилось выражение лица. Кейл никогда не понимал, что такое контрацепция. Он почти каждый раз заканчивал одинаково, а Марен редко всерьёз пыталась этому помешать. Она прижала ладонь ко лбу.

— Подожди.

Марен начала считать даты. В прошлом месяце менструация была обычной. В позапрошлом тоже. В теле ничего не ощущалось иначе. Она немного расслабилась и посмотрела в сторону Кейла, который переносил коробки по комнате. Он не был нормальным. Марен даже не была уверена, что его вообще можно считать человеком в обычном смысле. Пулевые ранения затягивались за минуты. Заражённые его избегали.

Мутанты боялись. «Нексус» изучал его десятилетиями, так и не выяснив, сколько он способен жить. А что с репродуктивной системой? Работала ли она так же, как у обычного человека? Мог ли он оплодотворить человеческую женщину? Никто не знал. Чем дольше Марен об этом думала, тем правдоподобнее казался один ответ. Может быть, не мог. Иначе за все эти месяцы разве ничего бы не произошло?

Прислонившись к шкафу, Марен сама пришла к выводу. Вероятно, она от него не забеременеет. Никаких медицинских оснований для такого решения не было. Никаких отчё-

тов. Она даже не спросила Кейла, потому что смысла почти не было. Разговор легко представлялся заранее. Ты можешь сделать женщину беременной? Не знаю. На этом всё бы закончилось. Марен бросила просроченные таблетки обратно в коробку и перестала думать о проблеме.

Чего она не знала: у Кейла не было никакой особой неспособности зачать ребёнка с человеческой женщиной. О детях он просто никогда не думал. А причина, по которой он каждый раз предпочитал заканчивать одинаково, была намного проще, чем представляла Марен. Ему нравилось ощущение, будто он оставляет себя внутри неё полностью. Вот и всё. Приведёт ли это однажды к чему-то ещё, не знал ни один из них.

* * *

За три месяца Марен успела по-другому понять Кейла. Она не забыла, что произошло вначале. И никогда не собиралась делать вид, будто этого не было только потому, что позже жизнь между ними стала легче. Некоторые травмы нельзя стереть последующей добротой. Марен это знала. Но после месяцев жизни рядом с другим существом становилось трудно навсегда определять его только первым днём.

Теперь Кейл останавливался, когда она говорила «нет». Понимал, что нельзя давить на неё, когда ей плохо. Когда Марен плакала, оставался рядом. Приносил шоколад. Нашёл средства гигиены — пусть первая попытка включала урологические прокладки, полотенца и несколько совершенно

бесполезных вещей. Нашёл нижнее бельё, хотя в первый раз ни один размер не подошёл. Теперь он стал ещё нелепее.

Приносил кружевное бельё и каким-то образом научился дуться. Если Марен слишком долго на что-то смотрела, через несколько дней эта вещь появлялась в «Нексусе». Он даже начал самостоятельно складывать грязную одежду в корзину для белья. Первый раз, обнаружив это, Марен дважды всё проверила.

— Ты сам это сюда положил?

— Да.

Она указала на корзину.

— Я тебе не напоминала?

— Нет.

Марен удовлетворённо кивнула.

— Наконец-то я тебя научила.

Обычный взрослый мужчина не заслуживал похвалы за то, что пользуется корзиной для белья. Для Кейла это был огромный прогресс. Изменилось и её представление о нём. Он не был хорошим человеком. По крайней мере, по обычным человеческим меркам назвать его таким было невозможно. Но и злом в привычном смысле он тоже, похоже, не был. Большую часть времени Кейл просто не знал правил этого мира.

Он не понимал, почему обязан остановиться, если женщина говорит «нет». Не понимал, почему люди скорбят, когда умирает кто-то любимый. Ничего не знал об утешении, по-

дарках, семье, манерах и о том, почему невежливо смотреть на человека, пока тот переодевается. Он прожил неизвестное количество лет, но некоторые его части напоминали дурака, которого только что впервые познакомили с человечеством.

Дурака, способного голыми руками убить чудовище. И с ужасным характером. Иногда это противоречие казалось Марен абсурдным. Но по сравнению с людьми, которые улыбались, обещали ей безопасность и втайне подсчитывали, сколько она стоит, Кейл был прост. Нравится означало нравится. Хочет — значит хочет. Ненавидит — значит ненавидит. Если он хотел кого-то убить, иногда прямо так и говорил.

— Убить.

Ей никогда не приходилось гадать. Теперь, когда мир стал таким, иметь рядом кого-то оказалось не так уж плохо. По крайней мере, скучно с ним не было никогда. В последнее время Марен всё чаще приходила к этой мысли. Любовью она это не называла. Она вообще не знала, понимает ли Кейл, что такое любовь. Знала только, что просыпаться рядом с ним больше не раздражало. Иногда, если рука нащупывала на кровати пустое место, Марен сразу открывала глаза. А потом выяснялось, что он просто вышел за припасами. Он всегда возвращался. Вот и всё.

* * *

Снаружи тем временем начали распространяться слухи о них. Начались они с выжившего из лагеря Даррана. После

падения лагеря мужчина прошёл много километров, прежде чем его приняло другое поселение. Сначала никто не поверил рассказу.

— Мужчина, — говорил он. — В него стреляли снова и снова. Он не умер.

Кто-то рассмеялся.

— Человек с Силой?

Выживший покачал головой.

— Нет.

— Откуда ты знаешь?

— Я видел людей с Силами. — Черты его лица напряглись. — Это было другое.

— Какое?

Мужчина долго молчал.

— Заражённые его боялись.

Смех стих.

— Что значит «боялись»?

— Именно это и значит. Они не просто не замечали его. И не просто не нападали.

Он сглотнул.

— Они отступали.

Кто-то спросил:

— А женщина?

Выражение лица выжившего стало сложнее.

— Её они тоже не трогали.

— У неё Сила?

— Не знаю.

— Что она умеет?

Выживший вспомнил, как стоял на коленях в грязи. Кейл уже подошёл. Мужчина точно знал, что умрёт. А потом Марен сказала два слова. Отпусти его. И Кейл остановился. Наконец выживший ответил:

— Она может заставить его слушаться.

Эта история распространилась быстрее, чем рассказ о мужчине, которого не берут пули. Она переходила из лагеря в поселение, от сборщиков припасов к незнакомцам на дорогах. Каждая новая версия становилась всё невероятнее. Сначала в Грейхейвене был просто мужчина, который слишком быстро заживал. Потом заражённые перестали нападать на него. Потом его начали бояться мутанты. Одни говорили, что он способен управлять мёртвыми.

Другие настаивали: мёртвыми управляет женщина рядом с ним. Люди даже дали ему имя. Король. Так называли его не все. Для некоторых выживших это было наполовину шуткой, наполовину страхом. У Грейхейвена есть Король. Пули его не убивают. Заражённые перед ним расступаются. А рядом всегда женщина. Слухи породили и куда более опасный вывод. Если женщина способна заставить его остановиться — сможет ли тот, кто захватит её, управлять им?

Никто не знал. Как никто не знал и того, где они живут. Любой выживший, подходивший близко к «Нексусу», старался обходить район широкой дугой. На нарисованных от

руки картах его отмечали как зону чрезвычайно высокой концентрации заражённых. Рядом постоянно бродили десятки зомби. Нередко — ещё больше. Казалось невозможным, чтобы здесь кто-то жил. Никому не приходило в голову, что подземные уровни расчищены.

Что по ночам горит свет. Что там есть горячая вода, кухня, чистые простыни и целый шкаф одежды, которую Марен отказывалась признавать, что действительно надевала. Пока слухи становились всё фантастичнее, сам Король стоял на кухне, прижавшись к Марен сзади. Она готовила ужин.

— Ты горячий.

Он не сдвинулся.

— Я пытаюсь готовить.

По-прежнему прилип к ней.

— Тебе целый день больше нечем заняться?

Кейл положил подбородок ей на плечо. Марен ещё три секунды помешивала суп. Потом сдалась.

— Ладно.

Снаружи люди представляли его чудовищем, которое умеет командовать мертвецами. Марен считала его прилипчивым.

* * *

Через три месяца после эвакуации у Вейры всё ещё не было надёжной информации ни о Кейле, ни о Марен. Ни одного подтверждённого сообщения. Временная исследовательская база находилась слишком далеко от Грейхейвена. Уда-

лённые системы «Нексуса» вышли из строя вскоре после эвакуации, а последние подтверждённые изображения относились ко времени до полной потери связи с подземным комплексом.

После этого — ничего. Больше девяноста дней без видео, показателей жизнедеятельности, данных среды и вообще хоть какой-то информации, способной доказать, что происходило в Нулевом секторе. Сначала исследовательская группа обсуждала это каждый день. Потом — раз в несколько дней. В конце концов текущий статус Кейла в отчётах свёлся к одному слову. Неизвестно. В тот день один исследователь положил на стол Вейры последнюю восстановленную часть старых архивов.

— Источник первоначальных образцов мы всё ещё не нашли.

Вейра открыла файл.

— Сколько данных отсутствует?

— Больше, чем мы ожидали.

— Удалено намеренно?

— Мы не можем быть уверены.

Исследователь замялся.

— Есть ещё кое-что.

Вейра подняла глаза.

— Прошло девяносто семь дней.

Она поняла, к чему он ведёт.

— «Нексус» так и не восстановил связь.

— Я знаю.

— Как думаете, NX-01 всё ещё внутри?

Вейра ответила не сразу. Они спорили об этом не раз. Одни считали, что Кейл никогда не уйдёт. За десятилетия заключения он ни разу не предпринимал длительной, последовательной попытки выбраться из Нулевого сектора. Даже когда дверь не открывалась, он редко демонстрировал явное желание покинуть его. Другие полагали, что падение «Нексуса» настолько изменило среду, что Кейл всё-таки вышел наружу. Некоторые считали Марен уже мёртвой. Каждый человек, долго находившийся рядом с Кейлом, в конце концов плохо кончал. Возможно, Марен просто продержалась дольше остальных.

— А женщина? — спросил исследователь. — Как вы думаете, что произошло с ней?

Вейра перевернула страницу.

— Нет данных, подтверждающих любой ответ.

— Если она жива, она уже превысила все исторические показатели.

— Да.

— А если умерла?

Пальцы Вейры остановились.

— Тогда и это остаётся неизвестным.

Исследователь прислонился к столу.

— Я всё равно не понимаю.

— Чего?

— Почему мы оставили её там?

Вейра подняла глаза.

— Потому что условий для безопасного извлечения больше не существовало.

— Это была единственная причина?

Вейра не ответила. Конечно, нет. В последние дни именно изменившееся поведение Кейла по отношению к Марен убедило её не открывать В9. Он слушался женщины. Не каждый раз, но достаточно часто, чтобы это не имело прецедентов. Кейл никогда не страдал от непонимания инструкций. У него просто никогда не было причины сотрудничать. Марен стала первым исключением. Теперь Вейра даже не знала, сколько это исключение прожило.

— Отсутствие новостей не доказывает смерть, — сказала она.

— Но и не доказывает, что они всё ещё внутри.

— Именно поэтому их статус — неизвестен.

В комнате стало тихо. Через некоторое время Вейра придвинула восстановленный архив обратно через стол.

— Продолжайте расследовать первоначальный проект.

— А NX-01?

— Без данных мы не строим предположений.

— А если однажды он появится?

Вейра подняла глаза.

— Тогда и будем решать.

Она изучала Кейла слишком долго. Именно поэтому по-

нимала: неопределённость безопаснее любого ложного вывода. Она не знала, где Кейл. Не знала, жива ли Марен. Не знала, покидал ли кто-нибудь из них «Нексус» и во что в итоге превратилось аномальное наблюдение, оставленное ею в Нулевом секторе. В трёхстах километрах от неё двое испытуемых, чьё выживание она не могла подтвердить, спорили из-за пары кошачьих ушек.

* * *

Вечером Марен вышла из душа и открыла шкаф. На нижней полке явно кто-то копался. Она медленно повернулась. Кейл сидел на кровати с кошачьими ушками в руке. Марен уставилась на него.

— Положи обратно.

Он посмотрел на неё.

— Сегодня я их не надену.

Кейл продолжал смотреть.

— Мы это вчера обсуждали.

Он встал. Марен сразу отступила.

— Не подходи.

Кейл приблизился.

— Дуться бесполезно.

Он опустил голову и уткнулся лицом ей в шею. Марен закрыла глаза.

— Кто тебя этому научил?

Ответа не было.

— Больше никогда не отпущу тебя одного наружу учиться

странным вещам.

Кейл обнял её. Марен держалась некоторое время. Потом забрала у него ушки.

— Только это.

Кейл поднял голову.

— Одежду я менять не буду.

Он смотрел на неё.

— И это не обсуждается.

Кейл продолжал смотреть. Марен надела ушки, уже чувствуя, как нагревается лицо.

— Доволен?

Он смотрел долго.

— Да.

Она сняла их и бросила ему на колени.

— Всё. Закончили.

Марен забралась в кровать. Кейл быстро лёг следом. На тумбочке горела одна лампа. Ожерелье матери лежало на привычном месте. На столе — листы учёта, которые Марен обновляла днём. Снаружи по территории бродили десятки заражённых. Запечатанные лаборатории глубоко под землёй молчали. Двери оставались закрытыми. Ничто не выходило наружу. Никто не знал, что здесь уже почти три месяца кто-то живёт.

Никто не знал, что самый глубокий уровень, когда-то созданный для заключения экспериментального объекта, теперь содержал две подушки, общий шкаф, две чашки и

остатки супа на кухне. Марен некоторое время лежала неподвижно. Кейл придвинулся к ней сзади. Она не прогнала его.

— Завтра мне нужно выйти наружу.

Кейл открыл глаза.

— У нас почти закончился стиральный порошок. И кофе тоже.

Марен помолчала.

— И ты больше не идёшь ни в какие странные магазины.

Ответа не было. Она оглянулась через плечо.

— Ты меня услышал?

— Да.

Марен очень сомневалась, что этому ответу можно доверять. И всё же улыбнулась и снова отвернулась. Три месяца назад «Нексус» был клеткой. Каждое утро первой мыслью было: как отсюда выбраться? Теперь двери всегда оставались открыты, а Марен ловила себя на том, что рассчитывает, что ещё нужно их дому. Наверное, именно это было самым абсурдным. Конец света отнял у Марен первый дом. А второй она построила в подземном исследовательском комплексе, окружённом мертвецами. И единственным существом, делившим этот дом с ней, был Кейл — мужчина, которого когда-то держали здесь взаперти как чудовище.

Глава 16 — Отключение

Электричество пропало ровно в 16:17. Марен знала это точно, потому что стояла на кухне и смотрела на часы микроволновки. 16:17. А потом — Щёлк. Мир погрузился во тьму. Свет не мигнул. Напряжение не просело. Просто все звуки исчезли одновременно. Холодильник замолчал. Вентиляция остановилась. Погасли потолочные лампы. Даже аварийное освещение в коридоре продержалось всего несколько секунд, прежде чем тоже умерло. Марен осталась стоять с чашкой в руке. Тьма длилась три секунды.

— ...Да вы издеваетесь.

Никто не ответил. Кейла дома не было. Утром Марен обнаружила, что у них заканчивается стиральный порошок, и составила список других нужных вещей. Кейл выслушал и ушёл один. Перед уходом она особенно подчеркнула один пункт.

— Запчасти.

Кейл посмотрел на неё.

— Не странная одежда.

— Да.

— Надеюсь, это настоящее «да».

Сейчас перспектива того, что он снова притащит кружевное бельё, перестала быть главной проблемой. Электричества не было. Марен поставила чашку на столешницу и на

ощупь открыла ящики. В первом оказались ложки. Во втором — набор маленьких инструментов, которые Кейл за чем-то складывал туда. В третьем — фонарик. Марен включила его. Белый луч вырезал из темноты узкую полосу кухни. Она вышла в коридор так, словно ничего особенного не произошло.

Три месяца назад полный блэкаут, когда Марен одна находилась в Нулевом секторе, заставил бы её гадать, что может подбираться к ней в темноте. Теперь ей не было страшно вообще. По этим коридорам она ходила каждый день. Знала, что находится слева и справа, какие двери закрыты, где начинается лестница и на каком участке пола Кейл оставил повреждение, когда убирал оборудование. Даже тапочки менять не стала, направляясь к энергетическому блоку. На полпути Марен остановилась.

— Холодильник.

Она оглянулась в сторону кухни.

— Я вчера всё там разложила.

Пауза.

— Блядь.

Вот это уже действительно была чрезвычайная ситуация.

* * *

Отключение электричества в подземном комплексе создавало куда больше проблем, чем в обычном доме. Освещение — лишь самое очевидное. Вентиляция, насосы воды, кухонная техника, холодильники, автоматические двери

и десятки систем, названия которых Марен даже не знала, зависели от электричества. К счастью, не все защитные механизмы «Нексуса» питались от одного источника. Некоторые охранные двери оставались заперты.

Несколько изолированных лабораторий использовали автономные механические системы, специально созданные так, чтобы при потере питания полностью блокироваться. Именно их Марен проверила в первую очередь. У самой внутренней двери на В6 основной экран был чёрным. Но возле механического замка всё ещё горел маленький зелёный индикатор. Автономная батарея. Марен наклонилась ближе. Изнутри не доносилось ни звука. Она легко постучала по металлу.

— Ты продолжай сидеть там.

Ничего не ответило.

— Прекрасно.

Марен ушла. Две другие зоны, которые Кейл назвал «проблемой», тоже были надёжно заперты. Только тогда она окончательно расслабилась. Дом без электричества можно починить. Главное, чтобы отключение не открыло автоматически клетки с чудовищами и не пригласило их выйти поболтать. Тогда всё оставалось вполне решаемым. Перед тем как идти в энергетический блок, Марен даже вернулась на кухню за пачкой печенья.

* * *

Марен не умела ремонтировать генераторы. В этом она

была уверена абсолютно. Поэтому, открывая руководство для технического персонала, не питала никаких иллюзий, будто сейчас всё поймёт. На первой странице были знакомые слова, сложенные в сочетания, не означавшие для неё почти ничего. Она направила фонарик на текст.

— Вспомогательная циркуляция охлаждения...

Ниже.

— Автоматическая тепловая защита...

Марен нахмурилась и перевернула страницу.

— Ручной сброс только после стабилизации температуры.

Она помолчала.

— Отлично. Совершенно непонятно.

Это было не совсем правдой. Названия и цифры она могла сопоставлять. Основное питание. Резервный генератор. Уровень топлива. Система охлаждения. Блок управления. Марен проверяла всё по очереди. Топливо было. Ничего не протекало. В главном шкафу управления не было явных следов перегрева. Она нашла кнопку сброса и нажала. Подождала. Ничего. Нажала снова. По-прежнему ничего.

— Я похожа на человека, которого легко запугать? — спросила Марен у панели управления.

Панель не ответила. Она снова открыла руководство. Работала почти полчаса. Один раз генератор действительно взревел и запустился. Марен едва успела обрадоваться. Через десять секунд он заглох. Она стояла в душном помещении, и пряди волос прилипали от пота к лицу.

— Великолепно.

Марен закрыла руководство.

— На сегодня хватит.

Она не инженер. Если продолжить эксперименты, одна сломанная деталь наверняка превратится в три. Марен умела вовремя остановиться. Она вернулась в жилой сектор, поставила походный фонарь, зажгла две свечи из кладовой для сотрудников и открыла банку еды, которую не требовалось разогревать. Всё выглядело так спокойно, будто в обычном доме просто отключили свет. Марен даже принесла стул к входу в кухню, села и стала есть, ожидая Кейла.

Разберутся, когда он вернётся. Не потому, что Кейл умел чинить генераторы. Вероятно, тоже не умел. Но двое людей, которые ничего не знают, всё же чуть лучше одного. По крайней мере, он сможет передвинуть всё слишком тяжёлое для неё и провернуть всё, что у неё не откручивается. Марен откусила ещё кусок.

— Семейное разделение труда.

* * *

Кейл вернулся почти вечером. Марен услышала, как сдвинулась наружная дверь, затем — шаги. Гадать, кто это, не требовалось. Она осталась на кухне возле походного фонаря. Войдя, Кейл первым делом посмотрел на неё. Марен подняла голову.

— Света нет.

Он огляделся.

— Да.

Она отложила ложку.

— Я знаю, что ты это видишь. Я имею в виду — что-то сломалось.

Кейл подошёл с сумкой в руке. Внимание Марен мгновенно переключилось на неё.

— Что там?

Он передал сумку. Внутри были стиральный порошок, батарейки, несколько напитков, набор инструментов и две металлические детали, назначения которых Марен не понимала. Никакого белья. Облегчение было заметно на её лице.

— Сегодня ты отлично справился.

Кейл смотрел на неё. Марен отложила покупки.

— Я пыталась запустить резервный генератор. Топливо есть, но после запуска он сам выключается.

Она раскрыла руководство, которое успела основательно измучить. Несколько мест были подчёркнуты.

— Думаю, дело может быть вот в этом.

Кейл посмотрел на страницу. Марен две секунды изучала его лицо.

— Ты хоть что-нибудь из этого понимаешь?

— Нет.

— Отлично.

Она забрала книгу обратно.

— Зато мы оба честные.

* * *

В энергетический блок они вернулись вместе. Кейл нёс лампу. Марен — руководство. У генератора она перечислила всё, что уже проверила.

— Топлива достаточно. В основном блоке управления явных повреждений нет. Запускается, но примерно через десять секунд система безопасности его отключает.

Кейл посмотрел на машину.

— Сломан.

Марен повернулась к нему.

— Спасибо. Очень технический диагноз.

Она присела и снова открыла руководство.

— У автоматического отключения несколько распространённых причин. Давление топлива, давление масла, перегрев или циркуляция охлаждающей жидкости.

Марен подняла взгляд.

— При запуске температура растёт слишком быстро.

Кейл промолчал. Она посветила фонарём за генератор. Повсюду тянулись трубы. Часть шла к охлаждающему насосу. Марен сверялась с номерами, пока не нашла нужный.

— Должен быть этот.

Она коснулась корпуса. На вид ничего необычного.

— По инструкции, если охлаждающая жидкость не циркулирует, система должна отключить генератор.

Кейл присел и протянул руку к узлу.

— Подожди.

Он остановился.

— Пока ничего не разбирай. Особенно целиком.

Марен открыла сервисную панель. Одна часть вала насоса явно заклинила. Она попыталась повернуть её инструментом. Ничего. Попробовала снова. Безрезультатно. Марен стиснула зубы.

— Застряло.

Кейл протянул руку.

— Подожди, дай посмотрю, может...

Вал с резким щелчком сорвался с места. Фраза Марен оборвалась. Она посмотрела на насос. Потом на Кейла.

— Иногда я ненавижу, как часто у тебя работает тупая сила.

Кейл жалобу проигнорировал. Вал теперь вращался, но внутри корпуса оставались грязь и отложения. Они разобрали узел вместе. Точнее, Кейл разбирал, а Марен руководила.

— Медленно.

— Это нам ещё понадобится.

— Не потеряй винты.

— Кейл.

— Винты.

Он посмотрел вниз и поднял детали, которые небрежно положил на пол. Марен была довольна. Учить его всё-таки можно. Они очистили засор и собрали насос обратно. Марен подошла к панели управления с руководством.

— Первая попытка.

Она нажала запуск. Генератор загрохотал. Пять секунд.

Десять. Пятнадцать. И заглох. Марен закрыла глаза.

— Прекрасно.

Кейл посмотрел на неё.

— Ещё раз.

— Я знаю.

На этот раз она выяснила, что уровень охлаждающей жидкости ниже безопасного. В кладовой нашлись дополнительные канистры. Кейл принёс их. Они долили жидкость, выпустили воздух из системы и попробовали снова. Двигатель взревел. Десять секунд. Двадцать. Тридцать. Продолжал работать. Марен пока не осмеливалась радоваться. Потом над головой мигнула лампа. Следом включилась вторая. Третья. Весь энергетический блок ожил. Где-то вдалеке вентиляция снова начала прогонять воздух по «Нексусу». Марен подняла голову.

— Получилось!

Не раздумывая, она обняла Кейла. Только потом осознала, что сделала. А Кейл уже успел заключить её в свои руки. Марен посмотрела вверх.

— Мы всего лишь починили электричество.

Он не отпустил.

— Это не было наградой.

Ничего.

— Кейл.

— Да?

— Зачем ты отвечаешь, если всё равно меня не отпуска-

ешь?

Объяснения не последовало. Марен позволила ему ещё немного подержать её. Свет вернулся. Настроение было хорошим.

* * *

Первым делом в жилом секторе Марен проверила холодильник. Температура поднялась, но отключение оказалось достаточно коротким, и большая часть еды осталась безопасной. Она отложила продукты, которые нужно было съесть в первую очередь, и открыла новую страницу одного из журналов. ОБСЛУЖИВАНИЕ БАЗЫ. Потом составила список. Охлаждающая жидкость. Масло. Фильтры. Батареи. Запчасти для генераторов. Детали для водяных насосов. Инструменты. Топливо. Закончив, она посмотрела через стол на Кейла.

— Когда выходишь наружу, ищи не только одежду.

Он смотрел.

— Вот такое. — Марен указала на список. — Запчасти. Это важно.

— Да.

Она прищурилась.

— Это звучит точно так же, как твоё «да», когда ты обещаешь не покупать странную одежду.

Никакой реакции. Марен снова посмотрела в журнал.

— «Нексус» не неразрушимый. Мы можем здесь жить только потому, что раньше люди всё это обслуживали. Те-

перь их нет, и системы будут ломаться одна за другой.

Она вздохнула.

— Я действительно теперь управляю домом.

В прежней квартире хотя бы можно было позвонить хозяину, когда ломался кондиционер. Теперь, если генератор выйдет из строя, её бывший домовладелец вполне мог бродить где-нибудь снаружи среди заражённых. Чинить всё придётся самим.

* * *

В то же самое время примерно в восьмидесяти километрах к северо-западу от Грейхейвена группа из шести сборщиков припасов устроилась на ночлег у заброшенного пункта оплаты на шоссе. Они принадлежали к небольшому, но устойчивому союзу поселений выживших. Он был не слишком велик, но в отличие от лагеря Даррана здесь существовали правила, которые действительно что-то значили. После появления людей с Силами правила стали особенно важны.

Не каждое поселение принимало их. Одни боялись. Другие считали, что люди с Силами однажды мутируют окончательно. Третьи обращались с ними как с оружием. Поэтому некоторые люди с Силами начали создавать собственные полевые группы. Они брались за опасные вылазки за припасами, сопровождали путешественников, зачищали границы заражённых зон и принимали в команды обычных людей. Эта группа была одной из таких.

Рея Калдер сидела в старом служебном помещении пунк-

та оплаты, снова затягивая фиксатор на запястье. Ей было двадцать девять. Короткие волосы, шрам вдоль правой стороны шеи — след укуса, который её изменил. Её способность не выглядела эффектно. Она не могла призывать огонь или молнии. Не умела летать. Просто её рефлексy стали намного быстрее человеческих. На короткой дистанции Рея могла двигаться настолько быстро, что заражённым было трудно уследить.

Цена тоже была ясной. Долгое использование вызывало сильнейшую мышечную боль и неврологические головные боли. В тяжёлых случаях пальцы дрожали так сильно, что она не могла их контролировать. Рея ненавидела, когда людей с Силами называли следующим этапом эволюции. По её мнению, она просто умудрилась не умереть и получила несколько новых проблем. Через комнату Орин Вейл осматривал собственную руку.

Ему было тридцать два. После укуса его ткани приобрели способность на короткое время затвердевать при сильном ударе. Обычные клинки не могли его порезать. Даже пули пробивали не всегда. Звучало полезно. Но длительная активация вызывала тяжёлое обезвоживание, а сокращения тканей могли разрывать мышцы изнутри. Орин допивал уже третий пакет электролитов за день.

— Такими темпами, — сказал он, рассматривая пакет, — я умру, когда у нас закончатся спортивные напитки.

Рея даже не подняла головы.

— Можешь попробовать реже попадать под пули.

— Это было не по моей вине.

— А кто управлял твоими ногами, когда ты выбежал прямо под выстрел?

Орин задумался.

— Судьба.

Кто-то фыркнул. Тобин Марр сидел возле старого офисного стола. Он не был человеком с Силой. Ему ещё не исполнилось сорока, а до краха мира он работал инженером связи. Теперь отвечал за карты, радиостанции и сведения от других выживших. На столе лежало несколько региональных карт, густо исписанных пометками.

— Вы двое можете хотя бы пять минут помолчать?

Орин посмотрел на него.

— Нет.

— Замечательно.

Тобин снова вернулся к записям. Рея к ним привыкла. Из шести участников команды только трое обладали Силами. Остальные были обычными выжившими. Именно поэтому группа отвергала риторику радикальных фракций людей с Силами и их разговоры о «новом человечестве». Как однажды сказал Орин:

— Если каждый раз после использования способности мне нужны три литра воды, это ваше новое человечество — ужасная сделка.

Рея была согласна.

* * *

Тобин подтолкнул лист бумаги через стол.

— У слуха из Грейхейвена появился ещё один источник.

Рея не взяла лист.

— Какого слуха?

— О Короле.

Орин тут же рассмеялся.

— А, тот самый Король, которого невозможно застрелить, который заставляет зомби становиться на колени и каждую ночь съедает трёх человек?

Тобин поднял глаза.

— Последнее ты придумал сам.

— Звучит правдоподобно.

Рея наконец взяла отчёт. Показания противоречили друг другу до абсурда. Одни утверждали, что мужчина ростом больше двух метров. Другие — три. Один человек клялся, что у него вообще нет лица. Очевидно, эти детали родились в процессе многократного пересказа. Но другие повторялись снова и снова. Мужчина. Чёрные волосы. Очень бледная кожа. Внешность почти человеческая. После выстрелов продолжает двигаться. Заражённые сознательно его избегают. Рядом постоянно замечают молодую женщину. Обычные заражённые не нападают и на неё. Рея подняла глаза.

— Сколько прямых свидетелей?

— Около трёх.

— Они знакомы друг с другом?

— По крайней мере двое были из разных лагерей.

Орин посерьёзnel.

— Значит, не всё выдумка.

Тобин кивнул.

— Я тоже так решил.

Рея продолжила читать.

— Женщина может заставить его слушаться?

— Это от выжившего из одного старого лагеря.

— Надёжный источник?

Тобин пожал плечами.

— Он утверждает, что мужчина уже собирался его убить.

Женщина сказала остановиться — и тот остановился.

Орин откинулся назад.

— Похоже на проблемы в отношениях.

Рея положила отчёт.

— Похоже на то, от чего нужно держаться подальше.

Орин посмотрел на неё.

— Даже не хочешь их найти?

— А что мы будем делать, если найдём?

— Посмотрим.

— А потом?

Он подумал две секунды.

— Посмотрим издаleка.

Рея коротко усмехнулась.

— Сам иди.

— Я обеспечу поддержку.

— Ты обеспечишь себе воду.

Тобин уже снова складывал карты.

— Где они находятся, никто не знает. Некоторые говорят, что Король вообще не человек с Силой.

Голос Реи остался ровным.

— Если он получает столько пуль и продолжает идти, какая разница, человек он с Силой или нет?

— Главное — не провоцировать.

Умение вовремя не проявлять любопытства было одной из причин, почему она до сих пор жива.

* * *

Тобин развернул другую карту.

— Завтрашний пункт назначения изменился.

Рея посмотрела.

— Почему?

— Другая команда добралась до ремонтной базы раньше.

— Что-нибудь осталось?

— Почти ничего.

Орин вздохнул.

— Значит, снова переезжаем.

— Рядом есть старая промышленная зона. — Тобин обвёл участок. — Там раньше работала компания по обслуживанию генераторов. Если всё ещё не разграбили, могут остаться батареи, масло, насосы и фильтрационное оборудование.

Рея кивнула. Сейчас такие припасы стоили больше оружия. Умение сражаться не означало способность выживать

бесконечно. Без воды, электричества и топлива даже самый сильный человек с Силой умрёт как любой другой. Тобин переместил палец к другому краю карты.

— Есть ещё вот это.

Рея посмотрела. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОМПЛЕКС «НЕКСУС». Поверх названия был нарисован большой красный крест. Под ним несколько человек оставили предупреждения. ВЫСОКАЯ КОНЦЕНТРАЦИЯ ЗАРАЖЁННЫХ. НЕ ВХОДИТЬ. ПОДТВЕРЖДЁННЫХ ВЫЖИВШИХ НЕТ. Орин наклонился ближе.

— Исследовательский комплекс. Там должны быть полезные запасы.

Тобин покосился на него.

— А снаружи есть полезные существа, которые хотят тебя съесть.

— Я только сказал, что там должны быть запасы.

Рея не раздумывала ни секунды.

— Вычеркни.

Тобин кивнул. Он упомянул место только для полноты.

— Туда никто не идёт.

Рея сложила карту.

— Только если хочет умереть.

Орин допил электролиты.

— Значит, завтра промышленная зона.

— Выходим в шесть.

— Понял.

На «Нексус» больше никто не смотрел. Они не знали, что комплекс действительно окружён заражёнными. Не знали и того, что внутри чище, чем на пункте оплаты, где они сейчас ночуют. И что электричество там только что снова включилось.

* * *

Было почти одиннадцать вечера, когда Марен закончила перезапускать все системы, требовавшие питания. Она сидела перед холодильником и осматривала последнюю ёмкость с едой. Кейл присел рядом. Марен вернула контейнер на полку. Потом спросила:

— Если бы меня здесь не было, ты бы умел со всем этим разбираться?

Кейл посмотрел на неё.

— Нет.

Ответ прозвучал мгновенно. Марен рассмеялась.

— Ты мог бы хотя бы сделать вид, что задумался.

Он не стал.

— Что бы ты делал, если бы генератор сломался?

— Ждал.

— Чего?

Он посмотрел на неё.

— Тебя.

Марен замолчала.

— Я имею в виду, если бы меня здесь не было.

Кейл ничего не сказал.

— Например, если бы я куда-то ушла. Или... — Она поискала другой пример. — Если бы меня просто не было.

Он смотрел на неё.

— Нет.

Марен нахмурилась.

— Нет — что?

— Тебя нет.

Она замолчала. В его голосе не было ничего романтичного. Он говорил так, словно исправлял невозможное утверждение. Марен больше не знала, как продолжить. Она опустила взгляд и переставила вещи в холодильнике.

— Это был просто пример.

— Нет.

— Гипотетический.

— Нет.

Марен подняла голову.

— Ты вообще знаешь, что значит «гипотетический»?

Кейл смотрел. Наконец она улыбнулась.

— Неважно.

Марен закрыла холодильник и поднялась.

— С завтрашнего дня будешь вместе со мной учиться проверять эти системы.

Он не возразил.

— Не всё может ждать, пока я это почию.

Кейл пошёл следом. Через несколько шагов Марен поняла, что снова назвала «Нексус» домом, даже не заметив. Она

оглянулась.

— И ещё одно. Увидишь детали для генераторов — приноси. Фильтры тоже. Батареи. Масло. Инструменты.

— Да.

Марен уставилась на него.

— Кружевное бельё не относится к предметам первой необходимости.

Никакой реакции.

— И что означает это выражение лица?

Кейл продолжил идти. Марен пошла за ним.

— Я с тобой разговариваю.

Восстановленный свет горел вдоль коридоров. Вентиляция снова гнала воздух. Холодильник на кухне ровно гудел. Снаружи заражённые продолжали бродить в темноте. Запечатанные лаборатории молчали так тихо, будто никогда не существовали. В десятках километров отсюда команда настоящих людей с Силами планировала утром искать запчасти для генераторов. Они вычеркнули «Нексус» с карты как слишком опасное место. Марен наверняка сочла бы это смешным. В конце концов, самая большая опасность, с которой она столкнулась сегодня, — отключение электричества дома.

Глава 17 — Мужчина, о котором ходят слухи

На следующее утро Марен действительно повезла Кейла за покупками. Точнее, список везла Марен, а всё найденное домой таскал Кейл. После того как накануне вечером они восстановили электричество, Марен почти час проверяла самые важные системы «Нексуса». Вывод был практичным: комплекс, возможно, сможет обеспечивать их годами, но без обслуживания не проработает вечно. Генератор был только началом.

В следующий раз сломаться мог водяной насос. Система фильтрации. Машина. Какой-нибудь блок управления, название которого она даже не знала. С утра Марен первым делом переписала список начисто. Детали охлаждающего насоса. Фильтры. Реле. Резервные аккумуляторы. Масло. Охлаждающая жидкость. Обычные инструменты. Она сложила бумагу и убрала в карман, затем посмотрела на Кейла, ждавшего возле гаражной двери.

— Сегодня у нас одна задача.

Он смотрел на неё.

— Запчасти.

— Да.

— Не одежда.

— Да.

— И не какие-нибудь странные вещи, которые, по твоему мнению, могут мне понравиться.

— Да.

Марен несколько секунд изучала его лицо.

— Знаешь, в последнее время этому слову всё труднее верить.

Кейл никак не показал, что его это волнует. Она открыла водительскую дверь.

— Поехали.

Они взяли один из всё ещё работающих внедорожников. Марен уже научилась сама проверять топливо и шины. Ремонтировать машину она не умела, но хотя бы понимала, что не стоит обнаруживать пустой бак уже после выезда из дома. Три месяца апокалипсиса не сделали из неё специалиста по боям. Они просто научили ещё несколькими способами не погибнуть по собственной глупости. Проверяй выходы до того, как войдёшь в незнакомое здание.

Никогда не ставь машину там, где невозможно быстро развернуться. Не считай, что тело на земле — обязательно просто тело. Перед тем как брать припасы, убедись, что сможешь их унести. И если Кейл внезапно говорит «проблема», выбирай другую дорогу. Последнее правило было особенно важным. Они ехали к компании промышленного оборудования на окраине Грейхейвена. Несколько дней назад Марен нашла в архивах «Нексуса» список городских поставщиков. Одна

фирма обслуживала насосы, генераторы и системы охлаждения крупных объектов.

Narrow Industrial Systems. Если склад ещё не разграбили полностью, там должно было найтись многое из того, что требовалось «Нексусу». Промышленный район был гораздо просторнее центра города. Большинство фабрик стояли заброшенными. Разбитые грузовики загромождали дороги рядом с телами, пролежавшими там уже несколько месяцев. Кейл сидел на пассажирском сиденье и ни разу не спросил, куда они едут. Марен подозревала: даже если она отправится в другой город, он просто поедет следом.

— Приехали.

Она снизила скорость, но не стала сразу заезжать на территорию. Ворота Narrow были открыты. Не выбиты и не брошены. Ими пользовались недавно. На земле виднелись свежие следы шин, а внутри стояли две машины. Руки Марен замерли на руле.

— Люди.

Кейл уже смотрел на здание. Она выставила руку, останавливая его.

— Прежде чем мы войдём, надо кое о чём договориться. Он посмотрел на неё.

— Если они на нас не нападают, ты на них тоже не нападаешь.

— Да.

— Я серьёзно.

— Да.

Марен пристально смотрела на него.

— И ты не можешь убить человека только потому, что он слишком долго на меня смотрит.

Кейл промолчал.

— Я предпочту считать это молчание согласием.

Она заглушила двигатель и взяла сумку.

— Пойдём.

* * *

Рея заметила их в тот момент, когда они вышли из внедорожника. Она стояла на платформе второго этажа внутри фабрики и проверяла, есть ли у заднего ремонтного склада другой выход. Тобин внизу изучал описи оборудования. Орин и ещё двое переносили пригодные аккумуляторы к своим машинам. Когда снаружи послышался двигатель, все остановились. В нынешнем мире живые иногда требовали больше осторожности, чем мёртвые.

Рея подошла к разбитому окну. Из машины вышли мужчина и женщина. Что-то сразу показалось не так. Не потому, что они были вооружены. У женщины была только защитная дубинка. У мужчины оружия не было вообще. В этом-то и заключалась проблема. Они выглядели слишком чистыми. Не так, будто только что вышли из душа, но ничто в них не напоминало людей, которые несколько месяцев бегают по улицам и ночуют где придётся.

Одежда подходила по размеру. Ни на одном не было при-

знаков длительного голода. Волосы женщины аккуратно собраны. Обувь и рюкзак в хорошем состоянии. Мужчина был ещё страннее. Чёрные волосы. Бледная кожа. Выйдя из машины, он ни разу не посмотрел на лежащие рядом тела и не проверил, нет ли поблизости заражённых. Он просто шёл за женщиной. Слишком тихий. Рука Реи легла на пистолет у пояса. Внизу Орин тоже их заметил. Он поднял на неё взгляд. Одна и та же мысль пришла им почти одновременно. Из глубины помещения появился Тобин.

— Что случилось?

Орин не отрывал взгляда от входа.

— Гости.

Тобин посмотрел туда же и замер. Молодая женщина. Бледный черноволосый мужчина. Оба ненормально ухоженные. Никакого тяжёлого оружия. Никакого заметного страха. И самое важное — возле фабрики всё ещё бродили несколько заражённых. Один уже заметил незнакомцев. Сделал несколько шагов к ним. А потом остановился и медленно отвернулся. Выражение лица Тобина изменилось. Орин тихо выдохнул:

— Да ладно.

Рея не ответила. Она уже начинала подозревать, что смотрит на двух самых невероятных персонажей последних слухов Грейхейвена. Так называемого Короля. И женщину, которую всегда видели рядом. Слухи обычно преувеличивали. Но увидеть мужчину лично оказалось почему-то ещё тре-

вознее. Потому что он выглядел слишком обычным.

* * *

Марен увидела оружие сразу, как вошла на фабрику. Она остановилась. Рея стояла примерно в десяти метрах. Пистолет ещё не был полностью поднят, но она держала его наготове.

— Не двигайтесь.

Марен посмотрела на себя.

— Я и не двигаюсь.

Кейл стоял позади. Рея медленно перевела взгляд с Марен на Кейла. Неприятное ощущение усилилось. После появления Силы нервная система Реи стала необычайно чувствительной. Она не видела никаких воображаемых уровней и не могла определять способности с первого взгляда. Но тело замечало опасность быстрее, чем раньше. Распределение веса. Дыхание. Движения глаз. Мельчайшие изменения позы. Кейл не делал ничего. И именно поэтому каждый инстинкт Реи кричал о максимальной угрозе. Он даже не стоял в боевой стойке. Но Рея чувствовала: выстрелить в него будет очень плохой идеей. Орин вышел вперёд и поднял одну руку.

— Давайте все немного успокоимся.

Он посмотрел на Марен.

— Вы тоже за деталями для генераторов?

Марен перевела взгляд на уже сложенные на полу запасы.

— Собирались.

Орин проследил за её взглядом.

— Выглядит так, будто мы у вас их украли?

— Немного.

Он рассмеялся. Рея — нет. Она продолжала наблюдать за Кейлом. Сзади подошёл Тобин. На близком расстоянии его подозрение стало почти уверенностью. Пока он ничего не сказал. Снова посмотрел наружу. Один заражённый прошёл мимо входа меньше чем в двадцати метрах от Марен. Не напал. Когда случайно приблизился к двери, даже активно отступил. Тобин больше не выдержал.

— Подождите.

Рея покосилась на него.

— Что?

Он посмотрел на Марен и Кейла.

— Грейхейвен.

Марен нахмурилась.

— А что с ним?

Орин понял первым. Его лицо сразу оживилось.

— О.

Марен посмотрела на него.

— Что?

Орин указал на Кейла.

— Вы двое случайно не... ну, те самые?

Она выглядела ещё более озадаченной.

— Какие «те самые»?

Тобин объяснил:

— Ходит слух. Черноволосый мужчина, которого не берут

пули. Заражённые отступают, когда его видят. И рядом с ним всегда женщина.

На мгновение повисла тишина. Марен медленно посмотрела на Кейла. Потом снова на них.

— ...Вы про него?

Орин поднял бровь.

— Пока что подходит.

Марен рассмеялась. Не собиралась. Просто не удержалась.

— Про него?

Кейл посмотрел на неё. Марен подавила остаток смеха.

— Простите. Просто звучит немного...

— Нелепо? — подсказал Орин.

— Примерно.

Тобин продолжил:

— Некоторые называют его Королём.

Теперь Марен действительно застыла.

— Называют кем?

— Королём.

Она повернулась и оглядела Кейла с головы до ног. Он явно понятия не имел, о чём вообще идёт речь. Уголки губ Марен дрогнули.

— Король Кейл?

Он посмотрел на неё.

— Нет.

Орин рассмеялся. Марен тоже.

— Не нравится?

— Кейл.

— Ладно.

Она снова повернулась к группе.

— Его зовут Кейл. — Потом указала на себя. — Я Марен.

Тобин насторожился. Имена в слухах никогда не фигурировали, но слишком многое совпадало. Рея немного опустила пистолет.

— Значит, это действительно вы.

Марен подумала.

— Если вы про все безумные истории — не знаю. Мы приехали за деталями.

Орин посмотрел наружу.

— Когда обычные люди ездят за запчастями, зомби обычно не расчищают им дорогу.

Марен проследила за взглядом. Заражённые действительно держались на расстоянии. Она вздохнула.

— Всё сложно.

— Да, — сказал Кейл.

Марен повернулась к нему.

— Не соглашайся со мной.

* * *

Обеим группам понадобилось время, чтобы расслабиться. Рея не стала дружелюбной только потому, что подтвердила их личности. Марен тоже. Она уже однажды заплатила за то, что слишком легко поверила незнакомцам. Поэтому, когда

Рея спросила, откуда они приехали, Марен ответила только:
— Недалеко отсюда.

Рея посмотрела на неё и не стала продолжать тему. Именно эта сдержанность заставила Марен почувствовать себя спокойнее. Никаких вопросов о базе. Запасах. О том, сколько людей живёт вместе с ними. Орина явно больше интересовал Кейл.

— У тебя Сила?

— Нет.

Ответ прозвучал быстро. Бровь Реи слегка поднялась.

— Тебя никогда не кусали?

— Нет.

— Тогда твоё восстановление...

Кейл промолчал. Марен вмешалась.

— Можете не спрашивать.

Все посмотрели на неё.

— Он не объяснит.

Орин улыбнулся.

— Потому что не знает или потому что не хочет?

Марен покосилась на Кейла.

— Может быть и то, и другое.

Рее от этого стало ещё тревожнее. Если Кейла никогда не кусали и его способности не появились после апокалипсиса, откуда взялось всё, о чём рассказывали? Она не стала давить. Сейчас явно было не лучшее время допрашивать кого-то о его тайнах — особенно если пули, возможно, не спо-

собны его убить. Тупиковый разговор закончился, когда из ремонтной шахты внизу что-то начало выбираться. Сначала был только звук. Бух. Негромкий. Будто что-то тяжёлое ударило по трубе. Первым поднял голову Тобин.

— Что это было?

Орин перестал переносить оборудование. Ещё один удар. Ближе. Рея резко развернулась.

— Все назад.

Марен тоже слышала. Звук шёл из подземной сервисной зоны в дальней части здания. Полуоткрытая техническая дверь дрогнула в раме. Марен сделала шаг назад. Кейл уже оказался перед ней. Дверь распахнулась от удара. Наружу вырвалось что-то огромное. Поначалу Марен даже не смогла понять, на что смотрит. Когда-то человеческое тело чудовищно разрослось вширь. Плечи и позвоночник выгнулись наружу, словно выросли заново.

Глаза почти полностью атрофировались, оставив лишь мутную ткань. Существо не искало цель привычным способом. Все задержали дыхание. Мутант остановился. И тут ремень винтовки одного из мужчин ударил о металлический стеллаж. Звяк. Тварь мгновенно бросилась на звук.

— Оно ориентируется по шуму.

Рея уже двигалась. Марен увидела, как место, где она стояла, внезапно опустело. Через мгновение Рея появилась в нескольких метрах, схватила ошеломлённого выжившего и оттащила в сторону. Существо промахнулось. Огромная ла-

донь ударила в пол и расколола бетон. Марен уставилась. Впервые она видела, как человек с Силой использует способность. Рея не исчезала, как в кино. Марен видела её движение. Просто оно было слишком быстрым для обычного человеческого тела.

— Не шумите, — прошипела Рея.

Слишком поздно. В шахте снизу что-то ударилось. Орин выругался.

— Там ещё один.

Второй мутант выбрался с другой стороны ремонтной ямы. Он появился ближе и сразу бросился на Тобина. Орин встал между ними. Когти твари полоснули его по руке. Марен ожидала увидеть кровь. Её не было. Ткани под кожей Орина мгновенно затвердели. Когти не смогли пробить их, хотя сила удара отбросила мужчину на несколько метров.

— Блядь!

Он встряхнул рукой.

— Всё равно больно!

Марен даже не нашлась, что сказать. Теперь она понимала, кто такие люди с Силами. Способности были настоящими. И боль тоже. Первый мутант снова развернулся. После нескольких рывков дыхание Реи уже стало тяжелее. Пальцы правой руки дрожали, пока она пыталась увести тварь подальше от обычных членов команды. И тут рядом рухнул повреждённый аппарат. Грохот прокатился по фабрике. Оба мутанта замерли. Повернулись к Марен. Она посмотрела на

них.

— Ну конечно.

Первый бросился вперёд. Кейл вытянул одну руку. Вот и всё. Как только существо добралось до него, Кейл схватил его и остановил всем телом. Марен уже видела такое раньше. Она почти не отреагировала. Все остальные застыли. Мутант одним ударом швырнул взрослого мужчину на несколько метров. Ноги Кейла даже не сдвинулись. Тварь забила. Кейл нахмурился. А потом закончил всё. Движение было слишком быстрым, чтобы в нём вообще можно было разглядеть процесс.

Второй мутант продолжал бежать к Марен. Кейл повернулся и второго шанса ему не дал. Фабрика стихла. Осталось только тяжёлое дыхание Орина. Он посмотрел на онемевшую руку. Потом на тела на полу. И наконец — на Кейла.

— ...Это нечестно.

Марен сочувственно кивнула.

— Я ему тоже это говорила.

Рея молчала. Её рука всё ещё дрожала — не от страха, а из-за цены использованной скорости. Теперь она смотрела на Кейла совсем иначе. За Силы всегда приходилось платить. Платила она. Платил Орин. Каждый человек с Силой, которого Рея встречала, так или иначе расплачивался за способность. А Кейл стоял так, словно ничего не произошло. Даже дыхание не участилось. Слухи не преувеличивали.

Возможно, они ещё и преуменьшали правду. Несчастный

случай произошёл, когда все уже решили, что опасность миновала. Из ремонтной зоны выскочила ещё одна тень. Один испуганный участник команды инстинктивно выстрелил. Пуля скользнула по боку Кейла. Фабрику поглотила тишина. Кейл посмотрел вниз. Потом на стрелявшего. Лицо мужчины мгновенно побелело.

— Я...

Кейл сделал шаг. Марен сразу заговорила.

— Кейл.

Он остановился.

— Это случайность.

Кейл продолжал смотреть на мужчину. Марен подошла и коснулась его руки.

— Он испугался. С тобой всё нормально.

Прошло несколько секунд. Кейл отвернулся. Рея видела всё. Слухи говорили, что женщина им управляет. Теперь Рея знала: это неправда. У Марен не было способности. В её словах не было никакой Силы. Кейл просто сам выбирал её слушать. Разница была огромной. И второй вариант, возможно, был ещё страннее.

* * *

Когда опасность прошла, напряжение немного спало. Не потому, что они внезапно стали друзьями. Просто после совместной драки с существом, которое действительно хотело их съесть, направлять оружие друг на друга казалось бессмысленным. Тобин снова осматривал ремонтную зону.

Орин ужепил воду. Марен наблюдала, как он опустошил половину бутылки.

— Это из-за способности?

Орин приподнял бутылку.

— Она превращает меня в камень с тяжёлым обезвоживанием.

— Удобно.

— Первая половина удобная. Вторая дорогая.

Марен рассмеялась. Рея разминала пальцы. Марен заметила, что дрожь всё ещё не прошла.

— Побочный эффект?

Рея посмотрела на руку.

— Бывает, если слишком часто использую скорость.

— Сколько длится?

— Несколько часов.

Она сказала это без особого беспокойства. Марен кивнула и не стала расспрашивать дальше. Рее понравилась эта сдержанность. В конце концов из-за деталей никто не спорил. Команда Реи приехала первой и вполне могла заявить права на весь склад. Вместо этого она попросила Тобина сравнить их потребности.

— Нам нужны два резервных аккумулятора и один насосный узел. — Она показала на остальное. — Остальное заберите.

Марен уже приготовилась искать в другом месте. Она моргнула.

— И всё?

Рея посмотрела на неё.

— А что ещё?

— Вы приехали первыми.

— Мы всё не увезём. Здесь оно всё равно сгниёт.

Марен на мгновение замолчала.

— Спасибо.

Это были первые незнакомцы после краха мира, которые не пытались её ограбить и не начинали сразу высчитывать, сколько она стоит. Ощущение было почти непривычным. Кейл переносил нужные коробки к внедорожнику, а Марен осталась внутри, сверяя номера моделей. Рея подошла к ней. Некоторое время обе молчали. Потом Рея спросила:

— Он причиняет тебе вред?

Руки Марен замерли. Этот вопрос оказался сложнее всех предыдущих. Она посмотрела в сторону Кейла. Он нёс оборудование, которое Марен и двое обычных мужчин, возможно, не смогли бы поднять вместе. Три месяца назад какой был бы её ответ? Да. Конечно. А теперь? После долгого молчания Марен сказала:

— Больше нет.

Рея смотрела на неё. Эти два слова ясно давали понять, что когда-то ответ был другим. Подробностей она не спросила.

— Наши поселения принимают людей без способностей.

Марен посмотрела на неё.

— Я не предлагаю тебе прямо сейчас ехать с нами, — продолжила Рея. — Просто хочу, чтобы ты знала: если когда-нибудь решишь уйти, тебе есть куда пойти.

Марен долго выдерживала её взгляд. Потом кивнула.

— Спасибо.

Она говорила искренне. И в то же время знала, что уходить не хочет. Рея протянула руку к небольшой царапине на запястье Марен, собираясь посмотреть её. Как только она коснулась кожи, Марен почувствовала взгляд с другого конца фабрики. Обернулась. Кейл перестал двигаться. Смотрел на них. Марен вздохнула.

— Один момент, — сказала она Рее.

Потом прямо обратилась к Кейлу.

— Она женщина.

Он продолжал смотреть.

— Женщинам тоже нельзя?

— Нет.

Бровь Реи поднялась. Марен прижала ладонь ко лбу.

— Ты вообще никаких различий не делаешь.

Орин проходил мимо ровно в неподходящий момент и рассмеялся. Кейл повернул голову. Орин сразу поднял обе руки.

— Я ничего не говорил.

* * *

Перед отъездом Тобин записал для Марен радиочастоту.

— Каждый вечер с восьми до десяти кто-нибудь слушает

этот канал.

Она взяла бумагу.

— Для чего?

— Информация. Припасы. Маршруты. Иногда поиски пропавших.

Он мельком посмотрел на Кейла.

— Если что-то понадобится, можете попробовать выйти на связь.

Марен сложила записку. О «Нексусе» она ничего не сказала. Рея и не спросила. Взамен Марен поделилась тем, что знала о Грейхейвене.

— Ночью не заходите в высотки на востоке.

— Почему? — спросил Орин.

Марен вспомнила лицо, карабкавшееся снаружи по окну гостиницы.

— Некоторые твари умеют ползать по внешним стенам.

Орин напрягся.

— Насколько высоко?

— По крайней мере на несколько десятков этажей.

Он замолчал. Марен сочувственно посмотрела на него.

— Не спите у окон.

Рея рассказала, что на севере есть более стабильные безопасные зоны. Некоторые люди с Силами начали формировать собственные команды, а другие группы, наоборот, специализировались на их поимке. Причины были разными. Эксперименты. Эксплуатация. Страх.

— Не доверяй каждому месту, которое называет себя безопасным, — сказала Рея.

С лица Марен исчезло всякое выражение.

— Этот урок я уже выучила.

Рея не спросила как. К тому времени, когда они разъехались, наступил день. За рулём сидела Марен. Кейл — рядом. Через несколько минут она достала из кармана записку с радиочастотой и посмотрела на неё.

— Кейл.

— Да?

— Тебя называют Королём.

Никакой реакции. Губы Марен снова дрогнули.

— Король Кейл.

Он повернулся к ней.

— Нет.

— Почему?

— Кейл.

Она рассмеялась.

— Ладно. Всё ещё просто Кейл.

Марен убрала записку обратно. Поездка оказалась гораздо страннее, чем ожидалось, но запчастей они нашли. И что ещё важнее — она встретила людей, которые не пытались посадить её взаперти, использовать как ресурс или стрелять в Кейла только потому, что он ненормальный. Возможно, внешний мир сгнил ещё не полностью. Некоторые люди всё ещё умели слушать разум. Делиться запасами. Сказать

незнакомой женщине, что ей есть куда прийти, если однажды понадобится уйти.

Марен смотрела на дорогу, потом мельком взглянула на Кейла. Он выглядел как всегда. Тихий. Бледный. Не так уж отличающийся от обычного мужчины. Теперь Марен понимала, как они выглядят со стороны. Слишком заметно. Слишком целыми. Среди руин уже само по себе было необычно встретить двух таких людей вместе. Особенно если мертвецы расступались перед ними.

— Неудивительно, что они сразу догадались, — пробормотала Марен.

Кейл посмотрел на неё.

— Ничего. — Она постучала пальцами по рулю. — Король из слухов сегодня почти весь день таскал детали для генератора.

— Да.

— Вот этому «да» я верю.

* * *

Рея стояла возле Narrow и смотрела, как внедорожник исчезает вдаль. Орин подошёл к ней.

— Ну что. Мы действительно их встретили.

Тобин всё ещё просматривал записи.

— Почти все основные детали слухов совпали.

Орин посмотрел на Рею.

— Как думаешь, что такое Кейл?

Она ответила не сразу.

— Человек с Силой?

— Не похоже.

— Чудовище?

Рея вспомнила, насколько беспомощными были два мутанта в его руках. Вспомнила пулю, скользнувшую по боку, решение Кейла атаковать и то, как одно слово Марен оставило его. Через некоторое время она сказала:

— Не знаю.

Орин поднял бровь.

— На тебя не похоже.

— Если не знаешь — значит не знаешь.

Она повернула обратно к фабрике. Орин пошёл следом.

— Марен вроде совершенно обычная.

Рея не замедлилась.

— Снаружи.

— И что это значит?

— Обычный человек, который продержался так долго и всё ещё выглядит так, уже необычный.

Орин задумался.

— Справедливо.

Сзади Тобин добавил:

— А ещё она заставляет Короля таскать запчасти.

Орин рассмеялся. Наконец уголок рта Реи тоже поднялся. В первый раз, когда они встретили существо, которое, по слухам, не брало пули, которого боялись заражённые и которого выжившие называли королём, оно слушало, как жен-

щина командует: Возьми это. Оставь то. Ничего не трогай. Эту часть слухи, вероятно, опустят.

Глава 18 — Тот, кто внутри

Когда Марен впервые услышала этот звук, она решила, что ей показалось. Она только что закончила разбирать детали из Harrow и сидела на корточках возле кладовой, задвигая две последние коробки с фильтрами на нижнюю полку. Коридор был тихим. После восстановления электричества «Нексус» снова наполнился привычным ровным гулом. Над головой двигался воздух в вентиляции, где-то далеко время от времени щёлкало оборудование, когда системы включались и выключались. И вдруг — Бух. Марен замерла. Подняла голову. Второго звука не было.

— Что это было?

Никто не ответил. Кейл был наверху. Вскоре после возвращения он снова поднялся на поверхностный уровень. Марен не знала, проверяет ли он вход или просто бродит снаружи. Она не волновалась. Большая часть «Нексуса» была расчищена, но трубы всё ещё расширялись и сжимались из-за перепадов температуры, а старые системы иногда шумели после запуска. Марен задвинула фильтры на место и поднялась.

Бух. На этот раз она слышала отчётливо. Не оборудование. Что-то ударило в дверь. Марен медленно повернулась в сторону В6. Точнее — к запечатанному сектору, в который они ни разу не заходили. Несколько секунд она стояла непо-

движно. Бух. Бух. Марен вздохнула.

— Лучше тебе оставаться там.

Она взяла фонарик только потому, что освещение в том коридоре работало нестабильно. Даже тапочки не передела. Два месяца назад Марен никогда бы не поверила, что однажды услышит, как чудовище бьётся о дверь подземной лаборатории, и спокойно пойдёт проверять это одна. Теперь всё было иначе. Это был дом. Если дома раздаётся странный звук, кто-то должен посмотреть, в чём дело. Открывать дверь она не собиралась.

Это Марен понимала прекрасно. Она дошла по коридору до второго защитного барьера. На нём всё ещё висела её рукописная табличка. НЕ ОТКРЫВАТЬ. Позже Марен добавила вторую строку: КЕЙЛ ГОВОРИТ, ЧТО ТАМ ПРОБЛЕМА. Она прочитала её.

— Я знаю.

Будто напоминала самой себе. Марен осталась за вторым барьером. Удары прекратились. Она подождала.

— Что? Услышало, что я пришла, и сразу замолчало?

Никакого ответа. Марен уже собиралась уйти, когда сквозь дверь донёсся слабый голос.

— ...Кейл?

Она застыла. Это был не крик чудовища. Человеческий голос. Марен медленно повернулась к двери.

— Что?

Снова тишина. Она не приблизилась, только крепче сжа-

ла фонарик. Мог ли кто-то до сих пор находиться внутри? Маловероятно. Но не невозможно. «Нексус» эвакуировали в хаосе. Кто-то из исследователей мог оказаться заперт в экспериментальном секторе. Но Кейл называл то, что сидело за дверью, проблемой. Марен смотрела на металл.

— Там кто-то есть?

Ответа не было. Прошло несколько секунд. И голос вернулся.

— Кейл.

По рукам Марен побежали мурашки. На этот раз она слышала идеально. Голос принадлежал не незнакомой женщине. Он звучал как её собственный. Очень похоже. Даже лёгкий подъём интонации в конце имени был тем же. Марен ничего не сказала. Существо за дверью, похоже, восприняло молчание как неудачную попытку и повторило:

— Кейл.

Почти безупречно. Марен отступила.

— ...Мне это не нравится.

* * *

Когда Кейл вернулся, Марен ждала его у входа в жилой сектор с фонариком в руке.

— Иди со мной.

Он подошёл. Марен повела его к В6.

— То, что внутри, разговаривает.

Кейл никак заметно не отреагировал.

— Не просто издаёт звуки. Оно позвало тебя.

Она помолчала.

— Моим голосом.

Теперь Кейл посмотрел на неё. Марен тут же добавила:

— Дверь я не открывала. Я не идиотка.

Они дошли до запечатанного сектора. Марен остановилась там же, где стояла раньше, и указала вперёд.

— Оттуда.

Кейл подошёл к самой внутренней защитной двери. Марен слишком близко не пошла.

— Не открывай.

— Не буду.

— Хорошо.

Несколько секунд ничего не происходило. Марен подумала, что, возможно, существо чувствует Кейла снаружи и боится снова издать звук. А потом оно заговорило.

— Кейл.

Тело Марен напряглось. Её голос. Если бы глаза были закрыты, она могла бы решить, что это сказала сама. Марен медленно посмотрела на Кейла.

— Ты слышал?

Он смотрел на дверь. Выражение лица стало холоднее обычного. Голос прозвучал снова.

— Кейл.

После короткой паузы он изменился. Теперь — мужской. Низкий, клинически сухой.

— NX-01.

Марен нахмурилась. Потом женский голос:

— Состояние объекта стабильное.

Другой:

— Открой дверь.

Голоса постоянно менялись. Мужчины и женщины. Старые и молодые. Некоторые явно принадлежали исследователям прошлого. Другие Марен никогда раньше не слышала. Существо, похоже, хранило каждый голос, который когда-либо слышало, и теперь перебирало их один за другим. Марен становилось всё неуютнее.

— Оно всегда так умело?

— Нет.

Марен сразу повернулась к Кейлу.

— Раньше не могло?

— Нет.

— Когда научилось?

— Не знаю.

Она снова посмотрела на дверь. Три месяца. Они ни разу не входили в запечатанный сектор. За это время существо внутри могло продолжать меняться — без еды, новых экспериментов и контакта с людьми. Оно всё ещё эволюционировало.

— Что там вообще находится?

Кейл задумался над вопросом.

— Плоть.

Марен повернула голову.

— Что значит «плоть»?

Объяснения не было.

— Перестань отвечать на страшные вопросы чем-то ещё страшнее.

Над самой внутренней дверью было небольшое смотровое окно. Раньше за ним всегда была темнота. Теперь к стеклу что-то приблизилось. Сначала Марен увидела глаз. Обычный глаз. Или такой, который сначала казался обычным. Потом лицо. Женщина лет тридцати, бледная кожа, старая форма исследователя «Нексуса». Марен машинально сделала полшага вперёд.

— Там действительно человек?

— Нет, — сразу сказал Кейл.

Марен остановилась. Женщина за стеклом тоже. Она смотрела на Марен и моргнула. Слишком медленно. Её губы начали изгибаться вверх — едва заметно, по доле движения за раз. Что-то было не так. Потом лицо стало меняться. Не плавиться. Изменения были гораздо тоньше. Лоб. Глаза. Переносица. Губы. Что-то под кожей перестраивало каждую черту. Марен смотрела, как чужое лицо становится её собственным.

Она потеряла способность говорить. За смотровым стеклом теперь стояла другая Марен. Те же глаза. Те же губы. Даже очертания волос начали совпадать. Только улыбка оставалась деревянной, будто существо ещё не научилось правильно пользоваться этим лицом. Марен отступила.

— ...Хорошо.

Она подняла ладонь.

— Эту дверь мы не открываем никогда.

Другая Марен шевельнула губами.

— Марен.

Теперь оно узнало и её имя. Она посмотрела на Кейла.

— Ты уверен, что раньше оно так не могло?

— Не могло.

— Значит, оно развивается.

Кейл ничего не сказал. Правда была очевидна. Марен снова посмотрела в окно. Её фальшивое лицо продолжало наблюдать. Потом заговорило её голосом:

— Кейл, открой дверь.

Марен тут же повернулась к нему. Кейл не двинулся.

— Ты можешь отличить?

— Да.

— Откуда ты знаешь, что это не я?

Он посмотрел на неё.

— Это не ты.

Марен уставилась на него.

— Я знаю. Я спрашиваю, откуда ты знаешь.

Ответа не было. За стеклом ложная Марен попробовала снова.

— Кейл.

— Открой дверь.

— Кейл.

Оно поняло, что его имя вызывает самую сильную реакцию. У Марен неприятно зашевелились волосы на затылке.

— Ты точно уверен, что оно не сможет выбраться?

— Да.

— Тогда пусть сидит там.

Она пошла прочь, но через два шага вернулась. Марен сорвала табличку со второй двери и написала новую. КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕ ОТКРЫВАТЬ. Ниже: ОНО УМЕЕТ КОПИРОВАТЬ ЛЮДЕЙ. Она приклеила лист, изучила и добавила ещё одну строку: НЕ ВЕРИТЬ ГОЛОСАМ. Кейл стоял рядом.

— Теперь достаточно понятно. — Марен похлопала по бумаге. — Оно живёт там. Мы живём в другой стороне. Пока оно остаётся внутри, никто никому не мешает.

— Да.

За окном всё ещё виднелось её лицо. Марен бросила на него последний взгляд.

— Тренируйся дальше. Дверь я всё равно не открою.

Потом закрыла второй защитный барьер. С глаз долой — из мыслей вон.

* * *

В трёхстах километрах отсюда Вейра получила новый отчёт по образцу. Он поступил не из Грейхейвена, а из временной безопасной зоны на севере. Инцидент начался как обычный вызов на спасение. Группа из четырёх человек вошла в заброшенный жилой дом, услышав женский голос.

— Помогите.

— Пожалуйста.

Двое вошли внутрь. Вернулся один. Позже безопасная зона отправила туда группу людей с Силами для зачистки. Им удалось извлечь часть образца. Вейра открыла полевой отчёт. Существо на фотографиях было мертво. Человеком его можно было назвать с большой натяжкой. На теле одновременно присутствовали многочисленные нестабильные человеческие признаки. Кожа была неустойчивой. Мышцы лица могли перестраиваться за секунды. Гортань имела чрезвычайно сложное строение. Рядом со столом Вейры стоял исследователь.

— Самое странное — голосовой аппарат.

Вейра продолжала читать.

— В каком смысле?

— Оно не просто копировало высоту голоса. При вскрытии мы обнаружили, что вся структура могла изменяться.

— Теоретически, если оно достаточно часто слышит человека...

Он замолчал.

— Оно может воспроизвести его голос.

Вейра подняла глаза.

— Насколько точно?

— Очень. Образец мёртв, повторить тест невозможно. Но выживший с места происшествия утверждает, что оно говорило голосом его товарища, погибшего два дня назад.

На несколько секунд в комнате стало тихо. Вейра перевернула страницу.

— А внешность?

— Тоже меняется.

— Полная копия?

— Пока нет. По крайней мере, этот образец не мог.

Исследователь положил на стол несколько сканов тканей.

— Он мог изменять мягкие ткани лица, локально перестраивать положение костей и временно менять пигментацию кожи. Но результат был нестабильным.

Вейра изучала данные.

— Значит, инфекция не прекратила развиваться.

— Верно.

Исследователь кивнул.

— Мы считали мутантов высокого порядка относительно стабильной третьей ветвью. Теперь похоже, что некоторые продолжают развиваться и после этой стадии.

Обычные заражённые. Люди с Силами. Мутанты высокого порядка. И теперь — имитаторы. Возможно, это вовсе не четвёртая ветвь. Только поздняя стадия, которой достигают некоторые мутанты высокого порядка. Вейра отложила фотографии.

— Как давно они существуют?

— Подтвердить не можем. Это первый почти целый образец, но за последние две недели как минимум три безопасные зоны сообщали о похожих случаях, когда людей замани-

вали голосами.

— Насколько близко расположены места?

— Они далеко друг от друга.

Значит, речь шла не об одном существе. Одинаковое изменение независимо возникало в разных регионах. Вейра посмотрела на старый терминал.

— Откройте данные по тканевой адаптации NX-01.

Исследователь замялся.

— Думаете, они связаны?

— Я думаю, связано всё.

Через несколько минут на экране появились экспериментальные данные десятилетней давности. С первых испытаний клетки Кейла демонстрировали необычайную совместимость тканей. Аномальный материал из разных источников мог сосуществовать внутри него. Раны восстанавливались. Структуры перестраивались. Организм почти не проявлял отторжения, которого ожидали бы от обычного живого существа. Исследователь читал записи.

— NX-01 никогда не демонстрировал мимирию.

— Мы этого не знаем, — поправила Вейра.

Он нахмурился.

— За столько лет мы бы увидели, если бы он менял внешность.

Вейра ответила не сразу. Она смотрела на самую раннюю фотографию Кейла. Чёрные волосы. Бледная кожа. Взрослый человеческий мужчина. Спустя десятилетия он выгля-

дел почти так же. То же лицо. То же тело. Слишком стабильное для нормального организма, который должен продолжать стареть. Исследователь внезапно замер.

— Подождите.

Вейра посмотрела на него. Он не отрывал глаз от фотографии.

— А что, если...

Долгая пауза.

— Что, если это просто его стабильная форма?

В комнате стало тихо. Идея звучала абсурдно. После начала апокалипсиса абсурд перестал быть достаточной причиной для отказа от гипотезы. Если новейшие мутанты способны имитировать человеческие лица, тогда чем была идеально стабильная человеческая внешность Кейла — та, которую он сохранял десятилетиями, не старея? Действительно ли это была его первоначальная форма? Или всего лишь самая удачная форма, которую он когда-либо сумел удержать? Никто не знал. Вейра закрыла изображение.

— Найдите самые ранние физические записи о нём.

— Запись о рождении?

— Если она существует.

Исследователь устало улыбнулся.

— Вы знаете, что её нет.

— Тогда продолжайте искать. Все образцы имитаторов классифицировать отдельно. Спасательным группам передать: не идентифицировать выживших только по голосу.

— Понял.

Вейра снова посмотрела на отчёт. Кейл оставался пропавшим. Марен тоже. Живы ли они, где находятся и покидали ли «Нексус» — всё оставалось неизвестным. Она не связывала сегодняшнее открытие с их нынешним состоянием. Но всё сильнее убеждалась в одном. Мир всё больше напоминал экспериментальный объект, который никогда не должен был существовать. И никто до сих пор не выяснил, откуда исследователи десятилетия назад получили первоначальные материалы, использованные для создания Кейла.

* * *

Предупреждение об имитаторах вскоре дошло и до группы Реи. Тобин закончил читать последнюю радиосводку. Несколько секунд никто не говорил. Орин перестал есть.

— То есть теперь чудовища притворяются людьми?

— Более или менее.

— И зовут на помощь?

— Да.

Орин положил еду.

— Апокалипсис начал писать страшилки.

Рея продолжала изучать карту.

— По крайней мере привидения не зовут тебя голосом друга, чтобы заставить открыть дверь.

— Откуда ты знаешь?

Рея подняла глаза. Орин тут же сказал:

— Я просто пытаюсь разрядить обстановку.

Тобин вернулся к отчёту.

— Новое правило. Если слышите знакомый голос внутри закрытого здания и не можете подтвердить источник — уходите. Никто не заходит один.

Орин откинулся назад.

— Всё становится только лучше. В следующем месяце начнут разговаривать двери.

Никто не ответил.

* * *

Закрыв второй барьер, Марен вернулась в жилой сектор и вымыла руки. Она даже не касалась существа внутри. Но после того, как увидела на нём собственное лицо, кожу всё равно неприятно покалывало. Кейл пришёл следом. Марен вытерла руки.

— Если оно снова тебя позовёт, не ходи к нему.

— Да.

— Особенно если будет говорить моим голосом.

— Да.

— Сначала проверь, где настоящая я.

Кейл смотрел на неё. Марен указала на себя.

— Настоящая.

Потом в сторону В6.

— Подделка.

— Я знаю.

Она остановилась.

— Ты действительно можешь отличить?

— Да.

— А если однажды оно идеально скопирует моё лицо?

— Не ты.

Марен посмотрела на него.

— Тот же голос.

— Нет.

— То же лицо.

— Нет.

— Даже та же одежда?

Кейл подошёл ближе. Марен продолжала перечислять варианты.

— А если оно научится ходить так же, как я...

Кейл наклонился к её шее. Голос Марен оборвался. Он тихо вдохнул, словно что-то подтверждая, затем положил ладонь ей на талию. Марен прищурилась.

— Не используй это как предлог, чтобы меня трогать.

Кейл поднял голову.

— Ты.

Она моргнула.

— Что это значит?

— Ты.

Тот же ответ. Через несколько секунд Марен поняла. Он узнавал её не по одному лицу. Возможно, даже не только по запаху. Для Кейла Марен была Марен. Всё остальное, как бы идеально ни выглядело, ею не являлось. Ответ неожиданно её порадовал. Марен постаралась этого не показать.

— Хорошо.

Она отвернулась.

— Зачёт.

* * *

Вечером Марен только успела после душа сесть на край кровати, как Кейл приблизился. Его ладонь привычно легла ей на талию. Она посмотрела вниз.

— Что ты делаешь?

Кейл не ответил. Рука начала двигаться выше. Марен хлопнула по ней.

— Сегодня нет.

Он остановился мгновенно. Она посмотрела на него. Эта перемена всё ещё иногда выбивала из равновесия. Теперь, когда Марен говорила «нет», он действительно останавливался. Без уговоров. Без силы. Кейл молча сидел рядом. Через две секунды Марен решила, что выглядит он немного жалко.

— Я сказала только, что руками бродить нельзя.

Он посмотрел на неё.

— Я не говорила, что меня нельзя обнять.

Кейл тут же придвинулся. Марен уставилась на него.

— Как быстро ты двигаешься, когда тебе выгодно.

Он обнял её. На этот раз вёл себя прилично. Первые несколько секунд. Потом одна рука снова начала двигаться. Марен посмотрела вниз.

— Кейл.

Рука моментально застыла. Она рассмеялась.

— Ты считаешь, что в каждом моём предложении есть ла-
зейка?

Он не ответил. Марен прислонилась спиной к его груди. После короткой тишины она снова вспомнила лицо за стек-
лом.

— А что, если оно действительно станет мной?

Кейл посмотрел вниз.

— Если подойдёт и будет вот так тебя обнимать?

Его руки слегка сжались.

— Нет.

— Почему?

— Не ты.

Всегда один и тот же ответ. Марен тихо хмыкнула.

— Надеюсь, ты всегда будешь понимать разницу.

— Да.

Она выключила лампу у кровати. «Нексус» затих. Зара-
жённые бродили по периметру. В жилом секторе погас свет.
Запечатанные зоны оставались без изменений. Никаких тре-
вог. Никаких сломанных дверей. Всё было так же, как по-
следние месяцы. До глубокой ночи. Где-то внутри В6, за две-
рю, которую никто не собирался открывать, в темноте раз-
дался тихий голос. Он походил на голос спящей женщины.

— Кейл.

На кровати Кейл открыл глаза. Марен тоже проснулась.
Они молча слушали. Далёкий голос повторил:

— Кейл.

Марен натянула одеяло выше.

— Игнорируй.

— Да.

Она закрыла глаза. Кейл остался в кровати. Несколько уровнями ниже лицо, становившееся всё более похожим на Марен, приблизилось к смотровому окну. Оно моргнуло. Уголки губ медленно поднялись, воспроизводя выражение, увиденное днём. Оно начало учиться — улыбаться.

Глава 19 — Другая

Когда Марен проснулась, первым делом она заметила не усталость. А неприятное ощущение в груди. Не совсем боль. Скорее набухшая чувствительность — даже вес одеяла казался лишним и раздражал. Она нахмурилась. Ещё толком не открыв глаза, Марен поняла, что к ней что-то прижалось. Она опустила взгляд. Лицо Кейла было уткнуто ей в грудь, а одна рука совершенно спокойно лежала сверху. Марен две секунды смотрела на него.

— Кейл.

Никакой реакции.

— Кейл.

Он всё равно не шевельнулся. Марен запустила пальцы ему в волосы и крепко ухватила прядь.

— Тебе с утра больше совсем нечем заняться?

Кейл наконец поднял глаза, хотя всем остальным видом ясно показывал, что уходить никуда не собирается. Марен посмотрела сначала на его положение, потом на руку, чувствовавшую себя слишком уж вольготно.

— Встань.

Он не двинулся.

— У меня грудь болит.

Вот это подействовало. Кейл тут же убрал руку. Марен села и осторожно коснулась одной груди. От прикосновения

она поморщилась. Да, чувствительность явно повысилась. Намного сильнее обычного. Первым делом Марен посмотрела на Кейла.

— Это из-за того, что ты вчера со мной делал?

Он молча смотрел на неё.

— Не притворяйся невиновным.

Она проверила ещё раз, теперь гораздо осторожнее.

— Нет...

На боль после слишком грубых прикосновений это не походило. Болели обе груди, и даже ткань одежды неприятно тёрлась о кожу. Марен задумалась.

— Наверное, скоро месячные.

Кейл подался ближе. Она сразу выставила ладонь.

— Я только что сказала, что больно.

Он остановился. Вместо того чтобы прикоснуться, Кейл наклонился к её шее и тихо вдохнул. Марен моргнула.

— Что ты делаешь?

Он не ответил сразу. И понюхал её ещё раз.

— Эй.

Марен оттолкнула его лицо.

— Я вчера мылась.

Кейл посмотрел на неё.

— Другая.

Марен замерла.

— Что значит «другая»?

— Ты.

— Я, вообще-то, всё ещё я.

Он продолжал смотреть. Через несколько секунд сказал:

— Запах.

Марен уставилась на него. Потом понюхала собственную руку. Ничего. Поднесла к носу ворот футболки. Обычный запах.

— Какой ещё запах?

Кейл снова наклонился. Марен тут же отодвинулась.

— Я не просила показывать на практике.

Она ещё несколько раз попыталась понять, о чём он говорит, но ничего необычного так и не почувствовала. Тогда Марен задумалась.

— Может, шампунь?

Кейл не ответил.

— Или мне и правда опять надо в душ?

Он продолжал смотреть, пока она не начала раздражаться.

— Забудь.

Марен откинула одеяло.

— У тебя нюх лучше, чем у собаки.

Кейл поднялся следом. У двери ванной Марен обернулась.

— Сегодня тебе нельзя трогать меня там.

— Да.

— Болит.

— Да.

На этот раз ответ прозвучал быстро. Марен осталась до-

вольна.

— Хорошо.

Она закрыла дверь и стала собираться, не пытаясь искать никакого другого объяснения.

* * *

После завтрака Марен достала последние домашние записи. Следить за циклом так внимательно, как раньше, она перестала. В первые недели, когда каждый день в «Нексу-се» имел значение, Марен записывала всё. Когда жизнь стала стабильнее, контроль ослаб. Она села за стол и листала записи, пока не нашла дату, когда в прошлом месяце открыла новую упаковку средств гигиены.

— Вот.

Потом нашла предыдущий месяц и быстро посчитала. Всё ещё в пределах нормы. До предполагаемой даты оставалось несколько дней. Марен расслабилась.

— Я так и знала.

Кейл сидел напротив. Она закрыла журнал.

— Наверное, просто скоро месячные.

Он смотрел.

— Женские дела.

Никакой реакции.

— Тебе уже пора было к ним привыкнуть.

Марен улыбнулась.

— В первый раз, когда ты искал мне прокладки, ты чуть не заставил меня пользоваться полотенцем.

По лицу Кейла было видно, что ничего неправильного в этом он до сих пор не видит. Марен покачала головой и убрала журнал обратно в ящик. Раз с датами всё нормально, чувствительность груди ничего страшного не означала. Она даже решила на всякий случай оставить у кровати обезболивающее. По-настоящему странным оказался обед. Марен открыла банку тушёного мяса, которое ела уже много раз. Когда еда начала нагреваться, запах дошёл до неё. Марен остановилась и нахмурилась.

— Что это?

Кейл посмотрел на неё. Марен наклонилась к кастрюле — и тут же отпрянула.

— Фу. Какая гадость.

Она накрыла кастрюлю крышкой.

— Оно испортилось?

Кейл понюхал.

— Нет.

— Точно?

— Да.

Марен ему не поверила. Проверила срок годности, герметичность и саму банку. Ничего не вздулось. Несколько банок из той же партии они уже съели без всяких проблем. Но сегодня один запах выворачивал желудок.

— Странно.

Марен отодвинула кастрюлю.

— Это я есть не буду.

Вместо тушёнки она поела хлеба и консервированных фруктов. С ними всё было нормально. На середине обеда Марен подумала, не изменилось ли у неё чувство вкуса. После краха мира возможно было что угодно. Беременность ей даже в голову не пришла. Она уже решила, что Кейл, скорее всего, просто не способен оплодотворить обычную женщину. Месяцы прошли без последствий, две последние менструации были совершенно нормальными. Значит, невозможно. Удовлетворившись этим объяснением, Марен съела ещё кусочек фрукта и перестала думать о симптомах.

* * *

После восьми вечера Марен впервые настроила рацию на частоту Тобина. Раньше она ей не пользовалась. Не потому, что не доверяла группе Реи. Просто в «Нексусе» было всё необходимое, и просить помощи не требовалось. Сегодня Марен стало скучно. Она поставила рацию на стол и покрутила настройку. Сначала слышались только помехи. Потом сквозь треск пробился знакомый голос.

— ...канал Northline, двадцать часов четырнадцать минут.

Тобин. Марен сразу оживилась.

— Там и правда кто-то есть.

Кейл сидел на дальнем краю дивана и никакого интереса к происходящему не проявлял. Передача состояла в основном из практической информации. Две северные трассы полностью перекрыты. Большая орда движется к югу от Грейхей-

вена. Одному временному безопасному пункту нужны антибиотики, в обмен предлагают топливо. В нескольких районах появились сообщения о возможных имитаторах. Тобин повторил предупреждение дважды.

— Услышав знакомый голос в закрытом здании, не входите туда в одиночку. Не приближайтесь, пока отдельно не подтвердите личность человека.

Марен посмотрела в сторону В6. Прекрасно. У остальных были слухи. У неё один такой сидел запертым дома. Внезапно вместо Тобины раздался голос Орина.

— Если услышите, как я зову на помощь, сначала убедитесь, что это действительно я.

Рея ответила:

— В обычных обстоятельствах я бы и так не стала спасать тебя первым.

— Это разрушает командный дух.

Марен рассмеялась. Она взяла рацию, немного помедлила и нажала кнопку передачи.

— ...Вы меня слышите?

На другом конце стало тихо. Тобин ответил почти сразу.

— Слышим. Кто это?

Марен посмотрела на Кейла.

— Я.

Пауза.

— Очень мало информации.

Она вздохнула.

— Марен.

На секунду канал полностью замолчал. Потом Орин сказал:

— О.

Одной этой интонации хватило, чтобы Марен почувствовала неладное. И действительно, он добавил:

— Дрессировщица Короля.

Марен сразу помрачнела.

— Я не его дрессировщица.

— А как тебя тогда называть?

— Человеком.

— Не очень узнаваемо.

Марен холодно ответила:

— По крайней мере, я обычнее тебя.

На другой стороне кто-то рассмеялся. Потом в эфир вышла Рея.

— Не обращай на него внимания. Вы двое в порядке?

— Да. — Марен оперлась о край стола. — Вчера электричество отключилось, но мы всё починили.

Тобин спросил:

— Ты умеешь ремонтировать генераторы?

— Нет, — честно ответила Марен. — Я ковырялась по инструкции, пока случайно не заработало.

Орин сказал:

— Это уже больше, чем умею я.

Марен вспомнила о найденных деталях.

— Запчасти из промышленного района подошли. Спасибо.

— Хорошо, — сказала Рея. — Рада, чтогодились.

Обычный разговор ощущался непривычно. Марен давно не беседовала ни с кем, кроме Кейла, просто так. Никаких скрытых проверок. Никакой борьбы за припасы. Никто не прикидывал, сколько она может стоять. Они просто обменивались информацией. На душе стало легче. И тут Орин спросил:

— А где Его Величество?

Марен посмотрела на диван. Кейл сидел там же и участвовать в разговоре явно не собирался. Она протянула ему рацию.

— Тебя хотят.

Кейл посмотрел на неё, но не взял.

— Скажи что-нибудь.

Никакой реакции. Марен прищурилась.

— Ты разве не Король?

Наконец Кейл заговорил.

— Нет.

Рация поймала его голос. На другой стороне наступила тишина. А потом Орин расхохотался.

— Официальное опровержение.

Марен тоже рассмеялась.

— Он говорит, что его зовут Кейл.

— Кейл, — повторил он.

— Мы знаем.

Марен забрала рацию обратно.

— Не обязательно повторять.

Когда разговор перешёл к имитаторам, тон стал серьёзнее.

— За последнюю неделю сообщений резко прибавилось,

— сказала Рея. — И они уже не только голоса копируют.

Палец Марен замер на корпусе рации.

— Лица?

Пауза.

— Ты об этом знаешь?

Марен посмотрела в сторону коридора.

— Я одного видела.

— Когда?

— Недавно.

Голос Реи сразу стал напряжённее.

— Рядом с вашим местом?

Марен молчала две секунды.

— ...Недалеко.

Технически он жил у неё дома. Такого она говорить не собиралась.

— Он всё ещё жив?

— Да.

— Вы его не убили?

Марен представила двери толщиной почти с крепостную стену.

— Он не может выбраться.

В эфире повисла тишина. Рея явно не ожидала такого ответа.

— Ты уверена?

Марен посмотрела на Кейла.

— Он уверен.

Кейл смотрел на неё.

— Тогда пока поверю, — сказала Рея.

Она не спросила адрес. За это Марен стала относиться к ней ещё лучше.

— Если услышите знакомый голос — не идите за ним, — предупредила Марен. — Они быстро учатся.

Тобин начал что-то записывать.

— Есть ещё признаки, по которым можно отличить?

Марен задумалась.

— Сначала лицо может быть неидеальным. Мой слишком медленно моргал, а выражения выглядели ненатурально.

— Понял.

Марен не стала рассказывать, что существо уже научилось носить её лицо. И уж тем более — что начало учиться улыбаться. Об этих подробностях ей самой не хотелось думать.

* * *

После окончания передачи Марен пошла к спальне. Возле В6 останавливаться она не собиралась. И тут изнутри раздался голос.

— Марен.

Она остановилась. Это был не её голос. И не голос ко-

го-то из исследователей. Тело Марен напрягалось постепенно, будто холод поднимался по позвоночнику по одному позвонку. Этот голос она слишком хорошо знала, чтобы перебирать варианты в памяти.

— Вернись домой пораньше.

С лица Марен исчезло всякое выражение. Она не подошла ближе. Не ответила. Голос повторил:

— Марен.

Её мать. Или нечто, почти неотличимое от неё. Даже привычное повышение интонации в конце имени было точным. Марен долго стояла на месте, пальцы медленно сжимались в кулаки. Первым пришёл не страх. Вопрос. Как? И тут она вспомнила телефон матери. После того как Марен принесла его обратно в «Нексус», она однажды нашла зарядку и включила аппарат. На нём сохранилось несколько старых голосовых сообщений. В одном были именно эти слова. Вернись домой пораньше. Марен прослушивала запись в жилом секторе. Звук, должно быть, прошёл по вентиляции. Существо услышало. И выучило. В животе разлился холод.

— Не говори этим голосом.

Собственный голос Марен звучал совершенно ровно. Существо замолчало. А потом —

— Марен.

На этот раз ещё точнее. Марен развернулась и ушла.

* * *

Кейл почти сразу понял, что что-то не так. Марен сидела

на кровати и молчала. Он стоял в дверях и смотрел.

— Что случилось?

Она опустила глаза.

— Та тварь.

Кейл продолжал смотреть.

— Она научилась голосу моей матери.

Никакой реакции. Разумеется. Кейл никогда по-настоящему не знал её мать. Марен попробовала объяснить иначе.

— Человека, который был мне дорог.

Вот это он понял. Кейл повернулся и вышел. Марен резко подняла голову.

— Ты куда?

Он не ответил. Марен поспешила следом.

— Кейл.

Он остановился только у внешней двери В6. Марен схватила его за руку.

— Не открывай.

Кейл посмотрел на барьер. Внутри стояла полная тишина. Марен встала рядом.

— Со мной всё нормально. Правда. Оно всего лишь скопировало голос.

Существо словно поняло, что они пришли.

— Марен, — позвало оно голосом её матери.

Выражение Кейла стало заметно холоднее.

— Замолчи.

Голос он не повысил. Существо сразу стихло. Марен уста-

вилась на него. Прошло несколько секунд. Ничего. Десять секунд. По-прежнему тишина. Марен медленно посмотрела на Кейла.

— Оно тебя слушается?

Он не ответил. Марен снова перевела взгляд на дверь. Это было страннее самой мимики. Между ними несколько защитных барьеров. Кейл произнёс два слова — и существо подчинилось. Оно его понимало? Или боялось? Марен понятия не имела. И сейчас выяснять не хотела. Она потянула Кейла за руку.

— Пойдём.

Он не двинулся.

— Правда, всё нормально. Я просто не хочу слышать, как оно говорит её голосом.

Только тогда Кейл пошёл с ней.

* * *

После вечернего душа грудь Марен всё ещё оставалась чувствительной, хотя уже немного меньше, чем утром. Она переоделась в свободную одежду для сна и вернулась в спальню. Кейл сидел на краю кровати. Стоило Марен подойти, как одна его рука потянулась к ней. Она перехватила её.

— Сегодня не туда.

Кейл остановился.

— Всё ещё болит.

Он опустил взгляд.

— И смотреть тоже нельзя.

Кейл поднял глаза.

— Почему?

— Не знаю. Наверное, скоро месячные.

Он некоторое время смотрел на неё, потом встал. Марен решила, что Кейл вышел из комнаты. Но через минуту он вернулся с тёплым полотенцем. Она моргнула.

— Где ты его взял?

На такие вопросы Кейл никогда не отвечал. Он просто протянул полотенце. Температура была идеальной. Марен взяла его и посмотрела на Кейла.

— Откуда ты знал?

— Ты.

— Я?

Постепенно Марен вспомнила. Во время прошлых месячных, когда её беспокоили спазмы, она однажды прикладывала тёплое полотенце. Он запомнил. Марен приложила тепло к груди. Боль стала слабее.

— Ты очень быстро запоминаешь такие вещи.

Кейл вернулся на кровать и больше к ней не тянулся. Марен смотрела на него и улыбнулась.

— Сегодня ты молодец.

Он сразу придвинулся.

— Я только сказала, что ты молодец, — добавила Марен.

— Это не награда.

Кейл продолжал приближаться. Марен позволила ему обнять себя. Перед сном она ещё раз проверила записи цикла.

До ожидаемой даты оставалось несколько дней. Поводов переживать пока не было.

— Наверное, просто начнутся раньше.

Марен закрыла журнал и выключила свет. Кейл устроился сзади, обняв её одной рукой. Она уже к этому привыкла. Когда Марен начала засыпать, он снова наклонился к её шее и вдохнул. Глаза она не открыла.

— Я мылась.

— Да.

— Тогда зачем ты меня нюхаешь?

— Другая.

Марен слишком устала, чтобы спорить.

— Чем другая?

Ответа не было. Его ладонь легла ей на низ живота. Не двигалась. Марен сонно пробормотала:

— Не трогай меня.

Рука тут же замерла. Марен быстро уснула. Кейл остался бодрствовать. Он молча смотрел на неё, словно пытался понять перемену, которую даже сам не умел объяснить. А Марен была уверена только в одном: скоро начнутся месячные.

Глава 20 — Задержка

К четвёртому месяцу апокалипсиса правила, которые раньше приходилось постоянно повторять по радио, превратились в инстинкт. Держись подальше от заражённых. Не контактируй с их жидкостями. Любого укушенного — в изоляцию. После подтверждённой смерти разрушить мозг. Поначалу люди боялись того, что мёртвые снова встанут. Теперь обычные зомби были едва ли не самым простым из всего, что осталось в мире.

Проблема заключалась в другом. Они продолжали меняться. Орды начали мигрировать так, словно у них появилась цель. Сотни, иногда тысячи заражённых двигались по шоссе, будто их что-то тянуло в определённую сторону. Мутанты высокого порядка тоже встречались всё чаще. Лазающие по стенам. Существа с болезненно обострённым слухом. Тела, в которых от человека осталось совсем немного.

Каждый день приносил новые сообщения. Последнее время чаще всего говорили об имитаторах. Вместе со слухами распространялись и новые правила. Не беги сразу на зов о помощи. Подтверди личность знакомого человека. То, что существо знает твоё имя, ещё не делает его человеком. Некоторые безопасные зоны заставляли возвращавшиеся полевые группы отвечать на вопросы, ответы на которые могли знать только их товарищи.

Услышав об этом, Рея сказала:

— Разумно.

Орин сидел рядом и чистил пистолет.

— А если я забуду ответ?

— Тогда подождёшь снаружи.

— Сколько?

— Пока не вспомнишь.

Орин задумался.

— Мне начинает казаться, что амнезия опаснее инфекции.

Тобин их проигнорировал и продолжил переписывать радиосводки. Число людей с Силами тоже росло. Постепенно появились чёткие различия. Одни по-прежнему жили в поселениях вместе с обычными выжившими. Другие создавали независимые полевые команды. Третьи утверждали, что людям с Силами больше не следует жить рядом с обычными людьми. Несколько радикальных групп открыто заявляли, что именно люди с Силами являются формой человечества, по-настоящему приспособленной к инфекции. Рея холодно рассмеялась.

— Люди, которые после использования способности на полдня валяются с ног, считают, что уже завершили эволюцию?

Орин поднял руку.

— Не надо нападать на всё население сразу.

— Я не о тебе говорила.

— Ты на меня смотрела.

Через четыре месяца после краха люди уже умели отличать мёртвых. Теперь им приходилось убеждаться ещё и в том, что живой человек перед ними — настоящий.

* * *

Вейра решила вернуться в «Нексус» после третьего отчёта об образце имитатора. На совещании присутствовало больше десятка человек: военные, исследователи, специалисты по инфекционному контролю и два эксперта по оценке рисков, связанных с людьми с Силами. Над центром стола светились наборы данных. Обычные заражённые. Люди с Силами. Мутанты высокого порядка. Имитаторы. Четыре всё более различимые формы исхода заражения, при этом у всех сохранялось несколько фундаментальных общих особенностей тканей. Вейра уже видела эти особенности. Десятилетия назад. У NX-01.

— Мы больше не можем опираться исключительно на старые данные, — сказала она.

Военный командир нахмурился.

— «Нексус» не выходит на связь больше трёх месяцев. Мы не знаем, в каком состоянии периметр. Возможно, весь комплекс пал.

— Именно поэтому туда нужно вернуться.

— Вас интересуют архивы или NX-01?

— И то и другое.

В комнате стало тихо. Кто-то открыл файл с оценкой рис-

ков.

— Мы не можем подтвердить, что цель всё ещё внутри. Не знаем, жива ли Марен Холт. К каким условиям должна быть готова операция?

Вейра сделала короткую паузу.

— К худшим.

На экране появился экспериментальный файл Кейла. Полный профиль способности: отсутствует. Надёжно подтверждённая продолжительность жизни: неизвестна. Подтверждённый способ уничтожения: отсутствует. Скорость регенерации: не поддаётся количественной оценке. Верхний предел: неизвестен. Поле «известные слабости» оставалось пустым. Военные выглядели всё менее довольными.

— Вы изучали его десятилетиями и так и не нашли эффективного способа контроля?

Вейра встретила взглядом с командиром.

— Ни один метод не доказал стабильной эффективности.

— Седативные препараты?

— Испытывались. Результат непостоянный.

— Газ?

— Эффективность неизвестна.

— Электрошок?

— Нет надёжных данных, подтверждающих длительный контроль.

— Физические ограничения?

Вейра помолчала.

— Если вы собираетесь привезти что-то прочнее оригинальной защитной двери «Нексуса», можете попробовать.

Больше никто ничего не спросил. Операцию одобрили. Все последние исследования инфекции упирались в один и тот же вопрос. Почему структуры, которые только сейчас начали появляться у заражённых, присутствовали у Кейла ещё десятилетия назад? В «Нексусе» оставались оригинальные бумажные архивы, ранние образцы и полноценное экспериментальное оборудование. А если там всё ещё находился сам NX-01, окончательно бросить комплекс было невозможно. Перед завершением совещания командир уточнил цель.

— NX-01. Извлечение живым.

Вейра посмотрела на экран.

— Он должен остаться жив.

— А если станет полностью враждебным?

— Постарайтесь не доводить до этого.

— А если всё-таки доведём?

Вейра молчала несколько секунд.

— Сделайте всё, чтобы ваши люди смогли вернуться домой.

Это было самое ясное предупреждение, которое она могла дать. Группа извлечения оказалась гораздо крупнее любой обычной исследовательской миссии. В список вошли бронированные машины, вооружённые транспорты, мобильная камера содержания, многоуровневые фиксаторы, экстренные седативные препараты, системы подачи газа, тяжёлая защит-

ная экипировка и крупный запас оружия. Двух боевых людей с Силами временно прикрепили к операции на случай, если при провале изоляции понадобится выиграть время для эвакуации. Вейра добавила последнюю инструкцию. НЕ НАНОСИТЬ МАРЕН ХОЛТ ПРЕДНАМЕРЕННЫЙ ВРЕД. Командир поднял глаза.

— Если она жива?

— Да.

— Почему?

— Возможно, она по-прежнему остаётся самой стабильной поведенческой переменной NX-01.

Он внимательно посмотрел на Вейру.

— Можно использовать её, чтобы заставить его сотрудничать?

— Не делайте этого.

— Вы сами назвали её переменной.

Вейра подняла взгляд.

— Я сказала не причинять ей вред.

— Это операция, а не семинар по этике.

— Тогда сформулирую иначе.

В комнате стало тихо.

— Если Марен жива и NX-01 по-прежнему реагирует на неё так же, как раньше, угроза в её адрес может вызвать реакцию, которой никто из нас ещё не наблюдал.

Командир больше не спорил. Вейра закрыла файл.

— Не проверяйте неизвестные переменные в полевых

условиях.

* * *

В «Нексусе» самой большой проблемой Марен была задержка месячных. Сначала она решила, что цикл просто немного сдвинулся. Прошло три дня. Потом пять. На седьмое утро Марен сидела за столом, открыв журнал на прошлом месяце, и снова пересчитывала даты. Один раз. Второй. Потом третий.

— ...Так не должно быть.

Кейл сидел рядом и смотрел. Марен постучала ручкой по нужной дате.

— Серьёзная задержка.

Он продолжал смотреть.

— Месячные.

Никакой реакции.

— Ты же знаешь, что такое месячные, да?

— Да.

— Хорошо.

По крайней мере, не придётся начинать с базовой человеческой биологии. Марен снова посмотрела на календарь. Болезненная грудь. Внезапная чувствительность к запахам. Тушёнка, которую она обычно ела спокойно, вызвала тошноту. И Кейл уже несколько раз говорил, что она пахнет иначе. По отдельности ни один симптом не казался важным. Теперь они сложились в одну картину. Ручка в руке Марен медленно застыла.

— Не может быть.

Кейл смотрел на неё.

— Это невозможно.

Она говорила скорее самой себе, чем ему. Месяцы прошли без всяких последствий. Марен даже не знала, чем на самом деле является тело Кейла. С какой стати экспериментальный объект, созданный в лаборатории, должен обладать обычной репродуктивной системой? Но чем дольше она думала, тем меньше была уверена. Марен положила ручку.

— Мне надо кое-что найти.

Кейл сразу встал.

— Можешь не идти за мной.

Он пошёл.

— Я всего лишь в медицинский блок.

По-прежнему следом. У двери Марен обернулась.

— Ты теперь обязан ходить за мной каждый раз, когда я выхожу из комнаты?

— Да.

Ответ был впечатляюще прямым. Марен две секунды смотрела на него.

— Делай что хочешь.

Медицинский блок она обыскивала почти полчаса. Шкафы с лекарствами были заполнены. В помещении для женских принадлежностей лежали средства гигиены. Аптечки для сотрудников буквально ломились от содержимого. Теста на беременность не было. Кейл всё это время стоял рядом.

Марен открыла ящик и тут же закрыла.

— В таком огромном комплексе ни одна женщина ни разу не беременела?

Никто не ответил. Она проверила другой. Пусто.

— Они что, при эвакуации забрали абсолютно все тесты?

Марен остановилась посреди коридора и задумалась. И тут вспомнила. Когда она разбирала жилые помещения сотрудников, ей попадалась одна коробка. Тогда всё казалось потенциально полезным, поэтому Марен её сохранила. Куда же положила? Через несколько секунд она резко развернулась.

— Знаю.

Марен поспешила обратно в жилой сектор и начала перебирать шкаф. На первой полке ничего. На второй — туалетные принадлежности. Внизу несколько упаковок средств гигиены. Она отодвинула их и нашла слегка помятую коробочку.

— Вот.

В голосе прозвучало облегчение. Кейл наклонился ближе. Марен тут же отодвинула коробку.

— Тебе не обязательно это видеть.

Он продолжал смотреть.

— Правда. Совсем не обязательно.

Марен унесла тест в ванную. Кейл дошёл до порога. Дверь закрылась у него перед лицом.

— Сюда за мной нельзя.

Снаружи было тихо. Марен посмотрела на коробку. Упаковка старая, края выцвели. Когда она нашла её впервые, даже не стала внимательно рассматривать. Сейчас проверила лишь, цел ли сам тест. Через несколько минут появился результат. Одна полоска. Марен смотрела и ждала. По-прежнему одна. Она глубоко выдохнула. Плечи расслабились.

— Я так и знала.

Странное напряжение сразу исчезло. Задержки случаются постоянно. Мир буквально закончился четыре месяца назад. Сдвинувшийся цикл едва ли можно было считать катастрофой. Марен выбросила обёртку. Коробка упала набок, открыв выцветшую дату срока годности на нижней стороне. Марен её не увидела. Не задумалась и о том, сколько времени тест хранился без нормального температурного режима. Одна полоска. Этого было достаточно. Когда она открыла дверь, Кейл ждал снаружи. Марен помахала тестом перед ним.

— Ничего.

Он смотрел на палочку, явно не понимая, что это вообще такое.

— Ребёнка нет.

Он поднял глаза на Марен.

— Ребёнок?

Она остановилась.

— Ты не знаешь, что такое ребёнок?

Кейл смотрел.

— Маленький человек. Очень маленький.

Марен подумала, как объяснить проще, и указала на низ живота.

— Он растёт у женщины вот здесь.

Кейл тут же опустил взгляд. Марен легко хлопнула его по руке.

— Я сказала, что там никого нет.

Он продолжал смотреть на её живот.

— Правда нет. Просто месячные задержались. Может, организм сбился, или...

Она замолчала. Стресс? Если подумать, сейчас её жизнь была намного стабильнее, чем сразу после похищения.

— Неважно. Я не беременна.

Раз вопрос был закрыт, Марен даже сделала себе чашку кофе, от которого отказалась во время испуга. Кейл долго смотрел на неё. На половине чашки Марен не выдержала.

— Что?

Никакого ответа.

— Если будешь смотреть, вторая полоска от этого не появится.

Он всё равно молчал. Марен решила не обращать внимания и допила кофе.

* * *

Вечером они лежали на кровати, прижавшись друг к другу, а Марен читала старый журнал из комнаты отдыха сотрудников. Кейла журнал совершенно не интересовал. Одна

рука лежала у неё на талии. Потом постепенно спустилась ниже, пока ладонь не оказалась на животе. Сначала Марен не обращала внимания. Когда рука так и осталась там, она опустила взгляд.

— Что ты делаешь?

Ответа не было. Ладонь медленно провела по животу. Марен отодвинулась.

— Щекотно.

Рука осталась. Марен попробовала отодвинуться ещё. Кейл притянул её обратно. Она рассмеялась.

— Кейл.

Он посмотрел вниз.

— Я же сказала, ребёнка нет.

Рука продолжала двигаться.

— Почему тебя вдруг так заинтересовал мой живот?

Марен отшлёпала его ладонь. Через секунду она вернулась. Марен начала с ним бороться.

— Убери.

Кейл поймал её руку.

— Ты становишься бессовестным.

Марен рассмеялась и попыталась отползти. Он последовал за ней, пока не заключил полностью в объятия и отступать стало некуда.

— Ладно.

Марен посмотрела вверх. Ей вдруг захотелось его подразнить.

— Ты мне вообще кто?

Кейл смотрел на неё.

— Я разрешала тебе меня трогать?

Она просто шутила. Обычно такие вопросы заставляли его остановиться и молча смотреть. Но в этот раз Кейл несколько секунд серьёзно думал.

— Я твой муж.

Улыбка исчезла с лица Марен. В комнате стало тихо. Она даже подумала, что ослышалась.

— ...Что?

Кейл посмотрел на неё.

— Муж.

Жар мгновенно разлился от ушей по шее.

— Кто тебя этому научил?

Он не ответил.

— Где ты это услышал?

Только продолжал смотреть.

— Мы не женаты.

— Вместе.

— То, что мы живём вместе, ещё не делает нас женатыми.

— Спим вместе.

Щёки Марен вспыхнули ещё сильнее.

— Замолчи.

Кейл продолжал смотреть. Она уже очень жалела, что вообще задала этот вопрос.

— Ты мне не муж.

— Муж.

— Нет.

— Да.

Глаза Марен расширились.

— Ты теперь ещё и спорить со мной научился?

Кейл притянул её ближе.

— Муж.

— Хватит это повторять!

Марен уткнулась лицом ему в грудь и дважды ударила кулаком.

— Замолчи.

Кейл позволил ей бить себя. Объятия только стали крепче. Марен сама не понимала, почему отреагировала так сильно. Всего лишь слово. Но из уст Кейла оно звучало совсем иначе. Наверное, он услышал его по радио, в старой телепередаче или прочитал в какой-нибудь книге. Мужчина и женщина живут вместе. Спят вместе. Остаются рядом. Значит, муж и жена. Для Кейла брак, вероятно, был именно таким простым понятием. Пока Марен об этом думала, сверху прозвучало ещё одно слово.

— Жена.

Она резко подняла голову.

— Тебе нельзя так быстро учиться.

Кейл смотрел. Марен закрыла ему рот ладонью.

— Не говори.

Он не сопротивлялся. Несколько секунд они молча смот-

рели друг на друга. Первой рассмеялась Марен.

— Ты правда...

Нового ругательства не нашлось. Она снова спрятала лицо у него на груди.

— Какой же ты раздражающий.

* * *

Из глубины В6 уже давно не доносилось ударов. По крайней мере, пока Марен и Кейл бодрствовали. Существо за дверью перепробовало всё. Било по барьеру. Звало. Копировало Марен. Даже обращалось к ней голосом матери. Ничто не заставило Кейла открыть дверь. Если звук расстраивал Марен, Кейл приказывал существу замолчать. В конце концов оно перестало звать. В темноте его нестабильное тело начало перестраиваться.

Руки становились уже. Пальцы удлинялись. Суставы меняли положение. Кожа постепенно приобретала линии человеческой ладони. Существо видело, как исследователи открывали дверь. Знало, куда они клали руки. Слышало, как бесчисленное количество раз срабатывал механический замок. С первой попытки пальцы дотянулись лишь до края вентиляционного отверстия. Позже продвинулись чуть глубже.

Потом вся кисть протиснулась в узкое техническое пространство. Рано утром один ненормально длинный палец наконец коснулся внутреннего механизма. Осторожно надавил. Щёлк. Звук был едва слышен. Дверь не открылась. Лицо

в темноте приблизилось. Палец отступил на несколько сантиметров, изменил угол и снова вошёл внутрь. На этот раз звука не было. Но существо уже знало: направление найдено.

* * *

Той же ночью с северной базы вышла колонна, направлявшаяся в Грейхейвен. Впереди шёл бронеевтомобиль. За ним — транспорты, исследовательское оборудование, мобильная камера содержания и вооружённый персонал. Колонна двигалась на юг по расчищенному шоссе. В одной из машин Вейра открыла последнюю видеозапись, полученную из «Нексуса». Ей было больше трёх месяцев. Нулевой сектор. Марен. Кейл. Последний раз, когда Вейра действительно видела их обоих. После этого — пустота. Ожила радиосвязь машины.

— Расчётное время прибытия?

— До периметра Грейхейвена должны добраться завтра после обеда.

— Подтвердите цель.

— NX-01.

— Условие извлечения?

— Живым.

После короткого треска помех кто-то спросил:

— Если Марен Холт всё ещё жива?

Вейра подняла глаза.

— Не причинять ей вреда.

Никто не потребовал объяснений. Колонна продолжила

путь к Грейхейвену. Они не знали, что Кейл покинул Нулевой сектор ещё несколько месяцев назад, а потом вернулся туда по собственной воле. Не знали, что Марен превратила отключённый от внешнего мира комплекс в пригодный для жизни дом. А заражённые, собравшиеся вокруг периметра? Военные увидят в них доказательство того, что «Нексус» пал. Марен называла их охраной.

* * *

На самом глубоком уровне «Нексуса» свет уже выключили на ночь. Марен спала в объятиях Кейла. Его ладонь всё ещё лежала у неё на низу живота. Не просыпаясь до конца, она шлёпнула по руке.

— Не двигайся...

Кейл послушался. Руку не убрал. Марен прижалась к нему теснее и вскоре снова крепко уснула. Тревога, мучившая её днём, уже полностью исчезла. На тесте была одна полоска. Конечно же, она не беременна.

Глава 21 — Украденный дом

Собираясь в дорогу, Марен вдруг поняла, что они с Кейлом слишком уж бросаются в глаза. Она внимательно рассмотрела себя в зеркале. Чистые волосы. Чистая одежда. Ни одной заметной раны. Здоровый цвет лица. Потом перевела взгляд на Кейла. Его чёрные волосы выглядели вполне аккуратно. Одежду он надел из запасов всего несколько дней назад. Даже обувь почти не успела износиться. Ни один из них не выглядел человеком, пережившим четыре месяца апокалипсиса. Марен медленно нахмурилась.

— Теперь понятно, почему группа Реи так на нас смотрела.

Кейл молча наблюдал за ней.

— Мы выглядим богатыми.

В нынешнем мире чистота тоже была богатством. Как и еда. Вода. Целая одежда. А когда они появлялись вдвоём, впечатление становилось ещё сильнее. На Марен не было следов длительного голода и заметных травм. Рядом с ней шёл мужчина, который даже не считал нужным носить оружие. Любой мог догадаться: где-то у них есть хорошо снабжённая база. Она сняла куртку и бросила её на кровать.

— Так не пойдёт.

Марен покопалась в шкафу и выбрала старое тёмное пальто и брюки-карго с заметно протёртыми коленями. Волосы

она не стала аккуратно собирать, а кое-как стянула в небрежный узел. Подумав ещё немного, провела пальцами по пыльному краю ящика с инструментами и размазала немного грязи по щеке. Отступила на шаг.

— Уже убедительнее.

Потом повернулась к Кейлу. Он так и стоял на месте. Марен окинула его взглядом.

— Теперь ты.

Никакой реакции.

— Иди сюда.

Кейл подошёл. Она сняла с него слишком чистую чёрную рубашку и сунула старую куртку.

— Руки вверх.

Он послушался.

— Повернись.

Кейл повернулся.

— Ниже.

Он наклонил голову. Марен поправила на нём одежду, а затем специально растрепала волосы сильнее.

— Когда ты успел стать таким послушным?

Он посмотрел на неё. Она провела немного пыли по его лицу. Кейлу это явно не понравилось. Он поднял руку, чтобы стереть грязь, но Марен тут же хлопнула его по запястью.

— Не вытирай. Сегодня тебе надо выглядеть несчастным. Хотя бы сделай вид, что живёшь снаружи.

Она отошла на несколько шагов и придирчиво осмотрела

результат. Всё равно заметный. Проблема была в лице. Марен долго смотрела на него.

— А ты не можешь попробовать выглядеть... обычнее?

Кейл ничего не ответил. Она нашла старую кепку и натянула ему на голову, почти закрыв волосы.

— Ладно. Сойдёт.

Он опустил взгляд на неё. Марен едва удержала улыбку.

— Не смотри на меня так. Незаметнее я тебя уже не сделаю.

* * *

В этот раз они ехали не за едой. Запасов в «Нексусе» всё ещё было достаточно, а лекарств должно было хватить на ближайшее время. Марен гораздо сильнее беспокоили энергия и вода. После недавней поломки генератора она несколько дней разбиралась в технических инструкциях и обнаружила, что многие важные детали давно устарели. Запасные части в комплексе были. Но не бесконечно. Примерно в пятидесяти километрах к юго-востоку от Грейхейвена раньше находился склад одного из старых поставщиков «Нексуса». Компания занималась возобновляемой энергетикой и промышленными системами очистки воды.

Если склад уцелел, там могли остаться солнечные панели, инверторы, аккумуляторы глубокого цикла, фильтрационные мембраны и элементы управления, совместимые с оборудованием «Нексуса».

— Возможно, вернёмся поздно.

Марен поставила в внедорожник последний ящик с водой. Кейл смотрел на неё.

— Самое позднее — завтра. Если найдём много полезного, придётся искать исправный грузовик.

Она уже собиралась закрыть багажник, когда кое-что вспомнила. Марен повернулась к заражённым, бесцельно бродившим вокруг комплекса.

— Оставайтесь здесь.

Слаженной реакции, конечно, не последовало. Она указала на парковку.

— Внутрь не заходить.

Марен уже привыкла напрямую разговаривать с мёртвыми. Двое остановились. Ещё один медленно повернул голову в сторону внешней дороги. Она довольно кивнула.

— Хорошо.

Кейл наблюдал за ней.

— Бесплатная охрана на удивление послушная.

Марен захлопнула багажник.

— Поехали.

* * *

В то же самое время на окраину Грейхейвена вошла вооружённая колонна, намного превосходившая любой караван выживших. Впереди шли бронемшины, расчищавшие дорогу. За ними — транспорт с оборудованием, исследователи, мобильная изоляционная камера, вооружённые подразделения и двое людей с Силами, назначенных для подавле-

ния аномальных целей. По пути они уничтожили несколько небольших скоплений заражённых. Первый признак проблемы появился рядом с «Нексусом».

— Впереди высокая концентрация заражённых, — сообщил разведчик по радио.

Ответ пришёл немедленно.

— Сколько?

— Не меньше семидесяти.

Короткая пауза.

— Возможно, больше.

Вейра сидела в одной из машин ближе к концу колонны и слушала переговоры. Обычные заражённые никогда прежде не собирались вокруг исследовательского комплекса в таком количестве.

— Подтвердите местоположение.

— «Нексус» подтверждён. Большая часть заражённых сосредоточена на парковке и подъездной дороге. Вход пока не просматривается.

Командующий изучил карту.

— Зачистить.

Они не могли знать, что Марен сама, одного за другим, вывела этих заражённых наружу. Для военных плотная толпа мертвецов вокруг комплекса означала только одно: «Нексус» пал. Раздалась стрельба. Первая линия заражённых рухнула почти сразу. Остальные повернулись. Некоторые инстинктивно попытались отступить, но против полностью оснащён-

ного военного подразделения у них не было шансов.

Бой закончился быстрее, чем ожидали. Меньше чем через полчаса территория затихла. Асфальт был усеян телами. Вейра вышла из машины и нахмурилась. Слишком много. И почти все — снаружи. Если комплекс действительно был захвачен заражёнными, внутри не должно было стоять такой тишины. Она посмотрела на вход.

— Заходим.

Первый этаж оказался намного чище, чем кто-либо ожидал. Передовая группа остановилась почти сразу. Заражённых не было. Остались старые пятна крови, следы эвакуации и повреждений, но кто-то явно расчистил главный коридор. Упавшее оборудование было отодвинуто к стенам. Пространство выглядело организованным — и совершенно точно не само по себе.

— Здесь кто-то был, — тихо сказал командир группы.

Чем дальше они продвигались, тем больше находили подтверждений. Отсортированные склады. Переразмеченные запасы. Бумажные таблички, приклеенные к стенам от руки. МЕДИКАМЕНТЫ. ФИЛЬТРЫ. ЕДА. Ещё глубже им попался лист с куда менее официальным предупреждением. НЕ ОТКРЫВАТЬ. А ниже: ВНУТРИ ПРОБЛЕМА. Один из солдат посмотрел на надпись.

— Кто это написал?

Никто не знал. Когда вошла Вейра, она остановилась у поворота. Камеры не было. Почти все устройства наблюде-

ния на их пути были сняты. Выражение её лица изменилось. Здесь кто-то жил. Долго. Чем глубже они спускались, тем очевиднее это становилось. Кухней пользовались месяцами. На столе стояли две чашки. Одежда в шкафах явно принадлежала двум разным людям. Кровать была застелена. Бытовые вещи рассортированы.

А рядом лежали предметы, которых никогда не было в инвентарных списках «Нексуса». Плюшевый медведь. Банки кофе. Старые журналы. И целая куча одежды, затолканная на дно шкафа, которой совершенно не место в исследовательском комплексе высокой степени опасности. Один из солдат потянулся к вещам. Вейра остановила его.

— Личные вещи не трогать.

Он убрал руку. Она молча стояла посреди комнаты. Марен выжила. По крайней мере, она прожила здесь долго. И Кейл, скорее всего, жил вместе с ней. Это уже не было временным сосуществованием. Они построили здесь жизнь.

— Где они?

Ответа не последовало. Поиски продолжились. Третья группа нашла «Кейла». Рация ожила.

— Цель обнаружена.

Вся операция мгновенно перешла в режим полной боевой готовности. Вейра подняла голову.

— Где?

— Коридор доступа В6.

Через несколько минут она уже стояла позади вооружён-

ного отряда. В другом конце коридора находился мужчина. Чёрные волосы. Бледная кожа. Внешность не изменилась. То самое лицо, которое Вейра помнила. Кейл. По крайней мере, выглядел он именно так. Все стволы поднялись одновременно.

— Не двигаться!

Мужчина остановился и посмотрел на них. Вейра тоже замерла.

— NX-01.

Знакомое лицо повернулось к ней. Никакой реакции. Молчание было очень похоже на Кейла. Отряд разошёлся по позициям. Подготовили системы введения седативных препаратов. Оба человека с Силами заняли места поддержки. Вперёд подали мобильные фиксаторы. Все приготовились к худшему. «Кейл» не напал. Он даже не сопротивлялся.

— Шаг вперёд.

Он послушался. Это нервировало ещё сильнее.

— Руки вниз.

Он выполнил и это. На запястьях сомкнулся первый фиксатор. Потом второй. Третий. Высокопрочный материал затянулся. Никакой борьбы. Когда в его организм ввели седативное, мужчина лишь слегка покачнулся. Его без труда провели в мобильную изоляционную камеру. Всё прошло пугающе легко. Один из солдат пробормотал:

— И всё?

Никто не ответил. Ещё несколько минут назад они гото-

вились столкнуться с экспериментальным объектом, для которого не существовало ни одного подтверждённого способа удержания. И ничего не произошло. Вейра стояла за прозрачным изоляционным барьером и всматривалась в знакомое лицо.

— Жизненные показатели?

— Стабильные.

— Реакция на седативное?

— Нормальная.

— Анализ тканей?

— В полевых условиях недостаточно оборудования. Нужна лаборатория на базе.

Командующий заметно расслабился.

— Задача выполнена.

Вейра ничего не сказала. Слишком легко. Кейл никогда не сопротивлялся просто ради сопротивления. Вполне возможно, что месяцы рядом с Марен научили его сотрудничать. И всё же что-то было не так. Ощущение напоминало ситуацию, когда человек, которого ты знаешь до мельчайших привычек, делает одно за другим совершенно разумные действия — но вместе они почему-то всё равно кажутся чуть-чуть не такими.

— Сохранять максимальный уровень изоляции, — наконец сказала она. — То, что он сотрудничает, не повод ослаблять меры безопасности.

— Понял.

Дальнейший поиск не обнаружил ни Марен, ни других выживших. Одна из прежде запечатанных дверей на В6 была открыта. За ней находились старое оборудование и следы тканей, настолько разрушенные, что определить их происхождение было невозможно. Вейра остановилась у входа.

— Что здесь содержали?

Молодой исследователь просмотрел неполные записи.

— Сохранившегося обозначения нет. Возможно, это был сектор одного из ранних неудачных экспериментов.

— А сейчас?

— Пусто.

Глубже находилась ещё одна дверь — полностью заклинившая. Механический замок оставался закрытым. Инженеры попробовали открыть её один раз и не смогли. Они уже начали готовить оборудование, когда Вейра подняла руку.

— Оставьте закрытой.

Командующий повернулся к ней.

— Внутри может быть ещё одна цель.

— Основную цель мы получили. Нет смысла добавлять к рискам неопознанный объект.

Никто не возразил. Они приехали за NX-01. Теперь, когда он был у них, причин вскрывать незадокументированный экспериментальный сектор не осталось. Дверь так и осталась закрытой. Никто не знал, что находится за ней. А имитатор, которого раньше держали по другую сторону В6, в это время спокойно лежал внутри мобильной изоляционной камеры.

Колонна покинула «Нексус» уже в сумерках. С собой они забрали серверы, архивы, материалы проекта NX, контейнеры с образцами и исследовательское оборудование. Жилые помещения их почти не интересовали. Одежда Марен. Чашки. Одежда. Кухонные вещи. Для операции всё это не имело никакой ценности. Но комплекс обыскали тщательно. Дверцы шкафов остались открытыми. Ящики сдвинули с привычных мест. В архивах зияли пустые промежутки. На полу коридоров тянулись грязные следы военных ботинок.

Всех заражённых снаружи убили. Только когда колонна исчезла вдаль, из нескольких соседних зданий начали выходить люди. Они наблюдали уже несколько часов, но не решались приблизиться. Теперь военные ушли.

— Уехали, — сказал один, глядя в бинокль. — Правда уехали.

Другой мужчина не отрывал глаз от «Нексуса».

— Там всё равно должно что-то остаться. Военные не могли вывезти всё.

— Это исследовательский комплекс.

— Лекарства.

— Еда.

— Электричество.

— Оружие.

С каждым словом их глаза загорались всё сильнее. Они даже не принадлежали к одной группе. Просто случайно за-

метили военную операцию и собрались здесь по одной и той же причине. Дождаться, когда военные уйдут. А потом войти. Никому не пришло в голову задуматься, живёт ли там кто-нибудь. Солдаты уничтожили всех заражённых вокруг комплекса. Для них это означало только одно: появилась возможность.

* * *

Марен поняла, что что-то не так, ещё до того, как машина подъехала к самому входу. Внедорожник свернул на подъездную дорогу, и она резко ударила по тормозам. Земля была покрыта телами. Марен несколько секунд сидела за рулём молча. Кейл посмотрел наружу. Она медленно повернулась к нему.

— Где моя охрана?

Никакой ответ всё равно бы не помог. Марен вышла из машины и подошла к ближайшему заражённому. Он был мёртв — застрелен. Она оглядела территорию. Десятки тел. Все уничтожены. Стреляные гильзы. Следы тяжёлых шин. Отпечатки военных ботинок. Передвинутые ограждения. Марен помрачнела.

— Здесь кто-то был.

Кейл уже смотрел на вход. Чем дольше Марен осматривалась, тем сильнее злилась.

— Они убили всю мою охрану.

Три месяца назад такая жалоба прозвучала бы нелепо. Теперь она говорила совершенно серьёзно. Она сама по одно-

му выводила этих зомби наружу. Им не требовались ни еда, ни вода, а другие выжившие старались держаться подальше. Марен уехала всего на один день. Теперь все они были мертвы.

— Пойдём.

Она открыла багажник, но солнечное оборудование пока не стала выгружать. Сразу направилась внутрь. С каждым коридором её лицо становилось всё мрачнее. Вход вскрыли. Склады обыскали. Один архивный шкаф был пуст. Несколько аккуратно расставленных коробок передвинули в другой конец комнаты. Даже один из её листов с классификацией лежал на полу, затоптанный по углу.

— Кто им разрешил это трогать?

Марен подняла бумагу, снова приклеила к стене и пошла дальше.

— Эта коробочка вчера стояла там. Зачем они её передвинули?

Она заметила ещё один беспорядок.

— И это.

Открыла шкаф — часть исследовательских документов исчезла. Марен замолчала на две полные секунды.

— Кто-то ограбил наш дом.

Кейл посмотрел на неё. Она повернулась к нему.

— Нас действительно ограбили. Это было крупномасштабное ограбление.

С каждым словом её возмущение только росло.

— У этих людей собственных домов нет, что ли?

Лишь добравшись до жилых комнат, Марен немного успокоилась. Кровать не тронули. Ожерелье матери осталось на месте. Одежда тоже была здесь. На кухне явно кто-то рылся, но еды почти не взяли. Первым делом Марен проверила ожерелье. Оно лежало там, где она его оставила. Плечи наконец расслабились.

— Хотя бы это не тронули.

И тут она кое-что вспомнила.

— В6.

Кейл уже шёл туда. Дверь была открыта. Марен остановилась в дальнем конце коридора. Все жалобы мгновенно застряли в горле. Она подошла ближе. Комната за дверью была пуста. Лица, которое училось копировать её выражения, за наблюдательным стеклом больше не было.

— Оно выбралось.

Кейл вошёл внутрь, осматривая помещение. Марен осталась на пороге. Куда делся имитатор?

— Они его забрали?

Кейл не мог ответить. Никто из них не знал. Но царапины и следы на полу показывали, что через этот коридор перемещали оборудование. Если пришедшие сюда люди приняли существо за ценный экспериментальный объект... последствия могли оказаться очень серьёзными. Кейл вышел и, даже не дожидаясь просьбы Марен, начал обыскивать весь «Нексус». Жилые уровни. Склады. Коридоры доступа. На-

земный вход. Вентиляционные пространства. Наконец — оставшаяся запечатанная лаборатория. Марен пошла за ним. Тяжёлую дверь не вскрывали. Механический замок выглядел нетронутым.

— Внутри?

Кейл прислушался.

— Всё ещё там.

— Проблем нет?

— Нет.

Марен ответила сразу:

— Укрепи.

Кейл проверил механизм, затем придвинул к входу огромную часть старого оборудования и перекрыл ею часть двери. На этот раз Марен не стала критиковать его метод.

— Ещё одну.

Он подвинул второй тяжёлый аппарат. Только убедившись, что всё надёжно, Марен расслабилась.

— Хорошо. По крайней мере, остальное всё ещё здесь.

Потом началась уборка. Марен и так провела весь день в дороге. Один вид разгромленного дома делал её ещё более уставшей. Она затолкнула коробку обратно под полку.

— Кто это передвинул?

Ответа, конечно, не было.

— Военные они там или кто угодно — их вообще не учили ставить вещи обратно на место?

Кейл выровнял целый ряд перекошенных коробок. Марен

продолжала ворчать.

— Нужны документы — забирайте. Но зачем оставлять открытым каждый шкаф?

Она с силой захлопнула одну дверцу.

— И это ещё.

Марен подняла грязный лист бумаги.

— Я вчера его написала.

Кейл продолжал убирать без всяких указаний. Поднял упавший стеллаж. Поставил ровно стол. Закрыл двери кладовых. Марен остановилась посреди очередной жалобы.

— Ты теперь сам убираешься?

— Да.

Она кивнула.

— Хорошо.

И снова взялась за работу.

— Хотя у одного человека в этом доме есть совесть.

Кейл явно не представлял, когда именно успел обзавестись совестью. В конце концов Марен опустила за кухонный стол, всё ещё сжимая в руке смятый инвентарный лист.

— Как же это бесит.

Кейл подошёл и положил перед ней что-то. Шоколад. Марен посмотрела сначала на плитку, потом на него.

— Ты думаешь, шоколад решает любую проблему?

— Ешь.

Как всегда один и тот же ответ. Она собиралась сказать, что не голодна. Через две секунды всё-таки открыла упаков-

ку и отломил кусочек.

— Ладно. Немного помогает.

Кейл стоял рядом и гладил её по волосам. Марен не отстранилась. Он провёл ладонью ещё раз. Она давно привыкла: так Кейл пытался её успокаивать. Через некоторое время он обнял её сзади. Марен продолжила есть шоколад.

— Я всё ещё злюсь.

Кейл ничего не ответил. Его ладонь скользнула по её спине, задержалась на талии, затем переместилась вперёд. Марен посмотрела вниз.

— Ты меня утешаешь или пользуешься ситуацией?

Рука остановилась. Она оглянулась через плечо на его совершенно спокойное лицо и невольно рассмеялась.

— Ладно, забудь.

Марен вложила ему в ладонь квадратик шоколада.

— Сегодня тебе разрешается меня обнимать.

Она откинулась к нему. Кейл крепче сомкнул руки вокруг её тела, и одна ладонь привычно легла на нижнюю часть живота. Марен вздрогнула.

— Щекотно.

Он руку не убрал.

— Почему ты в последнее время всё время трогаешь меня именно там?

Ответа не последовало. У Марен уже не осталось сил вытягивать его.

— Делай что хочешь.

Она хотела всего лишь десять минут посидеть спокойно, прежде чем продолжить уборку в своём ограбленном доме. Даже десяти минут ей не дали. Со стороны входа донеслись голоса. Сначала Марен решила, что военные пропустили одного заражённого. Потом разобрала слова. Говорил не один человек. Много шагов. Звон металла о металл. Марен выпрямилась. Кейл уже поднял голову. Она отложила шоколад.

— Ещё люди?

Из внешнего коридора донёсся возбуждённый мужской голос:

— Электричество правда работает!

Другой тут же ответил:

— Давайте посмотрим, что внутри.

Марен снова помрачнела.

— Что за день такой?

Она встала. Кейл уже направлялся к входу. Марен пошла за ним и на первом уровне увидела не меньше дюжины незнакомцев. У них были ружья, рюкзаки и маленькая тележка, которую они где-то нашли. Совершенно очевидно — пришли за вещами. Как только они увидели работающий свет, выражения на их лицах изменились. Чистые коридоры. Целое оборудование. Вода. Ни одного заражённого внутри. Для голодных людей снаружи «Нексус» выглядел как открытый склад. Один мужчина уже заглядывал в боковые помещения.

— Сколько тут всего?

Марен вышла из-за Кейла.

— А вам какое дело?

Все головы повернулись к ней. Они явно не ожидали, что кто-то окажется дома. Сначала увидели Марен. Потом Кейла. Но первоначальное колебание быстро исчезло перед обещанием огромных запасов. Они видели, как военные вошли, зачистили территорию и затем полностью покинули комплекс. По их мнению, теперь это место никому не принадлежало. Мужчина впереди заговорил прямо:

— Мы видели, как военные уехали.

— И что? — спросила Марен.

— Здесь полно припасов. — Он говорил так, будто предлагал совершенно разумное решение. — Можно поделить.

Марен несколько секунд пыталась понять, не ослышалась ли.

— Что?

Другой мужчина посмотрел в сторону склада.

— Двум людям столько всё равно не использовать.

Он произнёс это так, словно делёж уже начался. Марен отступила на шаг. Ей не нравилось, как они смотрели на комплекс. На свет. На двери. На шкафы. На неё. Словно «Нексус» был ничейной тушей, которую можно разделать. Один мужчина обошёл их и направился в глубину комплекса.

— Стойте.

Он оглянулся.

— Здесь живут люди. — Марен указала за спину. — Мы

здесь живём.

На несколько секунд повисла тишина. Кто-то рассмеялся.
— Да кому сейчас вообще принадлежит дом?

Выражение лица Марен стало холодным. Она не двинулась вперёд. Вместо этого совершенно естественно шагнула за Кейла и ухватилась за край его старой куртки. Утром она специально старалась сделать его похожим на обычного выжившего. Кепка. Потёртая одежда. На лице всё ещё едва заметная пыль. Эти люди видели перед собой всего лишь ещё одного здорового мужчину. Никто из них не задался вопросом, почему комплекс настолько чист.

Почему женщина на четвёртом месяце апокалипсиса может выглядеть так хорошо. Почему, оказавшись перед дюжиной вооружённых незнакомцев, она больше всего переживает о том, что они могут взять её вещи. Кейл всё это время молчал. Оружия у него не было. Один из незнакомцев сделал шаг вперёд.

— Не нервничай так. Нам нужно всего несколько вещей. Марен холодно ответила из-за спины Кейла:

— Я уже сказала. Это мой дом.

Мужчина улыбнулся.

— Разве с большим количеством людей здесь не было бы безопаснее?

Кейл поднял глаза. Под ладонью Марен его тело напряглось. Она слегка потянула его за куртку. Просто напоминание. Она всё ещё здесь. Люди у входа понятия не имели, что

дождались, пока военные расчистят им дорогу, — а потом добровольно вошли в дом чудовища.

Глава 22 — Убирайтесь

— Это мой дом.

На несколько секунд группа у входа затихла. Первым рассмеялся мужчина впереди. Ему было около сорока. В руках — винтовка, на плечах — настолько заношенное пальто, что первоначальный цвет уже невозможно было определить. За его спиной стояло ещё с дюжину мужчин и женщин. Разномастное снаряжение. Рюкзаки. Оружие — кто что сумел найти. Они выглядели как выжившие из разных групп, временно объединившиеся ради вылазки за припасами. Они видели, как военные зачистили территорию вокруг «Нексуса», а потом вся колонна уехала. Ожидали найти заброшенный комплекс. То, что внутри оказались Марен и Кейл, вовсе не убедило их уйти.

— Твой дом?

Мужчина снова огляделся. Работающее освещение. Вентиляция. Чистые коридоры. Целые запечатые склады. На четвёртом месяце апокалипсиса такое место могло довести любого снаружи до отчаянной зависти.

— И вы вдвоём живёте во всём этом?

Марен не ответила. Другой мужчина попробовал открыть ближайшую дверь. Заперто.

— А там что?

— Не ваше дело.

Кто-то сзади крикнул:

— Не будь эгоисткой. Посмотри, что с миром стало. Здесь места всем хватит.

— Наверняка есть лекарства.

— И еда.

— У них даже электричество работает.

Незнакомцы начали обсуждать планы между собой так, будто Марен вообще не стояла рядом.

— Генератор не трогать. Им надо пользоваться всем вместе.

— Сначала поделим лекарства.

— Посмотрим, сколько еды.

— Машины снаружи. Много увезём.

С каждым новым предложением выражение лица Марен становилось всё мрачнее. Мужчина впереди даже попытался её успокоить.

— Не переживай. Мы вас без ничего не оставим. После того как всё поделим, вам тоже достанется доля.

Марен медленно подняла глаза.

— Вы собираетесь выделить мне долю из моих собственных запасов?

— Выживать надо всем. — Он развёл руками. — Вы вдвоём всё это всё равно не используете.

Марен перестала пытаться что-либо объяснять.

— Убирайтесь.

Голос она не повысила, но коридор сразу затих. Мужчина

установился на неё.

— Тебе стоит хорошенько подумать.

Марен по-прежнему стояла за Кейлом, одной рукой держась за его старую куртку. После лагеря Даррана она уже усвоила: нет никакого смысла выходить вперёд против дюжины вооружённых незнакомцев только ради того, чтобы доказать собственную храбрость. Кейл молчал с самого начала. Утром Марен специально одела его так, чтобы он выглядел обычным выжившим: старая куртка, кепка, грязь на лице. Большая часть пыли уже стёрлась, из-под козырька выбивались чёрные волосы. Он выглядел всего лишь высоким молчаливым мужчиной. Именно это заставило их потерять осторожность. Некоторые уже вовсе перестали слушать Марен.

— Да брось. Давайте посмотрим, что у них есть.

Один мужчина повернулся к складу.

— Ничего не трогайте.

Он раздражённо оглянулся.

— Да можешь ты прекратить...

Несколько человек рядом засмеялись. Один из мужчин с самого начала не сводил глаз с Марен. Теперь он обратился прямо к Кейлу.

— Хорошо ты свою женщину содержишь.

Кейл поднял взгляд. Мужчина продолжал улыбаться.

— Мир к чёрту развалился, а она у тебя до сих пор такая чистенькая.

Остальные подхватили.

— И правда.

— Теперь понятно, почему ты прячешь её здесь внизу.

Пальцы Марен сильнее сжали куртку Кейла. Мужчина медленно провёл взглядом по её телу.

— Как она?

Смех немного стих. Кейл не ответил.

— Да не напрягайся ты так, брат. Тут всего на всех хватит.

Он намеренно выдержал паузу.

— И не только припасов.

Снова раздался смех.

— Может, женщиной тоже можно поделиться.

Марен шагнула ещё глубже за спину Кейла. Она знала такие взгляды. Мужчины в лагере Даррана смотрели на неё точно так же. С того момента, когда люди начинают обсуждать, кому должна принадлежать женщина, говорить больше не о чем. Кейл опустил глаза на руку, державшую его куртку. Один из мужчин двинулся вперёд.

— Чего прячешься?

Он протянул руку к Марен.

— Выходи, поговорим...

До неё он не дотронулся. Кейл перехватил его запястье. Мужчина моргнул.

— Эй.

Хрустнула кость. Весь смех оборвался. Лицо мужчины побелело. Он едва успел закричать, когда Кейл резко дёрнул его на себя. Глухой удар. Тело рухнуло на пол и больше не

шепельнулось. Остальные застыли на две секунды.

— Блядь!

Кто-то поднял оружие. У Марен ухнуло внутри. Винтовка выстрелила. Пуля вошла Кейлу в грудь. Его корпус слегка дёрнулся. Он остался стоять. Стрелявший мужчина уставился на него и нажал на спуск ещё раз. Вторая пуля пробила тело. Кейл опустил взгляд на дыры в одежде. А потом пошёл к стрелку. Через несколько мгновений на полу лежал уже второй человек. Третий бросился на него с ножом. Кейл отклонился в сторону, перехватил нападавшего — и уложил его рядом. Он не кричал. Никому не угрожал. Разбирался с ними с таким спокойствием, будто всё происходящее было почти обыденным.

— Стреляйте в него! — заорал кто-то.

Никто не послушался. Они собственными глазами видели, как две пули вошли в его тело. Он всё ещё стоял. Кровь уже переставала течь. Первой назад попятилась женщина.

— Что-то не так... — её голос дрожал. — С этим мужчиной что-то не так.

Кто-то попытался придать голосу уверенность.

— Он один. А нас больше...

— Тогда сам с ним и дерись!

Группа, ещё несколько минут назад обсуждавшая, как разделить припасы, рассыпалась мгновенно. Один побежал. За ним второй. Кто-то выронил медицинский ящик, взятый со склада. На пол полетели рюкзаки. Никто не остановился,

чтобы подобрать вещи, когда выжившие толпой рванули к выходу.

— Быстрее!

— Двигайся!

Кейл сделал один шаг вслед. Марен поймала его за руку.

— Хватит.

Он остановился.

— Они уходят. Пусть идут.

Кейл смотрел, как выжившие бегут, но не преследовал. Остался только один пожилой мужчина. Он не отпускал мерзких замечаний и не поднимал оружие. Когда началась стрельба, он даже пытался остановить одного из остальных. Теперь мужчина посмотрел на три тела, затем медленно поднимал упавшую коробку с лекарствами и вернул её на полку.

— Мы уходим.

Никто не ответил. У выхода он посмотрел на Марен.

— Простите.

Марен не приняла извинение. Но и не сказала, что всё в порядке. Она лишь перевела взгляд на дверь. Он понял. Слегка кивнул и ушёл. Кейл его не тронул. Когда шаги окончательно стихли, Марен ещё несколько секунд стояла на месте. Потом отпустила куртку Кейла и посмотрела на вход.

— Плохо.

Кейл повернулся к ней. Злость Марен уже сменилась более серьёзной тревогой.

— Они знают, что мы здесь.

Она прошла несколько шагов в глубину комплекса и остановилась.

— Раньше никто не приближался, потому что снаружи было полно заражённых. Все считали, что «Нексус» полностью пал. Вчера военные перебили всю мою охрану. Сегодня сюда просто вошли эти люди, и почти все они сбежали.

Марен упёрла руки в бока.

— Я уехала на один день.

Кейл смотрел на неё.

— Один день. Вернулась — документы украли, чудовище сбежало, охрану убили, а теперь ещё и наш адрес больше не секрет.

Она прижала ладонь ко лбу.

— Как вообще можно было украсть мой дом, пока меня не было?

Кейл погладил её по волосам. Марен отмахнулась от его руки.

— Не помогает.

Прошло две секунды. Она сама поймала его за запястье и вернула ладонь себе на голову.

— Ладно. Немного помогает.

* * *

Выжившие пробежали несколько километров, прежде чем осмелились остановиться. Кто-то привалился к брошенной машине, тяжело дыша. Другие просто рухнули на дорогу. О припасах, оставленных в «Нексусе», никто даже не за-

говорил. После долгой тишины один мужчина наконец произнёс:

— Этот человек... — Он судорожно втянул воздух. — Пули его не убили.

Сидевший рядом выглядел не лучше. Другой внезапно что-то вспомнил.

— Подождите. Разве по Грейхейвену не ходил слух?

— О чём?

— О черноволосом мужчине, который всегда ходит с женщиной.

Группа затихла. Кто-то нахмурился.

— Король?

— Я думал, это выдумка.

Никто не ответил. Слишком многое совпадало. Чёрные волосы. Бледная кожа. Пули входили в тело, но не останавливали его. И одно слово женщины мгновенно прекратило нападение. Один из выживших оглянулся в сторону «Некса», хотя вход уже давно исчез из виду.

— Блядь.

Вернуться никто не предложил. Но когда правду знала уже дюжина людей, сохранить её в тайне надолго было невозможно.

* * *

В тот же день Марен решила снова собрать заражённых вокруг территории. Ей требовалось нанять новую охрану. Они с Кейлом нашли несколько зомби, бродивших по доро-

гам недалеко от «Нексуса». Марен вышла из внедорожника и остановилась на безопасном расстоянии.

— Иди сюда.

Ближайший заражённый замер. Когда Кейл встал позади неё, тот начал медленно приближаться. Марен указала в сторону комплекса.

— Туда.

Зомби развернулся и пошёл. Она довольно кивнула.

— Один.

Потом появился второй. Третий. Четвёртый. Некоторые Марен игнорировали. Другие реагировали медленно. Кто-то слушался только после того, как Кейл подходил ближе. Она уже поняла, что любую команду нужно упрощать до предела.

— Ты.

— Иди.

— Наружу.

— Внутрь нельзя.

К концу дня вокруг «Нексуса» снова бродило больше десятка заражённых. Этого было мало, но вход хотя бы перестал быть совершенно открытым. Марен осмотрела новых сотрудников.

— Когда придут люди, оставайтесь здесь.

Один наклонил голову. Другой начал уходить в сторону. Марен не расстроилась.

— Достаточно близко.

Она повернулась к Кейлу.

— Постепенно наймём ещё.

— Да.

Марен снова посмотрела на зомби, разбросанных по парковке, и задумалась, насколько стабильно странной стала её жизнь. Другие поселения держали собак, кур и смены вооружённых охранников. Она держала мертвецов у входа. Им не нужна была еда. Вода. Зарплата.

— Экономично, — решила Марен.

* * *

Внутри её ждала новая уборка. У входа лежали три тела. Пол был залит кровью. Незваные гости бросили рюкзаки, медицинский ящик, порванную одежду и кучу мелкого мусора. Марен остановилась посреди всего этого. Вчера комплекс обыскивали военные. Сегодня его захватили выжившие. Она уже второй день подряд занималась уборкой.

— Почему после конца света я всё ещё делаю работу по дому?

Кейл начал переставлять коробки. Марен присела, собирая мусор.

— Другие люди во время апокалипсиса сражаются с чудовищами. Я сортирую кладовки.

Она затолкала рваное пальто в мусорный пакет, посмотрела на тела и окончательно потеряла желание продолжать.

— Хоть кто-нибудь мог бы помочь мне убрать, — пожаловалась она в пустоту.

У входа что-то заскребло по полу. Сначала Марен не об-

ратила внимания. Когда звук приблизился, она повернулась. Внутри стоял один из заражённых, которых она привела обратно. Марен нахмурилась.

— Я разве не сказала вам не заходить?

Зомби её проигнорировал. Он ухватил одно из тел за лодыжку и начал тащить наружу. Марен смотрела, пока тот не пересёк порог. Потом повернулась к Кейлу.

— Ты это видел?

— Да.

— Он помогает мне убирать?

Кейл наблюдал за ней. Марен подошла к входу. Заражённый оставил тело у периметра. Она указала на второй труп.

— Этот.

Никакой реакции.

— Возьми.

Ничего. Марен задумалась.

— Вытащи наружу.

Через несколько секунд заражённый поплёлся к телу, схватил одежду и начал тянуть. Глаза Марен загорелись.

— Кейл.

— Да?

— Похоже, наша охрана освоила новый навык.

Она тут же начала экспериментировать.

— Убери здесь всё.

Зомби стоял на месте.

— Рассортируй мусор.

Реакции стало ещё меньше. Марен снизила ожидания.
Указала на пакет.

— Возьми это.

Заражённый поднял пакет.

— Наружу.

Он пошёл к выходу.

— Положи туда.

Пакет упал в нескольких метрах от того места, которое она имела в виду. Марен с нарастающим удовлетворением проследила за всей последовательностью.

— Это значит, что мне больше никогда не придётся самой выносить мусор?

Кейл не ответил. Марен произнесла с абсолютной серьёзностью:

— Это первое открытие со времён апокалипсиса, которое реально улучшило качество моей жизни.

Следующие полчаса у входа становилось всё абсурднее. Марен сидела на стуле и раздавала инструкции.

— Это вынеси наружу.

Один зомби потащил предмет.

— И то тело.

Второй последовал за ним.

— Пакет.

Он выбрал не тот.

— Не этот пакет.

Заражённый остановился. Марен пришлось встать и

ткнуть пальцем точнее.

— Вот этот.

Наконец он понял. Подметать они не умели. Вытирать кровь — тоже. Аккуратно раскладывать вещи по шкафам тем более. Но таскать тела, выносить мусор и переносить простые предметы они могли. А это уже экономило массу работы. Остальное делал Кейл. Он выравнивал полки, возвращал коробки на места, укреплял двери и внешний вход. Марен мыла пол и продолжала возмущаться недавними гостями.

— Если ещё кто-нибудь войдёт в мой дом, клянусь, я...

Она резко замолчала. Кейл поднял голову. Марен тут же поправилась:

— Я ничего не сказала.

Она совершенно не хотела, чтобы Кейл воспринял незаконченную фразу как разрешение убить следующих людей, которые переступят порог. Когда у входа стало более-менее чисто, Марен вспомнила о В6. Она прислонилась к стене и посмотрела в сторону коридора.

— Кейл.

— Да?

— Что это существо будет делать снаружи?

— Создавать проблемы.

Марен закрыла глаза.

— Я уже слишком много раз слышала этот ответ.

Кейл продолжил передвигать оборудование.

— А ещё?

Он остановился.

— Оно учится.

Марен подняла голову.

— Чему?

— Людям.

Она замолчала. Имитатор научился её голосу и лицу. Скопировал мать. Начал понимать, когда зов действует, а когда бесполезно биться в дверь. Если военные действительно забрали его, новая среда даст ему гораздо больше людей для изучения.

— Надеюсь, они справятся.

Больше она ничего не могла сказать. Она понятия не имела, куда ушла колонна.

* * *

Колонна находилась меньше чем в часе пути от северной базы. Мобильная изоляционная камера всё ещё работала в режиме максимальной герметизации. «Кейл» после захвата почти не двигался. На протяжении всей дороги исследователи записывали жизненные показатели. Седативное расщеплялось в его организме медленнее, чем следовало по старым данным NX-01. Температура тела была ниже нормы. Сердечный ритм показывал несколько аномалий.

После трёх месяцев без наблюдений почти любое физиологическое изменение можно было объяснить новой адаптацией. Но Вейра не расслаблялась. Она смотрела на него че-

рез два слоя защитного стекла. Лицо почти не отличалось от Кейла, которого она помнила. Чёрные волосы. Бледная кожа. Молчание. И всё же что-то было чуть-чуть не так. Мужчина в камере внезапно поднял голову. Один из исследователей посмотрел на мониторы.

— Он проснулся.

Вейра не двинулась.

— Кейл.

Фигура посмотрела на неё, но ничего не ответила. Потом губы шевельнулись.

— Не открывай дверь.

В комнате наблюдения наступила абсолютная тишина. Голос принадлежал молодой женщине. Вейра слышала его слишком много раз, чтобы ошибиться. Марен Холт. Исследователь рядом с ней уставился на камеру.

— Он только что...

— Всем назад, — приказала Вейра.

— Что?

— Назад. Немедленно.

Они послушались. Внутри камеры «Кейл» медленно поднялся. Фиксаторы всё ещё удерживали его. Он не пытался вырваться. Просто смотрел на людей через стекло. А потом улыбнулся. На знакомом лице выражение выглядело неестественно. Уголки губ поднялись слишком жёстко, словно существо впервые пробовало выполнить это движение. Вейра смотрела не отрываясь.

— Это не он.

Исследователь повернулся к ней.

— Что?

Открытая лаборатория В6. Исчезнувший организм. Несответствия в показателях. Всё встало на место. Они не вернули NX-01. Фигура снова заговорила голосом Марен.

— Открой дверь.

Вейра не сдвинулась с места. За стеклом лицо Кейла снова улыбнулось. За сотни километров от базы настоящий Кейл стоял в коридоре «Нексуса» и возвращал на место последний сдвинутый стеллаж. Рядом Марен сидела на корточках и указывала зомби на мусорный пакет.

— Да. Вот этот.

Заражённый поплёлся к выходу. Марен довольно кивнула.

— Теперь у нас есть уборщики.

— Да.

Люди, вошедшие в «Нексус» днём раньше, забрали имитатора с В6. Теперь он оказался на другой базе, полной людей.

Глава 23 — Оно учится

Вейра категорически запретила открывать изоляционную камеру. После того как существо второй раз заговорило голосом Марен, она больше не приближалась к стеклу. Лицо Кейла по-прежнему смотрело на неё. На губах застыла та самая неестественная улыбка.

— Открой дверь.

Снова голос Марен. Исследователь рядом с Вейрой уже не мог произнести ни слова. Военный командующий уставился на мониторы.

— Оно скопировало только её голос?

Вейра не ответила.

— Возьмите образец ткани.

Исследователь моргнул.

— Сейчас?

— Сейчас. Камеру открывать не нужно.

В изоляционном модуле уже находились инвазивные датчики с иглами, введёнными в тело объекта. Они были предназначены для наблюдения за реакциями тканей NX-01. Небольшой образец можно было извлечь через существующий порт. Вейра смотрела через стекло. Существо смотрело в ответ. Оно даже не попыталось помешать процедуре — словно ему самому было интересно, что люди сделают дальше. Через несколько минут появились результаты экс-

пресс-анализа. Исследователь долго смотрел на экран, затем запустил сравнение ещё раз.

— Это не он.

Командующий повернулся.

— Что значит «не он»?

— Это не NX-01.

В комнате стало совершенно тихо. Вейра прочитала результаты сама. Некоторые структуры тканей действительно были очень похожи на старые образцы Кейла. Именно поэтому полевая группа не заметила разницы сразу. Но организм внутри камеры не был тем же самым существом. Хуже того — после отделения от тела образец какое-то время оставался нестабильным. Клетки смещались, словно искали новую конфигурацию. Голос исследователя стал тише.

— Ткань перестраивается.

Вейра подняла глаза.

— B6.

Открытая дверь изолятора. Пустая лаборатория. Слишком лёгкий захват. Существо, говорившее голосом Марен.

— То, что мы вывезли с B6, было не Кейлом.

Командующий помрачнел.

— Тогда где NX-01?

— Неизвестно.

— Всё ещё в «Нексусе»?

— Я сказала: неизвестно.

Вейра посмотрела на изоляционную камеру.

— Скорее всего, он и Марен Холт жили там последние несколько месяцев. Когда мы прибыли, их просто не оказалось дома.

Она вспомнила две чашки. Снятые камеры. Аккуратно организованные склады. Кровать. Каждый след того, как экспериментальное крыло постепенно превратилось в жилой дом. Командующий выглядел ещё менее довольным.

— Мы отправили полноценную группу захвата и привезли обратно неопознанный организм.

— Да.

Вейра не оправдывалась.

— Мы сами вывезли его из «Нексуса».

За стеклом «Кейл» слушал. Улыбка стала чуть шире.

* * *

Через пятнадцать минут один из мониторов показал падение давления в фиксаторе.

— Давление на левом запястье падает.

Специалист по оборудованию проверил систему.

— Механическая неисправность?

— Ошибок нет.

— Увеличить сжатие.

Показатель вырос. Через две секунды снова начал снижаться.

— Всё равно падает.

Вейра посмотрела на прямую трансляцию. Рука внутри фиксатора менялась. Запястье становилось тоньше. Кости

перестраивались. Ладонь укорачивалась. Углы суставов смещались, кожа натягивалась поверх новой формы. Вся кисть уменьшалась. Высокопрочный фиксатор оставался совершенно целым. Менялся размер самого тела.

— Перекрыть второй коридор доступа, — приказала Вейра.

Командующий среагировал одновременно.

— Эвакуировать изоляционное крыло!

Завыли сирены. Коридор залило красным светом. Одна рука выскользнула из фиксатора. Потом вторая. Кто-то тихо выругался.

— Оно даже не сломало фиксаторы.

Вейра не отрывала глаз от экрана.

— Ему и не требовалось.

Человеческие средства удержания были бесполезны против тела, которое могло просто перестать соответствовать человеческим размерам. Система ввела новую дозу седативного. Существо покачнулось, но не упало. Оно посмотрело на иглы в своих руках, сделало пальцы тоньше и одну за другой вытащило их.

— Закрыть внутренние порты.

— Поздно.

Изображение дёрнулось. Существо добралось до камеры. Лицо Кейла заполнило весь экран. Оно смотрело две секунды. Потом улыбнулось. Экран погас.

* * *

В «Нексусе» Марен тем временем набирала вторую смену охраны. Потратив почти весь предыдущий день на сбор обычных зомби, она быстро поняла: пугать людей они умеют гораздо лучше, чем действительно что-то защищать. Их можно было набрать хоть сотню. Но вооружённая группа при желании снова просто перестреляла бы всех. Поэтому, когда следующим утром Кейл собрался выйти, Марен отправилась вместе с ним.

— Нам нужны более умные.

Кейл посмотрел на неё.

— Мутанты, — совершенно спокойно уточнила Марен.

— Такие, которые смогут охранять дверь.

Он молчал.

— Только не те, что бросаются на всё подряд.

Марен забралась в внедорожник.

— В идеале — чтобы понимали хотя бы несколько слов.

Несколько месяцев назад она не смогла бы представить себя всерьёз обсуждающей, какой мутант лучше подходит на роль сторожевого животного. Первого кандидата она забрала быстро. Когда-то он был человеком. Конечности вытянулись до ненормальной длины, вдоль спины торчали позвонки. Существо передвигалось почти у самой земли. Увидев Кейла, оно остановилось и отшатнулось. Марен наблюдала из-за машины.

— Оно тебя боится?

— Да.

Она указала в сторону «Нексуса».

— Туда.

Мутант не двинулся.

— Иди.

Ничего. Марен подождала.

— Этот не годится.

Кейл посмотрел на неё.

— Слишком тупой. Следующий.

Второй оказался лучше. Он был необычно высоким. Серо-белая ткань на коже затвердела, а руки свисали почти до колен. Слух у него был невероятно острым. Когда ветер где-то далеко уронил кусок металла с брошенной машины, мутант повернул голову ещё до того, как Марен услышала удар. Её глаза загорелись.

— Отличная сигнализация.

От Кейла мутант отступал, но не нападал. Марен решила проверить команду.

— Стой.

Он остановился. Она указала в сторону.

— Туда.

Через несколько секунд существо слегка сместилось в указанном направлении. Марен кивнула.

— Этот подходит.

Кейл ничего не сказал.

— Не смотри на меня так. Теперь все знают, где мы живём. Нам нужен персонал.

Возможно, он не понимал, как она умудрялась классифицировать мутанта высокого порядка как сотрудника. Но мешать не стал. Пока Кейл находился рядом, существо держалось на расстоянии и не нападало на Марен. Этого было достаточно. Третий кандидат задержал её внимание гораздо дольше. Сначала Марен увидела только перевёрнутую спасательную машину у дороги. В её тени что-то сидело. Существо было крупным. Конечности намного длиннее нормальных для животного, плечи почти на уровне талии взрослого человека.

Большая часть шерсти выпала, открывая потемневшие участки затвердевшей ткани под кожей. Морда сильно изменилась. Но на шее всё ещё оставался старый ошейник. Марен не выходила из машины.

— Собака?

Кейл мельком посмотрел на неё.

— Раньше.

Очень по-кейловски. На выцветшей полоске ошейника всё ещё угадывался знак поисково-спасательной службы. Существо давно уже не походило на обычную собаку, но и не бросилось на них сразу. Увидев Кейла, оно припало ниже, а хвост прижался к земле. Марен задумалась.

— Меня укусит?

— Нет.

— Потому что ты здесь?

— Да.

Она приоткрыла дверь совсем немного и смотрела через щель.

— Сидеть.

Ничего. Марен сама почувствовала себя нелепо.

— Чем я вообще занимаюсь?

Прошло несколько секунд. Существо медленно опустило заднюю часть тела. Поза вышла неудобной и кривой — словно тело помнило команду, но уже не умело правильно её выполнить. Марен уставилась на него.

— Кейл.

— Да?

— Оно поняло.

Она продолжила проверять.

— Место.

Никакого движения.

— Туда.

Животное повернуло голову.

— Вернись.

Никакой реакции. Марен всё равно была довольна. Даже две-три команды делали его намного способнее большинства заражённых. Она посмотрела на мутировавшую собаку.

— Я хочу эту.

Кейл посмотрел на неё. Марен тут же поправилась:

— В смысле, заберём её домой охранять вход.

Существо издало низкий звук, совсем не похожий на обычное собачье рычание. Марен ещё сильнее прикрыла

дверь.

— Гладить я тебя пока не собираюсь.

Хорошо. Границы прежде всего.

* * *

Домой они привели всего трёх относительно стабильных мутантов высокого порядка. Высокого, с исключительным слухом, поставили к северной части периметра. Второго — медленного, но начинавшего рычать при любом приближении — разместили с противоположной стороны. Собака осталась ближе к входу. Большую часть периметра по-прежнему составляли обычные зомби, благодаря которым «Некус» выглядел полностью захваченным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.